

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА

Труды. Том 14
ИСТОРИЯ КНИГИ
РАБОТЫ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ

МОСКВА, «КНИГА», 1978

02
И 90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Я. М. Сикорский, профессор, доктор филологических наук (главный редактор); *О. И. Бабкина*, кандидат географических наук; *Л. М. Коваль*, кандидат исторических наук (ответственный секретарь); *А. П. Кузичева*, кандидат филологических наук; *Э. О. Майо-Знак* кандидат филологических наук; *И. В. Морозова*, кандидат педагогических наук; *И. П. Осипова*, кандидат педагогических наук; *Я. Я. Соловьева*, кандидат исторических наук (зам. главного редактору); *Э. Р. Сукиасян*, кандидат педагогических наук.

Ответственный редактор тома *Е. Л. Немировский*, доктор исторических наук.

Редактор Библиотеки *Т. М. Макагонова*, кандидат филологических наук.

И 61001-070 7-78
002(01)-78

(с) Издательство «Книга», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателей очередном томе «Трудов» Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина публикуются работы научных сотрудников отдела редких книг. Отдел этот в 1978 г. отмечает свое 60-летие; он был создан в составе бывшего Румянцевского музея вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в декабре 1918 г.

Формирование фондов отдела стало возможным благодаря, исключительно вниманию, которое Коммунистическая партия и Советское правительство в трудных условиях гражданской войны и промышленной разрухи уделяли использованию культурных ценностей прошлого для нужд коммунистического воспитания трудящихся. В постановлении Совета Народных Комиссаров о научных библиотеках, принятом 4 сентября 1919 г. и предварительно отредактированном В. И. Лениным, указывалось на необходимость «передавать все книги, представляющие большой исторический, ученый и литературный интерес, в специальные общественные книгохранилища (Румянцевский, Исторический музей и т. п.)»¹.

¹ Ленинский сборник; XXIV, с. 308.

С момента создания отдела и на всех стадиях его последующего развития отдел проводил работу в трех основных направлениях, а именно: в области комплектования фонда редких и особо ценных изданий, его хранения и обслуживания читателей, в области формирования музейной экспозиции и проведения, на ее базе комплекса работ по пропаганде историко-книжных знаний; в области исследования вопросов истории книги и книжного, дела.

Главной исследовательской темой отдела является «История книги в СССР». Предусмотрено создание монографического многотомного труда, призванного дать общую картину становления и развития книжного дела в нашей стране во всем обилии связей и аспектов.

В порядке предварительной разработки указанной темы выполнены публикуемые в настоящем томе «Трудов» работы Т. А. Подмазовой «Об основных направлениях издательской деятельности народных комиссариатов в первые годы Советской власти», С. С. Ишковой «К истории издания детской книги в первые годы Советской власти» (1917—1921) и Н. И. Бабуриной о массовых изданиях портретов В. И. Ленина в 1918—1924 гг., которая в то же время находится в русле традиционных для отдела работ по раскрытию фондов.

Созданию монографических исследований предшествует источниковедческая вообще и библиографическая, в частности, проработка проблемы. Важнейшим источником в интересующей нас области являются

сами печатные издания. Необходимая предпосылка для их изучения — создание национального библиографического репертуара. Для решения этой грандиозной задачи многое уже сделано, но еще больше предстоит сделать.

В 1975 г. завершено издание капитального «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725— 1800 гг.» (Т. 1—6. М., «Книга», 1962—1975). В настоящее время ведется работа над «Сводным каталогом книг на иностранных языках, изданных на территории России в XVIII веке» (головная организация — Библиотека Академии наук СССР). Одним из первых результатов исследовательской проработки материала, собранного в процессе создания этих каталогов, является публикация в настоящем томе «Трудов» статьи И. М. Полонской «Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина» и Т. И. Кондаковой «К вопросу о формировании профессии издателя в России в XVIII в.» В 1971 г. вышел в свет «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Книги и периодические издания», который значительно облегчает труд историков, философов, литературоведов, книгovedов по изучению истории революционной мысли, освободительного движения и истории революционной печати XIX в. В 1977 г. издан «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Листовки». Публикация статей З. А. Покровской о типографии газеты «Начало» и С. С. Левиной о читателе нелегальной революционной литературы в период «хождения в народ» подытоживает некоторые из этих разработок.

Традиционными для отдела являются исследования отечественной старопечатной книги. Недавно издан первый выпуск каталога «Украинские книги кирилловской печати XVI—XVII вв.» (М., 1978); в нем описаны книги 1574—1650 гг. и воспроизведен весь содержащийся в них иллюстративный и орнаментальный материал.

Начата работа над «Сводным каталогом старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов», по материалам которого подготовлены публикуемые в «Трудах» статьи Е. Л. Немировского и Ю. А. Лабынцева об изданиях Франциска Скорины. Возобновлено изучение и описание коллекции инкунабулов — одним из первых результатов является публикация статьи Н. П. Черкашиной.

Источниковедческая проработка проблем истории советской книги и книжного дела с необходимостью предусматривает составление ретроспективных указателей литературы², а также архивных фондов государственных хранилищ СССР, содержащих материалы по истории книги³. В настоящем томе «Трудов» публикуется обзор Е. В. Батхиной «Архивные материалы по истории книги и книжного дела в центральных районах РСФСР. 1917—1929 гг.».

² См.: Книга и книжное дело в первые годы Советской власти. Указ. лит.-ры. Вып. 1—2. М., 1976. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел редких книг).

³ См.: Архивные материалы по истории книги и книжного дела в СССР.

1917—1967. Указатель. М., 1976. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел редких книг).

В комплексе материалы сборника дают достаточно полное представление о работе отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в области изучения истории книги и пропаганды книжных богатств, собранных в его фондах.

*И. И. БАБУРИНА,
заведующая сектором
изобразительных материалов*

МАССОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПОРТРЕТОВ В. И. ЛЕНИНА в 1918—1924 гг.

Ленинская тема — одна из главнейших тем советского изобразительного искусства. Живописцы и графики, скульпторы и мастера монументально-декоративного искусства отдают свой талант и труд благородному делу воссоздания в творениях искусства образа Владимира Ильича Ленина во всем его величии и многогранности. Художественная Лениниана насчитывает большое число работ, принадлежащих мастерам разных поколений. Созданные на холсте и бумаге, в мраморе и граните, они органически входят в интерьеры общественных зданий и музеев, в архитектурные ансамбли городов и поселков, становясь подлинным достоянием народа.

Ленинская тема в искусстве — одна из самых объемных, широких и многоаспектных. Данная статья ограничивается рассмотрением лишь массовых изданий портретов В. И. Ленина, увидевших свет при жизни вождя и сразу после его смерти — в 1924 г.

По признаку массовости в обзоре объединены такие столь разные по своей природе издания, как гравюра, плакат, репродукция, открытка. Распространяясь по всей стране, они проникают в самые отдаленные ее уголки, завоевывая многомиллионную аудиторию зрителей.

В первые годы Советской власти личность В. И. Ленина — государственного деятеля и человека — приковывает внимание таких художников, как Н. А. Андреев, В. А. Андреев, Г. Д. Алексеев, Н. И. Альтман, И. И. Бродский, Г. С. Верейский, М. В. Добужинский, Л. О. Пастернак.

До середины 20-х гг. художественная Лениниана переживала в основном период натуральных зарисовок и набросков. Материалы тех лет бережно хранились их авторами и очень редко воспроизводились¹.

¹ Так, в книге Р. Я. Аболиной «Ленин в советском изобразительном

искусстве» (М., 1975) читаем: «Лениниана Андреева была мало известна при жизни ее автора. Бесконечно требовательный к себе, художник почти не опубликовывал своих работ. Впервые они были показаны на выставке «Художники РСФСР за 15 лет» в Москве» (с. 41).

Малочисленность и малоизвестность фотоснимков², рисунков, картин, посвященных В. И. Ленину, создавала трудности в работе художников над образом вождя, в работе полиграфистов и издателей.

² Один из исследователей фотографий В. И. Ленина — Л. Ф. Волков-Ланнит — пишет: «Изучая фотографическую Лениниану, невольно сожалеешь, что многого не удалось запечатлеть. Причиной тому — не только чрезмерная занятость Владимира Ильича, но и его необычайная личная скромность».

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина хранит около 20 репродукций и литографий, около 10 плакатов и примерно столько же открыток — портретов В. И. Ленина, вышедших в свет в 1918—1923 гг.; большим числом представлены издания 1924 г.: более 50 репродукций и гравюр, около 10 плакатов и 50 открыток. О полноте этой подборки судить трудно: «Книжная летопись» 1918—1924 гг. отражала далеко не все изобразительные издания. Первые сведения о воспроизведении портретов в печати находим только в выпусках 1920 г. Репродукции последующих лет занесены в летопись не с исчерпывающей полнотой. Так, не упоминаются в ней хранящиеся в нашей Библиотеке портреты В. И. Ленина, изданные в 1920 г. в Вологде, в 1921 г. — в Одессе, в 1922 г. — в Екатеринбурге, в 1923 г. — в Москве (Библиотека не располагает зарегистрированными «Книжной летописью» портретами, вышедшими в этот период в Баку, Барнауле, Иркутске, Киеве, Пскове),

Несмотря на определенные пробелы, коллекция ленинских портретов этого периода, собранная Библиотекой, дает ясное представление об особенностях этих изданий.

Обзор массовых изданий ленинских портретов целесообразнее начать с репродукций и открыток не только потому, что они количественно превышали гравюры и плакаты, но и потому, что они, воспроизводя и популяризируя главным образом фотоснимки и кинокадры, запечатлевшие вождя, сами играли роль документальных источников. Документ и факт как основа, визуальная информация как ведущая функция — вот главные характеристики репродукций и открыток ленинской тематики 1918—1924 гг.

Оригиналом для многих изданий послужил фотопортрет работы М. С. Наппельбаума (1869—1958) — тот самый портрет, который готовился для избранных произведений В. И. Ленина и был сделан в январе 1918 г.³

³ Фотопортреты В. И. Ленина атрибутируются по капитальному труду Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центрального партийного

архива. См.: Ленин. Собр. фотографий и кинокадров. В 2-х томах. М., 1970.

Две репродукции воспроизводят этот оригинал.

Одна из них — с надписью «Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин)» — вышла в серии «Русская революционная галерея»⁴. Прекрасный снимок М. С. Наппельбаума воспроизведен в высшей степени профессионально. Художественные и полиграфические качества репродукции очень высокие. Портрет напечатан в Петрограде в художественных мастерских журнала «Солнце России» большим форматом — 53,5X36 см, на хорошей бумаге, в технике глубокой печати. Выдержаны и строго продуманы пропорции, композиция листа, соотношение изображения и текста. Репродукция не датирована, можно предположить только, что она была издана в 1918 г.— в тексте встречается буква «ять», отмененная орфографической реформой 1918 г. Портрет бесспорно принадлежит к числу лучших прижизненных изображений вождя.

⁴ Книжной летописью не зарегистрирована.

Другая (репродукция напечатана Первомайской походной типографией Москвы в 1923 г. в небольшом формате (17X19), на тонкой бумаге, способом автотипии. Портрет В. И. Ленина помещен в овале, под фотографией подпись; «Председатель Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С. Республики В. И. Ульянов (Ленин)». Целевое назначение этого портрета-листовки, напечатанного тиражом 7,5 тыс. экз.,—широкое распространение среди трудящихся масс.

Хорошо известна фотография П. А. Оцуа — погрудный портрет, датированный 16 октября 1918 г. С подписью «В. И. Ульянов (Ленин). Председатель Совнаркома и С.Т.О.» этот портрет был издан в Москве в 1923 г. секцией Всероссийского комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК. Прекрасный оригинал воспроизведен на хорошей плотной бумаге «кабинетного» размера (44X35 см), в технике глубокой печати, украшен орнаментальной рамкой, снабжен надписями: «РСФСР» — в верхней части рамки и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — в нижней.

Популярный снимок Г. П. Гольдштейна «В. И. Ленин выступает с речью на площади Свердлова на параде войск, отправляющихся на польский фронт 5 мая 1920 г.» был репродуцирован способом автотипии на маленьком (формат 19X13 см) листке плохой бумаги. Издание имело текст: «Наш вождь Владимир Ильич Ленин. В память 3-й Гдовской сельскохозяйственной выставки. Деревенская газета». В этой несовершенной по исполнению репродукции сделана попытка средствами полиграфии — выделением фрагмента, увеличением его размера,— подчеркнуть такие грани образа Ленина, как Ленин — вождь, Ленин — трибун.

В период создания прекрасных фотопортретов В. И. Ленина и наряду с их массовым воспроизведением в 1918—1923 гг. выходят в свет также репродукции, представляющие собой вольную художественно-графическую

обработку фотооригинала. Немногие сохранившиеся образцы интересны тем, что они показывают характер художественно-графического осмысления образа вождя.

Наиболее простой путь, характеризующийся использованием выразительных средств полиграфии, намечен в рассмотренном выше гдовском издании. Усложненный его вариант — в репродукции формата 26X21 см без подписи и выпускных данных (дата поступления в Библиотеку — 1922 г.).

Неизвестный автор обращается к фотографии или кинокадру, запечатлевшим В. И. Ленина во дворе Кремля на прогулке по выздоровлению после ранения (октябрь 1918 г., фотограф П. А. Оцуп или оператор А. Ф. Винклер). Автор выделяет фрагмент — погрудный портрет вождя в трехчетвертном повороте вправо, меняет фон (условный пейзаж вместо построек Кремля). Укрупнение форм, отказ от деталей, изменение фактуры (грубые линии цинкографской печати вместо сложных светотеневых нюансов фотографии), — все нацелено на обобщение образа, на выявление его внутренней силы, хотя профессиональный уровень и рисунка, и печати невысокий.

В фондах Библиотеки хранится портрет В. И. Ленина, выполненный в традициях лубка (Владимир Ильич Ленин-Ульянов. Председатель Совета Народных Комиссаров. М., Изд-во ВЦИК, 1918). Владимир Ильич изображен на фоне Кремля, портрет окружен орнаментальной рамкой, яркой, многоцветной. Строго выдержать портретное сходство неизвестному автору не удалось.

Близко к лубку и единственное из известных нам изданий, выпущенное к 50-летию В. И. Ленина. Репродукция издана в Вологде Политпросветом Беломорского Окровоенкома в 1920 г. Лист подписан, но об его авторе — А. Осташове — никаких сведений не найдено. В качестве оригинала А. Осташов использовал известный фотопортрет работы М. С. Наппельбаума и, заключив его в рамку, расположил в верхней части листа. По нижнему краю рамки — лозунг «Да здравствует наш Ильич!», по верхнему — цифры: 1870—L23 (!) — IV 1920. Рамка отделяет портрет от нижней части композиции, где на фоне сельского пейзажа с мельницей и огромного снопа изображен крестьянин, а на фоне дымящих фабрик — рабочий у наковальни. Обратив взоры к портрету, рабочий и крестьянин приветствуют вождя.

Стиль рисунка эклектичен: композиционные приемы заимствованы в искусстве лубка, символика — в плакатном искусстве, орнаментальные мотивы выполнены в стиле модерн. В целом уровень профессионального мастерства художника нельзя признать высоким, но ему удалось передать чувства глубокой искренней любви народа к вождю.

В отличие от малочисленных и относительно малотиражных прижизненных изданий портретов В. И. Ленина посмертные репродукции ленинской тематики характеризуются массовостью распространения. Репродукции выходят в свет и как самостоятельные издания, и как приложения к газетам и журналам. Большую роль в пропаганде

изобразительных изданий ленинской тематики сыграла деятельность Центральной комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина. Среди мероприятий Комиссии, в частности, — выпуск; небольших альбомов, содержащий фотографические снимки вождя в различные периоды его жизни, издание портретов Владимира Ильича, начиная с детства и кончая последними годами его жизни.

Рассмотрев «скульптуры, картины и другие предметы с изображением В. И. Ленина, выпускаемые государственными и частными предприятиями», Комиссия констатировала, что «огромный процент представленных портретов Владимира Ильича не имеет с ним почти никакого сходства»⁵. Отмечая, что «распространение таких изображений и в особенности выставление их в публичных местах создает опасность усвоения широкими слоями населения искаженного внешнего образа В. И. Ульянова-Ленина», ЦИК СС.СР постановил «воспретить размножение, продажу и выставление в публичных местах перечисленных видов изображений В. И. Ульянова-Ленина, кроме фотографических, но не исключая фотомонтажа, без соответствующего разрешения особых Комиссий (Центральной комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова-Ленина, ее Ленинградского отделения, Комиссии, при ЦИК Союзных республик — УССР, БССР, ЗСФСР. — Н. Б.), предусмотренных нижеследующими статьями сего постановления»⁶.

⁵ Отчет Комиссии ЦИК по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). М., 1925, с. 39.

⁶ Там же, с. 40.

«Книжная летопись» за 1924 г. зарегистрировала более 80 изданий ленинских портретов.

Многие из портретов хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

подавляющее большинство репродукций портретов В. И. Ленина сделано с нескольких, ставших популярными при его жизни, фотооригиналов, выполненных М. С. Наппельбаумом, П. А. Оцупом, Г. П. Гольдштейном. Вместе с тем издаются и ранее не воспроизводившиеся снимки — «В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят из здания Высших Женских курсов» (28 августа -1918 г.); «В. И. Ленин, М. И. Калинин среди делегатов I Всероссийского съезда прудовых казаков в Доме Союзов» (1 марта 1920 г.) и др. Чаще репродуцируется не весь снимок, а лишь его фрагмент, главным образом — лицо Владимира Ильича. Показательны, четыре портрета из собрания Библиотеки, напечатанные с одного фотооригинала — снимка А. А. Левицкого «В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с американским экономистом П. П. Христенсеном» (28 ноября 1921 г.) Ни одна репродукция не воспроизводит снимка целиком, ограничиваясь фрагментами: погрудным портретом В. И. Ленина за письменным столом (Москва, Краснодар) и портретом до плеч с отвлеченным фоном (Москва — приложение к «Крестьянской газете»;

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ)

Краснодар, литография Кубчернпартиздата).

Иллюстрация:

Председатель Совета Народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Репродукция фрагмента фотографии А. А. Левицкого «В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с американским экономистом П.-П. Христенсенем» 28 ноября 1921 г. Приложение к «Крестьянской газете». М., «Красная новь», 1924. ГБЛ

Среди посмертных изданий ленинских портретов наибольший удельный вес официальных портретов большого и среднего формата, в рамках и без рамок, с подписями, как краткими [«В. И. Ульянов (Ленин). Председатель Совнаркома СССР (10 апреля 1870 — 21 января 1924 г.)». Оренбург, 1924], так в развернутыми [«В. И. Ульянов (Ленин). Вождь международного пролетариата. 1870—1924 г.» М., Издание Секции Всероссийского комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК, 1924; «Владимир Ильич Ульянов-Ленин — бессмертный вождь международного пролетариата». Л., Госиздат, 1924; «Создатель большевистской партии, организатор вооруженного восстания рабочих и крестьян, глава первого Советского правительства в мире, творец мирового Коммунистического Интернационала — Ленин великий вождь и учитель пролетариата и беднейшего крестьянства». М., типо-лит. «Пролетарий у руля», 1924]. Среди изданий этого типа следует отметить многокрасочный портрет с фотографии П. А. Оцуца (размером 73X60 см, напечатанный на плотной бумаге техникой хромолитографии, с рамкой «под золото» (М., Изд-во Всерос. комитета помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны при ВЦИК).

Широкое распространение после смерти вождя получает портрет-листочка. Он печатается в Москве, Краснодаре, Харькове, Ростове-на-Дону, Ташкенте. Часто портрет помещается в траурной рамке, иногда без текста и подписи, иногда с небольшим текстом — сведениями биографического характера. Формат портретов-листочков — от 16,5X12,5 до 34x23 см, тиражи — от 1500 экз. (М., «Мосграфика») до 550 тыс. экз. (М., «Крестьянская газета»).

Реже издается портрет — памятный подарок («Делегату районной беспартийной конференции в день 7-й годовщины Октябрьской революции». Краснодар; «В воспоминание грустных событий от траурного Заседания Секции Здравоохранения Гор. Совета Р., К., К. и К. Д. и Коллектива сотрудников Губ. Отдела Здравоохранения 31 января 1924.» Владивосток; «На память от Нижшлиграфа и Союза печатников Призывнику 1902 г. территориальных частей». Нижний Новгород; «Делегату Других Чергових зборів уповноважених Українкустарспілки 20 лютого 1924 року». Харьков). Эти надписи — трогательное свидетельство любви народа к В. И. Ленину, глубокой скорби в связи с кончиной вождя.

1970

1977

В. И. Ульянов-Ленин

Среди ленинских портретов 1924 г. нередко встречаются репродукции плакатного типа: с плакатом их объединяет большой формат, особенности цветового решения, политическая заостренность текста.

Наиболее интересный пример такого издания — портрет В. И. Ленина, напечатанный в Казани редакцией «Известий ТЦИК.» и ОК РКП. Черный цвет доминирует на листе — это цвет двух траурных рамок и текста, напечатанного шрифтом жирного начертания, цвет костюма Владимира Ильича, данного сплошной заливкой, фона. Графическая выразительность цвета достигнута приемами искусства плаката. Над портретом, воспроизводящим снимок 23 апреля 1920 г., текст, по содержанию и политической значимости близкий лозунгу: «Сегодня мы хороним вождя. Вечная память дорогому Ильичу. Крепче сомкнем рабоче-крестьянские ряды». Под изображением слова песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Портрет, решенный строго-торжественно, плакатно, лаконично, прекрасно воспроизведенный в технике глубокой печати, принадлежит к числу лучших посмертных портретов вождя.

Иллюстрация:

В. И. Ульянов-Ленин. 1870—1924. Репродукция плакатного типа. Харьков, Укранонс, 1924. ГБЛ

Приметная особенность посмертных изданий репродукционных портретов вождя — усилившаяся по сравнению с предыдущими годами тенденция к художественной образности, — естественно, в пределах тех возможностей, которыми располагает репродукция как вид издания.

Цвет же как элемент художественной образности в первой половине 20-х гг. вводится в репродукционные портреты очень редко. Один из немногих примеров — портрет с оригинала П. А. Оцуца, напечатанный в качестве бесплатного приложения к «Рабочей газете» в типографии «Полиграфическое производство» тиражом 60 тыс. экз. Прогон красной краской заставляет работать фон, который не просто оттеняет изображение, но, как и в плакате, несет художественно-символическую нагрузку. В то же время несоответствие контуров, блеклость краски — свидетельство несовершенства техники полиграфии, что тормозило издание многокрасочных репродукционных портретов.

Наконец, последний и очень существенный момент, характеризующий посмертные издания ленинских портретов, — выход в свет репродукций, сделанных с изобразительных художественных произведений. С одобрения Комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина в 1924 г. ряд художников, используя документальный материал, выполняет живописные и графические оригиналы, которые воспроизводятся в цвете, способом растровой печати. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина хранит ряд таких изданий: многокрасочную репродукцию акварельного портрета работы И. И. Бродского «Ленин-гимназист» (Л., изд.; «Красной газеты»), тоновые (пробные?) оттиски на одном листе, воспроизводящие различные

живописные и графические произведения, посвященные вождю; среди них — рисунок головы Владимира Ильича, выполненный Н. И. Альтманом, репродукция картины В. И. Пчелина «Покушение на Ленина» и др.

Коротко следует сказать и об открытках. К сожалению, в эти годы открытки — за редким исключением — не находили отражения в «Книжной летописи», невелико их собрание и в ГБЛ, архивные же материалы дают основание предполагать, что среди изданий портретов В. И. Ленина в открытках были интересные образцы⁷.

⁷ Так в отчетах Иркутского отделения Госиздата есть сведения о портрете В. И. Ленина, воспроизведенном на открытках (два варианта) в 1920 г. (ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 3, д. 1, л. 5); в докладе заведующего коммерческим отделом К. Кузминского, сделанном на правлении Госиздата, находим следующие сведения: «Мысль об издании открытых писем возникла в Госиздате еще в 1922 г., когда между Госиздатом, с одной стороны, и И. Н. Кнебель, с другой, был заключен общий договор на издание за границей по оригиналам художника Л. (?) А. Андреева трехцветных репродукций-открыток портретов общественных и политических деятелей Советской России... В данное время имеются две серии по шестнадцати портретов каждая»(ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 222, л. 23).

Небольшая коллекция прижизненных изданий открыток-портретов В. И. Ленина позволяет сделать следующие выводы: в основном открытка воспроизводит те же фотооригиналы, что и репродукция: очевидно, разные издательства располагали одними и теми же снимками. В то же время тематический диапазон открыток был более широким. Наряду с фотопортретами известных мастеров в открытке был воспроизведен, например, портрет В. И. Ленина, сложенный из живых цветов на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (время поступления в Библиотеку — 1923 г.).

Посмертные издания открыток также шире, чем репродукция, популяризируют портреты, запечатлевшие вождя в разные годы его жизни и деятельности, виды мест, связанных с жизнью В. И. Ленина.

Тематика репродукций и открыток, посвященных В. И. Ленину, в 1924 г. значительно расширяется: воспроизводятся фотографии памятных мест (дом в Горках), снимки, запечатлевшие прощание народа с В. И. Лениным. Эти материалы, так же как и художественные и документальные портреты, формируют ядро массовой репродукционной Ленинианы, которая получит многоаспектное развитие в последующие годы.

Собственно гравированные портреты В. И. Ленина того времени, т. е. выполненные в технике гравюры на дереве, металле, линолеуме, неизвестны. Сохранились лишь литографированные портреты. В 20-е гг. литография была одним из ведущих способов печати (этим способом, в частности, тиражировались политические плакаты). При отсутствии выпускных данных, в частности — сведений о тираже, не всегда можно определить, ставил ли

автор перед собой задачу художественно-образного воспроизведения облика вождя или ограничился тщательным копированием фото- или кинокадра.

Исходя из того, что при размножении оригинала средствами литографии так или иначе используются выразительные возможности ее языка, мы условно поместили в группу литографированных ленинских портретов все без исключения образцы, выполненные в этой технике печати⁸.

⁸ «Книжная летописи» не разграничивает портреты гравированные и репродуцированные фотомеханическим путем.

Специфика прижизненных литографированных портретов Владимира Ильича Ленина отмечена Р. Аболиной. Говоря о ленинской теме в графике после 1924 г., исследователь отмечает что главной своей задачей художники считали необходимым «точно, достоверно запечатлеть черты дорогого лица. Сделать это без натуры было чрезвычайно сложно, а иногда и вовсе невозможно. Поэтому неудивительна теснейшая зависимость графики от фотографии, почти точное воспроизведение фотоснимков в технике гравюры. Распространение гравированных изображений можно объяснить и тем, что огромная потребность в портретах Ленина требовала применения такой графической техники, которая позволила бы повторять образцы, хорошо репродуцировалась в печати. Именно этому отвечала гравюра на камне, дереве и металле — литография, ксилография, офорт»⁹.

⁹ Аболина Р. Я. Ленин в советском изобразительном искусстве. М., 1975, с. 60.

Действительно, при подготовке большинства прижизненных изданий литографированных ленинских портретов так или иначе использовались известные фотооригиналы, главным образом снимки М. С. Наппельбаума и П. А. Оцуа.

1922-м годом датирован портрет, напечатанный в Архангельске и подписанный Н. Балакиревым — художником, сведений о котором, к сожалению, найти не удалось. Скорее всего, Н. Балакирев располагал фотографией П. А. Оцуа «В. И. Ленин за рабочим столом в своем кабинете в Кремле 16 октября 1918 г.» Литографский карандаш позволил мастеру смягчить контрасты света, выделить глаза, приглушить отдельные детали. Следует упомянуть и о том, что литография (а возможно, и автолитография, если принять во внимание небольшой тираж — 120 экз.) напечатана на оборотной стороне старой карты Северного Ледовитого океана¹⁰.

¹⁰ Экземпляр Книжной палаты напечатан на оборотной стороне карты Индигской губы и реки Индиги.

По типу и стилю решения портрету Н. Балакирева близок портрет, автор которого С. К. Шерер перевел в литографию (автолитографию) снимок

Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Рабочему Интернационалу Третьего Интернационала
на память о 5-ой годовщине Октябрьской Революции.

7 НОЯБРЯ 1927 ГОДА

„Живи силами со всех сторон, делай и улучшай
работу — а этим единственное спасение раба — крестьянской
власти“.

(На память В. И. Ленина в Социалистическом Рабочем Интернационале)

работы М. С. Наппельбаума. Литография была напечатана издательством «Московский рабочий» в 1922 г. тиражом 10 тыс. экз.

Нередки случаи, когда в процессе работы над образом В. И. Ленина мастера расширяли жанровые рамки портрета, идейно неполитически насыщали композиции. Интересен в этом отношении литографированный портрет вождя, напечатанный в том же 1922 г. в Екатеринбурге. Он совмещает в себе черты портрета, листовки, плаката, памятного подарка. В качестве основы автор использует фотоснимок В. И. Ленина работы М. С. Наппельбаума (январь 1918 г.). Издатели сопровождают портрет таким текстом: «Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Рабочему Екатеринбургского Текстильного Треста на память о 5-ой годовщине Октябрьской Революции. 7 ноября 1922 года. „Всеми силами со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти“. (Из письма В. И. Ленина 5 Всероссийскому съезду профсоюзов)». Литография была издана большим тиражом — 7200 экз.

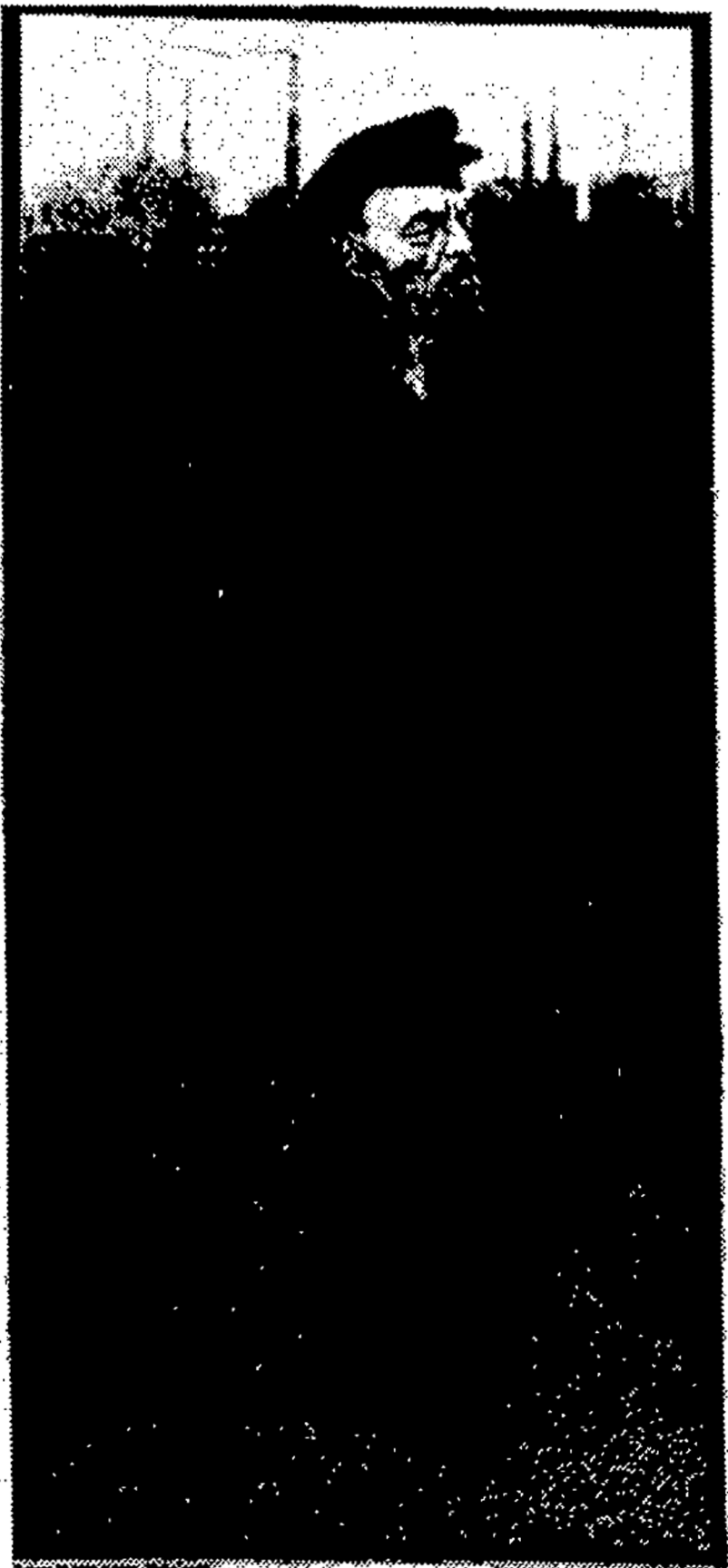
Иллюстрация:

Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Литография с фотографии М. С. Наппельбаума. Портрет — памятный подарок. Екатеринбург, 1922. ГБЛ

Литографированный портрет, выпущенный в 1921 г. в Одессе Госиздатом (изображение в круге, подпись: «В. И. Ленин»), по существу близок плакату символикой изображений второго плана, лаконизмом и четкостью идеи: дымящиеся трубы городов и крестьянин с сохой олицетворяют рабочий класс и крестьянство, которые под руководством В. И. Ленина совершили революцию и приступили к строительству нового Социалистического общества.

Литография не подписана, но чувствуется рука опытного мастера: композиция листа конструктивна, форма уверенно лепится большими пятнами заливок, строго выдержано портретное сходство с оригиналом и одновременно выявлена специфика и выразительность языка литографии; органично сочетание портрета и изображений второго плана.

В коллекции ленинских портретов ГБЛ особое место занимает небольшая группа листов, выполненных в технике литографии. Их объединяет между собой и отличает от других несхожесть с фотооригиналом. В процессе копирования — по разным причинам (неопытность или невысокая квалификация художника, плохие материалы и т. д.) — утрачено портретное сходство, причем настолько, что в двух случаях вообще трудно предположить, каким фотоснимком располагало издательство («Вождь мировой революции В. И. Ленин», без выпускных данных, время поступления в Библиотеку — 1923 г.; «Н. Ленин», Житомир, Всеукраинское издательство, 1921); в одном случае можно догадаться, что литография сделана на основе фотоснимка М. С. Наппельбаума («Н. Левин». Всеукраинское издательство, 1920); и лишь один оригинал можно установить

Ильич

безошибочно — это хорошо известный снимок П. А. Оцуа (Новороссийск, Госиздат, время поступления в Библиотеку — 1921 г.).

Для посмертных гравированных и литографированных портретов вождя — при той же ориентации на документальные источники — характерна тенденция к большему художественному обобщению. В этом нетрудно убедиться на стримере нескольких работ, варьирующих один и тот же оригинал — фотоснимок, запечатлевший вождя во время прогулки во дворе Кремля по выздоровлению после ранения (октябрь 1918 г.). Легкие штрихи, манера беглой зарисовки, свойственная литографированному портрету, напечатанному 3-й типографией Транспечати в Москве (тираж 10 тыс. экз.), создают впечатление документальности изображения, и в то же время автор опускает ряд деталей, добиваясь обобщенности форм, монументализации образа.

Иллюстрация:

Ильич. Литография неизвестного автора (инициалы С. В.) с фотографии П. А. Оцуа или А. Ф. Винклера «В. И. Ленин во дворе Кремля на прогулке по выздоровлению после ранения» 18 октября 1918 г. М., Литография Вхутемаса, 1924. ГБЛ

Другой портрет, напечатанный в Москве, в литографии Вхутемаса, тиражом 3 тыс. экз., имитирует фотографию. Неизвестный автор (инициалы С. В.) меняет фон, рисует на втором плане силуэт индустриального города, тщательно вырисовывая брусчатку мостовой; В. И. Ленин — совсем как на фотографии, но взгляд его устремлен в даль — в будущее, образ получает особое звучание.

В литографии, выпущенной Самгубиздатом, воспроизведен крупным планом погрудный портрет вождя. Манерой плоскостного и плакатно-условного изображения автор добивается конструктивной ясности и хорошей «читаемости» портрета, отличного сходства с фотооригиналом.

1924-м годом датированы первые массовые подлинно художественные гравированные и литографированные портреты вождя. Они принадлежат двум выдающимся мастерам-графикам — Г. С. Верейскому (1886—1962) и И. Н. Павлову (1872—1951). И Г. С. Верейский, и И. Н. Павлов стремились прежде всего воссоздать образ выдающегося государственного деятеля, главы первого в мире государства рабочих и крестьян. В литографии Г. С. Верейского «В. И. Ленин на II Конгрессе Коминтерна в 1920 году» (Л., 1924) Владимир Ильич запечатлен произносящим речь. Живость движения, характерность позы и жеста переданы очень убедительно. Лист замечателен тем, что основой его послужил рисунок, сделанный художником с натуры¹¹, и это обстоятельство придает портрету значение исторического документа.

¹¹ Воспоминания художника о его работе опубликованы в предисловии к альбому «Владимир Ильич Ленин. Зарисовки художников с натуры» (М.,

**В. И. ЛЕНИН НА II КОНГРЕССЕ КОММУНИСТОВ
В 1920 ГОДУ.**

1967, с. 5). Г. С. Верейский сообщает, что первоначальный набросок был воспроизведен в сборнике, посвященном II Конгрессу Коминтерна (Изд-во Коминтерна, 1920). Сделанная на основе его литография приложена к сборнику, посвященному памяти В. И. Ленина, изданному Моссоветом; рассматриваемое издание было выпущено в виде отдельного листка Ленгизом.

Гравюра И. Н. Павлова выполнена в технике ксилографии. Художник показал В. И. Ленина читающим документы, подчеркивая в образе вождя черты мыслителя и государственного деятеля. Портрет, заключенный в траурную рамку, был репродуцирован в февральском номере журнала «Под знаменем марксизма».

Литография Г. С. Верейского и ксилография И. Н. Павлова положили начало образному решению ленинской темы в тиражной гравюре и литографии.

Иллюстрация:

В. И. Ленин на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. Литография Г. С. Верейского, Л., Ленгиз, 1924, ГБЛ

В политическом плакате 1918 — 1924 гг. над образом В. И. Ленина работают Д. С. Моор (1883—1946), М. М. Черемных (1890—1962), В. Н. Дени (1893—1946), А. И. Страхов (р. 1896).

Д. С. Моор — автор первого из известных нам массовых тиражных портретов В. И. Ленина: в 1919 т. Госиздат выпустил плакат небольшого листовочного формата, без лозунга и текста. Главная мысль плаката: В. И. Ленин — вождь революции. Художник изобразил Владимира Ильича с горящим факелом в руке, идущим впереди шеренги рабочих. Революционная символика плаката предельно ясна, идея выражена доходчиво и ярко. Вместе с тем Д. С. Моор избегает монументализации образа, подчеркивая человечность вождя, близость его народу, неразрывную связь с ним. Черный пиджак, кепка, улыбка на лице — глядя на портрет, нетрудно догадаться, что мастер знаком с документальным фильмом «Ленин во дворе Кремля на прогулке по выздоровлении после ранения», снятым операторами А. Ф. Винклером и А. А. Левицким. Строго придерживаясь портретного сходства, Д. Моор тем не менее подчиняет документальный материал своему замыслу, выбирает особый ракурс, находит в изображении таких черт, как простота и скромность Человека и величие и прозорливость Вождя, ту меру, которая и определяет особую значимость образа.

Эти две грани образа В. И. Ленина — Вождь и Человек — подчеркнуты и в работах, созданных выдающимися мастерами плаката М. М. Черемных и В. Н. Дени. Для издательства ВЦИК в 1919 г. М. М. Черемных рисует серию однокрасочных плакатов. Используя принцип последовательного изобразительного рассказа, свойственного лубку, художник в форме популярной и доходчивой стремится раскрыть суть важнейших проблем

времени. Основное действующее лицо в трех из восьми хранящихся в Библиотеке плакатов этой серии — В. И. Ленин.

В 1919 г. газета «Беднота» опубликовала еще один рисунок М. М. Черемных. По этому рисунку в 1920 г. В. Н. Дени создает плакат «Тов. Ленин очищает землю от нечисти» (Казань, издание Политотдела Запасной Армии Республики и Пуокр. Приволжского). Плакат с великолепной выразительностью доносит до зрителя идею международного значения Великой Октябрьской социалистической революции, руководящей роли Коммунистической партии, которую олицетворяет фигура вождя, красною метлою выметающего с земного шара царя, попа, капиталиста. Плакат В. Н. Дени близок работам Д. С. Моора и М. М. Черемных принципом использования документальных источников, характером раскрытия образа и сходством внешних черт облика вождя. Все три мастера показывают В. И. Ленина в действии, за работой, огромной и сложной, наделяют его чертами любимых народных героев, которые в плакатном образе переплавляются в черты подлинно народного вождя.

Несколько иное — более официальное и торжественное — решение ленинской темы отличает плакат художника А. Соколова «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией» (М., Октябрьская комиссия при МК РКП, 1922). Плакат посвящен IV Конгрессу Коминтерна. В. И. Ленин изображен стоящим на земном шаре на фоне восходящего солнца рядом с рабочим и крестьянином — представителями первого в мире социалистического государства. Портрет вождя представляет собой графический вариант фотографии или кинокадра (прогулка во дворе Кремля по выздоровлении после ранения в октябре 1918 г.). Всем строем рисунка художник стремится создать впечатление подлинной фотографии и таким образом усилить документальность плаката.

После смерти вождя образ его в политическом плакате характеризуется ярко выраженными чертами обобщенности и монументальности. Эти черты свойственны одной из лучших работ 1924 г. — плакату украинского мастера А. И. Страхова «В. Ульянов (Ленин). 1870—1924».

Плакат замечателен во многих отношениях. Используя ту же фотографию, что и А. Соколов, разрабатывая ту же тему «Ленин — вождь», художник добивается необыкновенной выразительности и торжественности звучания ее. А. Страхов трактует образ В. И. Ленина прежде всего как образ вождя Великой Октябрьской социалистической революции, указывающего путь рабочим, солдатам, крестьянам. Художник смело использует символику цвета, резко сопоставляя красное с черным. Это сочетание несет совершенно определенную смысловую нагрузку и отличается повышенной декоративностью: фигура Ленина дана заливкой красного цвета — цвета революции, а черный фон символизирует прошлое. Лаконичный, емкий по содержанию плакат до сих пор остается одним из лучших плакатов, посвященных вождю. Он переиздавался в 1933, 1937, 1938, 1967 и 1968 гг.

«Книжная летопись» в 1920—1923 гг. регистрирует всего 15 (не считая плакатов) ленинских портретов. Отметим их относительную малотиражность

**ТОВ. ЛЕНИН ОЧИЩАЕТ
ЗЕМЛЮ ОТ НЕЧИСТИ.**

в среднем от 1 до 5 тыс. экз

Иллюстрации:

Тов. Ленин очищает землю от нечисти. Плакат. Художник В. Н. Дени. Казань, Политотдел Запасной Армии Республики и ПУОКР. Приволжского, 1920. ГБЛ

Портреты В. И. Ленина нередко издавались в составе серии — обозначенной («Русская революционная галерея») или необозначенной, но легко восстанавливаемой на основании идентичности формата, тиража, способа печати. Так, в 1921 г. Киевское государственное издательство выпустило в свет портрет В. И. Ленина в числе 11 других портретов — К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Либнехта, Р. Люксембург, Т. Шевченко, А. Луначарского. Секция Всероссийского комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК наряду с упоминавшимся выше портретом В. И. Ленина в том же году издала портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Луначарского, Ф. Дзержинского, К. Ворошилова. В составе серий были изданы портреты В. И. Ленина в Пскове («Книжная летопись», 1923 г., № 5104), Новороссийске («Книжная летопись», 1921 г., № 2426) и других городах.

Кроме центральных издательств Москвы и Петрограда портреты выпускали издательства Архангельска, Баку, Барнаула, Вологды, Гдова, Екатеринбург, Иркутска, Калуги, Киева, Красноярска, Новороссийска, Одессы, Пскова, Ростова-на-Дону, Харькова. В этих городах в годы гражданской войны и в первые годы мирного строительства выпускались и политические плакаты. И это не случайное совпадение, а доказательство того, что портреты деятелей революционного движения — и В. И. Ленина в первую очередь — были документами огромной важности, агитационной и пропагандистской значимости.

Симптоматично, что портреты издавались не только местными отделениями Госиздата, но и редакциями газет, политуправлениями, райкомами. В скудной литературе о деятельности местных издательств можно найти очень важные для нас данные. Например, в продукции сибирских издательств начала 20-х гг. особенно большим был удельный вес агитационно-пропагандистских изданий: листовок, плакатов, брошюр и др. Среди агитационно-пропагандистских изданий были и портреты¹²: в сводке за 1920 г. отмечается «огромное количество так называемой „мелкой литературы" — 1502 названия общим тиражом 2555179 экз., — различных листовок, приказов, постановлений, объявлений, плакатов, портретов, открыток и т. д.».

¹² См.: Посадсков А. А. Государственная система книгоиздания и книгораспространения в Сибири в годы «военного коммунизма» (1920—1921). — «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока», 1973, вып. 18, с. 145.

Портреты Владимира Ильича Ленина... Чем были они для поколения, которое в грохоте гражданской войны и интервенции, в первые холодные и голодные годы мирного строительства закладывало фундамент нашего государства? Значение массовых изданий портретов вождя не исчерпывалось тем, что они знакомили рабочих, крестьян, солдат с обликом Человека, под чьим руководством совершилась революция. Имя Ленина стало символом коренных социально-политических преобразований, а портреты вождя — пропагандистами великих ленинских идей.

Портреты Владимира Ильича Ленина неизменно вызывают огромный интерес каждого, кто изучает историю нашей страны и искусства первых лет Советской власти.

В художественной Лениниане они занимают особое место, совмещая в себе качества документа и художественного произведения. Время не изменило значимости и ценности ленинских портретов, и для наших современников они являются реликвиями и документами эпохи.

Долг Библиотеки, носящей имя вождя, — бережно сохранить их для последующих поколений.

*Т. А. ПОДМАЗОВА,
заведующая сектором истории книги,
кандидат филологических наук*

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ *

* Речь идет лишь о тех наркоматах, на базе издательских отделов которых в начале 20-х гг. создаются специализированные отраслевые издательства. Поэтому в статье не рассматривается издательская деятельность Народных комиссариатов просвещения, по делам национальностей, по военным и морским делам. Сведения о ней см.: Давыдова Т. Е. Литературно-издательский отдел Наркомпроса и его место в истории советской книги. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук (Л., 1952); Динерштейн Е. А. Становление издательской системы в РСФСР (1917—1921). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук (М., 1969); Сбитнева А. А. Литературно-издательская деятельность в Красной Армии в годы гражданской войны (1918—1920). Автореферат дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук (М. 1975).

Великая Октябрьская социалистическая революция создала новый аппарат государственного управления. На основе постановления II. Всероссийского съезда Советов от 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. были учреждены народные комиссариаты, осуществлявшие руководство

отдельными отраслями народного хозяйства и социально-культурного строительства.

При народных комиссариатах возникли издательства, занявшие важное место в системе государственного книгоиздания первых лет Советской власти.

Народные комиссариаты развернули широкую издательскую деятельность, выпуская литературу не только для нужд данной отрасли хозяйства, но и на общероссийский книжный рынок. Имея в большинстве случаев четкий издательский профиль, общий с профилем своего ведомства, они заложили основы советского специализированного книгоиздания.

В. И. Ленин, руководивший работой государственного аппарата, большое внимание уделял издательствам наркоматов, оказывал им помощь в формировании основных направлений деятельности, в создании репертуара, своими критическими замечаниями содействовал повышению качества редакционной подготовки и полиграфического исполнения изданий.

В. И. Ленин считал важным делом популяризацию работы первых советских органов управления. Именно ему принадлежала идея издать книгу с отчетами народных комиссариатов к первому юбилею Советской власти. 29 августа 1918 г. В. И. Ленин вынес на обсуждение Совнаркома вопрос «О составлении народными комиссариатами отчетов о своей деятельности с 25 октября 1917 года». Совнарком постановил: «Поручить всем комиссариатам составить в одну неделю краткий, от двух до пяти печатных страниц, отчет о своей деятельности с 25 октября 1917 года»¹, причем форма отчетов должна быть популярной.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 79.

В записке наркомам, написанной на том же заседании, Владимир Ильич дает разъяснения по доводу предстоящих отчетов:

«Позволяю себе выразить следующие пожелания по вопросу об исполнении постановления СНК от 29 августа об *отчетах в недельный срок*:

В отчетах, которые должны быть *наиболее популярны*, особенно необходимо отметить

а) улучшение положения масс (повышение заработной платы для рабочих, народных учителей и т. д.)

б) участие рабочих в управлении (лично выдающихся рабочих и рабочих организаций и т. д.)

в) тоже — беднейших крестьян и помощь Советской власти в борьбе против кулаков.

г) экспроприация помещиков, капиталистов, торговцев, финансистов и т. д.

Главная задача показать *конкретно*, фактами, как именно сделала Советская власть определенные шаги (*первые*) к социализму»².

² Там же, с. 80.

Указания В. И. Ленина легли в основу издательской деятельности комиссариатов, которые приступили к выпуску массовыми тиражами популярных брошюр, пропагандирующих мероприятия Советской власти в различных отраслях народного хозяйства, в социально-культурном строительстве.

Одним из первых издательскую деятельность начал Народный комиссариат юстиции — центральный орган судебного управления. Задача этого наркомата — выработка норм советского социалистического Права, подготовка и редактирование проектов законодательных и других правительственных актов, кодификация декретов и постановлений, опубликование и толкование законов.

В январе 1918 г. был образован литературно-издательский отдел, программа которого формулировалась таким образом: «распространять путем печатного слова в широких массах населения, как общие идеи права, так и практические сведения, необходимые для упорядочения юридического, а попутно и экономического быта народа в соответствии с новыми лозунгами, провозглашенными Революцией»³.

³ ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 2, д. 197, л. 4.

К началу 1918 г. была разработана «Инструкция о редактировании и печатании законодательских и правительственных актов и порядке утверждения и опубликования законов», которая предусматривала, что «все поступившие акты проверяются со стороны их подлинности и точности текста в совещании редакторов издательского отдела, кодификационного отдела и соответственного отделения законодательских предположений и передаются для печатания в „Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства“⁴.

⁴ Там же, оп. 1, д. 7, л. 5—6.

Знание народом советских законов имело большое значение для политического просвещения и воспитания масс. В. И. Ленин уделял внимание пропаганде юридических знаний среди населения, следил за своевременной и точной публикацией законов, обязывал и Народный комиссариат юстиции к этому. В письме к руководящим работникам комиссариата от 15 апреля 1918 г. он писал:

«Прошу членов коллегии юстиции (*желательно всех (посетить меня) о дне и часе сговоримся*) для беседы о том:

1) что именно сделано для издания Собр/ания/Узак/онений/ и Расп/оряжений/.

2) — для кодификации

3) — для получения суда более скорого и беспощадного к буржуазии и казнокрадам и пр.

- 4) — для юридической пропаганды в населении, среди рабочих и беднейших крестьян
- а) печатной
 - б) лекционной (или курсы и т. п.,.)»⁵.

⁵ Ленинский сборник, XXI, с. 222.

В отчете народного комиссара юстиции П. И. Стучки «К 5-му Всероссийскому съезду Советов», опубликованному в «Известиях ВЦИК» 9 июля 1918 г., определялись направления издательской деятельности наркомата на ближайший период. Основное внимание обращалось на регулярный выход «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», подготовку к изданию инструктивных материалов для новых судебных и следственных органов, кодексов уголовного и гражданского права, первой Советской Конституции по особому поручению СНК.

За первые месяцы деятельности литературно-издательский отдел сдал в печать сборник статей о пролетарском революционном праве, три сборника о деятельности народных судов, руководство для народного суда.

Различного рода руководящие материалы печатались в газете «Объявления Народного комиссариата юстиции», в сборнике «Материалы Народного комиссариата юстиции», выходившем ежемесячно. Теоретические и практические вопросы советского правопорядка освещались на страницах журналов «Пролетарская революция и право», «Советское право».

В издаваемых Народным комиссариатом юстиции популярных брошюрах ставились вопросы о сущности Советского государства, советского права, рассматривались отдельные аспекты деятельности правовых органов в центре и на местах.

В 1919 г. был подготовлен сборник важнейших декретов за 1917—1918 гг., в 1920 г. — «Сборник действующих декретов на 1919 год», в 1921 г. — сборник декретов, постановлений и разъяснений по отделению церкви от государства.

Придавая большое значение агитации и пропаганде советских законов, первых декретов пролетарского государства, В. И. Ленин проявлял исключительную требовательность к качеству изданий, к их редакционно-издательской подготовке и техническому исполнению. Так, он резко критиковал выпущенный комиссариатом «Сборник действующих декретов на 1919 год». В письме к наркому Д. И. Курскому не позднее 12 августа 1920 г. он написал:

«Кто это так плохо издает?

Хаос. Даже заглавие неясно.

Сбор и мелочей — и прокламаций.

Неумный человек или саботажник редактировал?»

В этом же письме В. И. Ленин предлагал «издать *важнейшие действующие* (теперь, 1920) узаконения в таком же томе»⁶. В ответ на

последнее предложение Д. И. Курский сообщил, «что готовится к печати другой сборник важнейших декретов РСФСР за три года (с 1917 по 1920)»⁷.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 258.

⁷ Там же, с. 444.

О размахе издательской деятельности наркомата дают представление объемы и тиражи изданий. Так, «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» выходило объемом в 1 печ. лист, тиражом 100 тыс. экз., журнал «Пролетарская революция и право» имел объем 10 печ. листов при тираже 10 тыс. экз., журнал «Революция и церковь» — 3 печ. листа и 30 тыс. экз., «Материалы НКЮ» — 8 печ. листов и 6 тыс. экз.⁸ Сборники декретов по объему, как правило, составляли 20—30 печ. листов и имели тираж до 30 тыс. экз. Различные популярные книги и брошюры издавались объемом в 2—3 печ. листа, тиражом до 100 тыс. экз.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 74.

Таким образом, действовавший в 1918—1921 гг. в составе Народного комиссариата юстиции издательский отдел положил начало советскому юридическому книгоизданию, получившему развитие в последующие годы.

Первым советским сельскохозяйственным издательством был издательский отдел Народного комиссариата земледелия, созданный в июле 1918 г.⁹ Основная задача его — наладить выпуск литературы для деревни, создать новый тип популярной сельскохозяйственной книги для распространения агрономических знаний в широких кругах населения, а также организовать издание научной, справочной, учебной литературы. Наркомзем привлек к сотрудничеству в издательстве (к работе в Совете издательства и его секциях) многих видных ученых — Д. Н. Прянишникова, А. Г. Дояренко, Н. М. Тулайкова, В. Р. Вильямса, Е. А. Богданова и др.), которые не только стали авторами книг и брошюр, но и приняли активное участие в разработке направлений деятельности издательства. Выпущенные с маркой Наркомзема книги и брошюры рассказывали о новых земельных отношениях в Советской России, о новом земельном законе, содержали указания и советы по вопросам организации советских хозяйств и коллективизации. Основная масса книг и брошюр освещала проблемы растениеводства (работы Н. М. Тулайкова, Н. И. Кичунова, П. Н. Елагина и др.), животноводства (работы Е. Ф. Лискуна, А. П. Юрмалиата и др.), борьбы с вредителями сельского хозяйства и т. п.

⁹ «Известия», 1918, 19 июля.

Около трети выпуска составляли переиздания работ, вышедших в дореволюционный период.

В 1918—1919 гг. около 60% изданий выпускалось объемом менее 2

печ. листов, т. е. издавались научно-популярные брошюры предназначенные для широкого круга крестьянских читателей¹⁰. К 1921 г. несколько изменилась структура выпуска: 40% составляли научно-популярные брошюры и 60% — практические руководства, справочники, научные труды¹¹. Это изменение было вызвано все более возрастающей потребностью в книгах по сельскому хозяйству, освещающих на научной основе отдельные проблемы сельскохозяйственного производства. К середине 1921 г. в практику издания вошел выпуск литературы в сериях: «Библиотека агронома», «Библиотека хозяина», «Библиотека пропагандиста». Всего за 1918—1921 гг. было выпущено 291 название¹².

¹⁰ Указатель книг издательства Наркомзема. Вып. 1. Пг., 1919.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 11, л. 5—9.

¹² ЦГАНХ СССР, ф. 478, он. 1, д. 98, л. 16.

Значительную роль сыграло издательство Наркомзема в становлении сельскохозяйственной периодики. В 1918—1921 гг. выходило 20 названий периодических изданий, отличавшихся разнообразием проблематики и предназначенных как для специалистов, так и для широкого круга читателей («Сельское хозяйство», «Огородное дело», «Новая деревня», «Красный пахарь» и др.¹³).

¹³ Подробнее об издательской деятельности комиссариата см.: Динерштейн Е. А. Становление издательской системы РСФСР (1917—1921). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук (М., 1969, с. 202—223); Подмазова Т. А. Издательская деятельность Народного комиссариата земледелия (1917—1921 гг.). — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги (М., 1976, с. 306—318).

Начало советскому государственному медицинскому книгоиздательству было положено организацией издательской секции при Народном комиссариате здравоохранения в октябре 1918 г. В положении о секции определились основные направления ее деятельности: «а) издание учебников и руководств по врачебно-санитарным вопросам для высших и прочих медицинских: учебных заведений; б) обеспечение массового читателя изданиями по вопросам круга ведения Комиссариата; в) издание научных трудов...»¹⁴. Издательство Наркомата установило тесные контакты с учеными-медиками, выразившими желание сотрудничать с Советской властью. В условиях гражданской войны, интервенции, хозяйственной разрухи и голода, когда эпидемии, инфекционные болезни (косили людей, как пули, иногда создавались благоприятные условия для развития социальных болезней, первоочередная задача издательства была в пропаганде медицинских знаний, широкой популяризации их.

¹⁴ Издательское дело в первые годы Советской власти. М., 1972, с. 25.

Большое внимание было уделено изданию брошюр, листовок и плакатов по вопросам борьбы с заразными болезнями (холерой, брюшным и сыпным тифом, дизентерией и т. д.), а также по вопросам профилактики социальных заболеваний и борьбы с ними. В. И. Ленин, выступивший 5 декабря 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов, поднял вопрос о борьбе с эпидемиями на высоту огромной политической задачи, связав ее с судьбами социализма¹⁵. Важное место в этой борьбе отводилось популярной брошюре, листовке, плакату, в составлении которых приняли участие З. П. Соловьев, К. Ф. Флеров, Л. А. Тарасевич, Е. И. Марциновский, А. В. Мольков и другие специалисты-медики.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 410.

Всего, по данным комиссариата, с января 1919 г. по январь 1922 г. было издано 52 названия листовок общим тиражом 9007400 экз., 23 плаката (7300 тыс. экз.), 18 лозунгов (200 тыс. экз.), 93 названия брошюр общим тиражом 1594 тыс. экз.¹⁶

¹⁶ Кватер Е. Издательство Народного комиссариата здравоохранения. — «Медицинская библиография», 1922, вып. 1, с. 24, 27.

Наряду с выпуском научно-популярной литературы Наркомздрав развернул и научное книгоиздание, приступив к подготовке монографий и сборников научных статей по различным отраслям медицинских знаний. В этой работе приняли участие крупные ученые: М. И. Авербах, П. Б. Ганнушкин, А. А. Кисель Л. С. Минор, В. П. Одинцов, Г. И. Россолимо, Л. А. Тарасевич и др.¹⁷ Всего с 1919 г. по 1922 г. Наркомздрав издал 13 тыс. экз. книг (монографий, сборников, учебников, руководств, справочников)¹⁸.

¹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 482, оп. 1, д. 42, л. 52; д. 49, л. 39—47, 289.

¹⁸ Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг.

Издательство Наркомздрава сыграло роль в становлении советской медицинской периодической печати. В течение 1918—1921 гг. выходило восемь периодических изданий («Известия Народного комиссариата здравоохранения», «Бюллетень Народного комиссариата здравоохранения», «Клиническая медицина», «Гинекология и акушерство» и др.)¹⁹

¹⁹ Подробнее см. в нашей статье: Издательская деятельность Народного комиссариата здравоохранения в первые годы Советской власти. — «Книга. Исследования и материалы». Сб. 32. М., 1976, с. 107-122.

С 1918 г. развернул свою издательскую деятельность Народный

комиссариат труда. Она была связана с разработкой первых основных положений по коренным вопросам рабочей политики, с мероприятиями в областях охраны труда (прежде всего введение 8-часового рабочего дня), социального страхования, регулирования заработной платы, учета и распределения рабочей силы. 10 декабря 1918 г. в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» был опубликован Кодекс законов о труде, явившийся новой эрой рабочего законодательства во всемирном масштабе, фиксирующий все основные моменты нового трудового права²⁰. 17 декабря 1918 г. там же публикуется Кодекс законов о социальном страховании²¹.

²⁰ См.: Аникст А. Этапы развития Народного комиссариата труда. От Первого к Четвертому Всероссийскому съезду отделов труда. М., 1923, с. 14.

²¹ Наркомтруд к шестой годовщине Октябрьской революции. — «Вопр. труда», 1923, № 10—11, с. 4.

В составе Наркомата был создан редакционно-издательский отдел. В 1918 г. он выпустил 19 названий книг и брошюр, среди которых 13 — сборники законодательных и инструктивных материалов, шесть — популярные брошюры, посвященные главным образом разъяснению основ социального страхования, на: пример Г. Линдов «Профилактика и социальное страхование», «Всероссийский рабочий страховой съезд», А. Л. Гельфер «Что такое социальное страхование, для чего оно нужно и как проводить его в жизнь». В 1918 г. было также подготовлено к печати 12 работ, которые вышли в 1919 г. Среди них были брошюры И. И. Ходоровского «Рынок труда в России в 1918 г.», А. М. Аникста «Биржи труда и социализм», его два выпуска «Справочника по биржам труда в России» и др.²² О развертывании издательской деятельности в 1919 г. говорит, например, тот факт, что в плане на второе полугодие 1919 г. значились два выпуска сборника декретов, шесть выпусков сборника материалов по статистике труда, два выпуска лекций по охране труда для курсов инструкторов труда, шесть брошюр по вопросам социальной охраны труда тиражом 98 тыс. экз.²³

²² Издания Народного комиссариата труда. — «Экон. жизнь», 1918, 15 дек., с. 6.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 134.

В 1920—1921 гг. увеличился выпуск как чисто ведомственных, инструктивных изданий (правила учета и регистрации, служащих, сводки месячных отчетов и т. д.), так и научно-популярной литературы (книги А. М. Аникста «Организация рынка труда за два года Советской власти (Краткий очерк)», «Организация рабочей силы в 1920 г.», «Организация распределения рабочей силы»). Значительное место стали занимать в общем выпуске

плакаты, альбомы.

Народный комиссариат труда в 1918—1921 гг. выпускал периодические издания: «Вестник Народного комиссариата труда», «Бюллетень Народного комиссариата труда», журнал «Статистика труда», «Бюллетень отдела социального страхования и охраны труда», «Бюллетень тарифного отдела», — на страницах которых публиковались официальные, материалы и статьи по вопросам рабочей политики.

В середине июня 1919 г. создается литературно-издательский отдел в Народном комиссариате социального обеспечения, в функции которого входили охрана материнства и младенчества, охрана детства, обеспечение инвалидов войны и труда, социальная помощь жертвам контрреволюции и войны, стихийных бедствий и ненормальностей общественных отношений, как-то: беспризорность, профессиональное нищенство, проституция и т. д.

Издательская деятельность комиссариата началась с выпуска специального журнала. Задачи издательства были определены в первом номере журнала в статье наркома А. Н. Винокурова следующим образом: «Обязательная государственная помощь на рациональных началах нетрудоспособным и впавшим в нужду, борьба с паразитизмом и тунеядством во всех их видах, воспитание на трудовых социалистических началах детей, оставленных без призора, — таковы лозунги, которые стоят на знамени Комиссариата социального обеспечения и которые наш журнал будет широко пропагандировать»²⁴.

²⁴ «Журнал Народного комиссариата социального обеспечения», 1919, № 1, с. 3.

Потребность в распространении среди трудящихся знаний по вопросам социального обеспечения привела к расширению издательской деятельности наркомата.

Уже в 1919 г. вышло восемь работ законодательного и инструктивного характера, например два выпуска собрания узаконений и распоряжений Наркомсобеса, сборники узаконений о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии, граждан Советской России и др. Кроме того было выпущено восемь брошюр агитационного характера по всем вопросам социального обеспечения, среди брошюр — работы комиссара социального обеспечения А. Н. Винокурова «Социальное обеспечение трудящихся», «Новые законы о полном социальном обеспечении трудящихся»²⁵. Для широкого распространения были предназначены и такие агитационные листовки, как «Социальное обеспечение в Советской России», «Социальное обеспечение несовершеннолетних», «Две войны», «Охрана материнства и младенчества в Советской России», выпускавшиеся тиражом 20 тыс. экз. Всего за 1919 г. Наркомат выпустил 16 названий общим объемом свыше 200 тыс. печ. листов-оттисков (за исключением изданий отдела охраны материнства и младенчества)²⁶. Отдел охраны материнства и младенчества выпустил пять книг научного и научно-популярного характера и подготовил к печати три

работы.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 126.

²⁶ Отчет Народного комиссариата социального обеспечения за апрель 1919 — декабрь 1919. М., 1919, с. 26.

В 1920 г. было издано всего пять книг. Сокращение издательской деятельности Наркомсобеса в 1920 г. объяснялось не только теми трудностями, которые переживала страна, но и тем, что некоторые медицинские функции (охрана материнства и младенчества, протезирование, экспертиза инвалидности и проч.) были переданы в Народный комиссариат здравоохранения²⁷.

²⁷ Народный комиссариат социального обеспечения. Отчет за 1920 год. М., 1920, с. 3, 12.

В 1921 г. с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству снова встал вопрос о популяризации идей социального обеспечения, о всестороннем ознакомлении рабочих и крестьян с общими перспективами социального обеспечения в эпоху диктатуры пролетариата и с практической работой органов социального обеспечения в РСФСР. В апреле 1921 г. был создан отдел популяризации, который выработал план изданий и создал редакционную коллегию, руководившую издательской работой. В 1921 г. были выпущены брошюра Н. А. Милютина «Организация социальной взаимопомощи в деревне», «Очередные задачи социального обеспечения (доклады на Всероссийском совещании завгубсобесами в июле 1921 г.)», «Сборник циркуляров НКСО», «Наказ крестьянским комитетам общественной взаимопомощи», «Отчет Народного комиссариата социального обеспечения IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 год»²⁸.

²⁸ Отчет Народного комиссариата социального обеспечения IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 год. М., 1921, с. 40—41.

В 1921 г. начал выходить журнал «Вопросы социального обеспечения».

Издательская деятельность Наркомсобеса в этот период заложила основы для расширения книгоиздания в последующие годы.

С 1919 г. развертывают свою издательскую деятельность экономические комиссариаты, среди которых особое место занимал Народный комиссариат продовольствия. Именно ему принадлежала главная роль в системе планомерных ленинских государственных и партийных мероприятий по борьбе за хлеб, в реализации лозунга «Борьба за хлеб — борьба за социализм». В речи на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов 17 января 1919 г. В. И. Ленин говорил: «...Мы представляем осажденную страну, крепость. В этой осажденной крепости нужда неминуема, и поэтому

задача Комиссариата продовольствия самая трудная из организационных задач какого бы то ни было комиссариата»²⁹. В августе 1919 г. В. И. Ленин писал о том, что в основе всего строительства социализма по-прежнему — продовольственный вопрос. Чрезвычайные условия — экономическая разруха и интервенция — вызвали к жизни военно-коммунистическую систему распределения продуктов. Вся заготовительная деятельность, отражающая основы экономической политики государства и построенная на применении принципа государственной повинности, составляла предмет исключительной компетенции государственного продовольственного аппарата, так же как и снабжение продовольствием и предметами первой необходимости и распределение их³⁰.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 416.

³⁰ Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти. — «Ист. записки», 1957, № 61, с. 355—357.

В условиях организационного укрепления Наркомпрода разрывалась его издательская деятельность. Большое внимание было уделено выпуску агитационной литературы. Это соответствовало указаниям, которые В. И. Ленин дал народному комиссару по продовольствию. А. Д. Цюрупа писал на заседании СНК 20 июня 1918 г. неустановленному адресату: «Ильич сегодня хуже чем обругал меня за то, что у нас нет никакой литературы по борьбе с голодом». Адресат немедленно откликнулся: «Ильич более, чем прав, и я предлагаю назначить следственную комиссию над Свидерским»³¹. Именно это требование Владимира Ильича, высказанное в категорической форме наркому по продовольствию, ускорило издание ряда агитационных брошюр не только по вопросам борьбы с голодом, но и по другим насущным вопросам продовольственного дела.

³¹ Цит. по кн.: Смирнов И. С. Ленин и советская культура. М., 1960, с. 152.

В плане на вторую половину 1919 г.³² агитационная литература составляла около 50% от всего выпуска (по числу названий). Это были брошюры, пропагандирующие продовольственную политику Советского государства. Название этих брошюр дает представление о широком круге освещаемых в них проблем: «Почему голодает Советская Россия», «Почему голодают народы всего мира», «Почему у крестьянина отнимают излишний хлеб», «Почему уничтожается в Советской России частная торговля», «Для чего нужны рабочие отряды за хлебом», «Для чего создавались комитеты деревенской бедноты», «Враги ли один другому крестьянин и рабочий», «Царские наследники-самогонщики и борьба с ними», «Мешочничество и борьба с ним», «Карточная система», «Трудовые коммуны и советское хозяйство» и т. п. Всего намечено было к изданию 22 брошюры, объемом по 2—5 печ. листов. Тираж одного названия — от 20 до 70 тыс. экз.

³² ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 167—169 об.

Двадцать процентов выпуска (10 названий) составляла литература инструктивного и справочного характера, в том числе сборники законодательных и статистических материалов, а также Практические руководства (например, законодательные акты по продовольственному делу, о кооперативах, о перевозках предметов массового потребления, статистический сборник по главнейшим отраслям народного хозяйства и т. п.). Объем каждого издания — 3—10 печ. листов, тиражи — 5—10 тыс. экз. Они предназначались в основном для работников продовольственного аппарата в центре и на местах.

Наконец, следующую группу (35% выпуска, 16 наименований) составляли так называемые теоретические издания, представлявшие собой научную и научно-популярную разработку коренных вопросов продовольственной политики (например, «Вопросы продовольствия и снабжения». Вып. 1—2; «Хлебная монополия и наша продовольственная система» и др). Они издавались объемом от 5 до 8 печ. листов, тиражом 10—15 тыс. экз. Всего в плане на второе полугодие 1919 г. насчитывалось 48 наименований общим объемом около 300 печ. листов, тиражом 10800 тыс. экз.

Наркомпрод издавал два периодических издания — «Известия Народного комиссариата по продовольствию» и «Бюллетень Народного комиссариата продовольствия», на страницах которых помещались официальные материалы и статьи по различным вопросам продовольственного дела. В конце 1920 г. был поднят вопрос об издании еженедельной «Продовольственной газеты». В докладе управляющего издательским отделом Э. И. Павчинского члену коллегии А. И. Свидерскому от 18 декабря 1920 г. предлагалось прекратить издание ежемесячного журнала «Известия Народного комиссариата по продовольствию», создав на его основе еженедельную политическую продовольственную газету и слив с ней все имеющиеся издания³³.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 82, л. 61—68.

С начала 1921 г. стала выходить «Продовольственная газета», заменив собой прочие периодические издания Наркомпрода. Уже в первой половине 1921 г. тираж ее достигал 20 тыс. экз.

Развитие издательской деятельности Наркомпрода в 1920—1921 гг. характеризуется не столько увеличением числа названий, сколько увеличением тиража изданий.

Все последующие месяцы после X съезда РКП (б), провозгласившего переход к новой экономической политике, были посвящены подготовке к печати материалов, связанных главным образом с налоговой реформой и изменением продовольственной политики. Так, на май — июнь 1921 г. был

намечен выпуск брошюр по продовольственной политике к III конгрессу Коммунистического Интернационала с переводом текста на два иностранных языка, материалов по налоговой реформе к предстоящему Всероссийскому продовольственному совещанию, агитационной брошюры для сельского населения по вопросам новой налоговой политики. Общий объем этих изданий, посвященных актуальным проблемам хозяйственной жизни страны, составил более 30 печ. листов. Материалы в основном предназначались для широкого распространения, о чем свидетельствует их тираж— 100— 200 тыс. экз.³⁴

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 35, л. 107—107 об.

Необходимо особо отметить те издания, в которых Наркомпрод как орган государственного управления рассказывал о своей огромной работе в области продовольственной политики. Так, в 1919 г. была издана брошюра «Как построен и как работает Народный комиссариат продовольствия». В 1919 г. издается книжка «2-й год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1918—1919 гг.», в 1921 г. — «Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919— 1920 гг.» Тираж этих брошюр — 20—50 тыс. экз.

Хотя деятельность Народного комиссариата по продовольствию не была продолжительной — лишь до 1924 г., информационно-издательскому отделу удалось развернуть большую работу по выпуску книг, брошюр и газет, посвященных продовольственной политике, и этим он внес существенный вклад в общий выпуск экономической литературы в стране, в становление советского экономического книгоиздания.

Издательская деятельность Народного комиссариата финансов на первых порах была неразрывно связана с его бюджетно-законодательной деятельностью. Одновременно с разрушением отживших государственных финансовых и частно-кредитных органов шел процесс создания нового аппарата, задача которого заключалась в обслуживании сметно-бюджетных и расчетно-кассовых нужд рабоче-крестьянского правительства.

Первые сметные правила революционного периода были изданы 28 января 1919 г. и представляли собой лишь весьма краткие указания по составлению смет на первое полугодие 1918 г.: их цель была оказать оперативную помощь вновь созданным органам. Вторые сметные правила о бюджете на вторую половину 1918 г., изданные 3 июня 1918 г., представляли собой уже обстоятельное руководство по упорядочению бюджетного дела. Более подробными были «Правила составления, утверждения и исполнения смет и росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР на июнь — декабрь 1919 г.», изданные в мае 1919 г., в которых нашел отражение соответствующий моменту тип бюджетного устройства³⁵. Центральное место в финансовой работе занимал вопрос об упорядочении сметного дела, составлении государственного бюджета и внедрении финансово-бюджетной

дисциплины.

³⁵ Народный комиссариат финансов. К VIII съезду Советов. 20 декабря 1920 г. М., 1920, с. 14—15.

Среди книг, выпускаемых Наркомфином, — большой процент изданий, которые отражали специфику деятельности наркомата, а именно: росписи государственных доходов и расходов и приложения к ним, кассовые отчеты отдельных ведомств, экономические объяснительные записки о государственных доходах и расходах, ежегодные обзоры народного хозяйства за определенный год, обзоры финансового экономического состояния России, обзоры отраслей промышленности. Обзоры — это фундаментальные работы по экономике объемом 30—60 печ. листов. Предназначенные для широкого круга специалистов, они издавались значительным для того времени тиражом—10—30 тыс. экз.

Другую большую группу изданий составляли законодательные и инструктивно-нормативные материалы. Среди них прежде всего надо отметить сборники декретов по финансовому управлению, сборники циркуляров, разъяснений и приказов, которые выпускались объемом 15—30 печ. листов тиражом 30 тыс. экз. Большим числом издавались различного рода циркуляры, инструкции, положения, уставы, регламентирующие деятельность финансовых органов (например, циркуляры о промысловом налоге, о подоходном налоге, о натуральном налоге, инструкции о слиянии казначейств с учреждениями Нарбанка, о создании налоговых аппаратов на местах и т. п.). Объем этих изданий был незначительным, часто менее $\frac{1}{4}$ печ. листа, тираж — 10 тыс. экз.

Наряду с ведомственной, специальной литературой Наркомфин издавал также и популярные брошюры по финансовым вопросам, например о роли банков в советском народном хозяйстве, национализации банков, о системе налогов в капиталистическом и советском хозяйстве и т. п. Объем этих брошюр не превышал 2 печ. листов. Они популярно излагали основы финансовой политики первого в мире социалистического государства, разъясняли те или иные мероприятия Советской власти. Они выпускались, как правило, тиражом 30 тыс. экз.

С целью популяризации финансовой политики Советского государства Наркомфин издавал листовки тиражом 30 тыс. экз. Об объеме и структуре (выпуска, соотношении различных изданий Наркомата финансов дает представление, например, план на второе полугодие 1919 г.³⁶ В плане значилось — 48 названий объемом 616 печ. листов общим тиражом 1139200 экз. Из них на специальные издания научного характера приходилось 18 названий объемом 494 печ. листа, тиражом 305 тыс. экз.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 118—118 об.

Инструктивно-методические издания составляли 22 названия объемом

94 печ. листа, выпускаемые тиражом 214200 экз., научно-популярные брошюры — 6 названий, объемом 12 печ. листов, тиражом 160 тыс. экз., листовки — 10 печ. листов, тиражом 30 тыс. экз., периодические издания — 6 печ. листов, тиражом 430 тыс. экз.

В соответствии с указанием В. И. Ленина о необходимости выпуска книг и брошюр о деятельности народных комиссариатов за 1920—1922 гг. были изданы: «Народный комиссариат финансов к VIII съезду Советов. 20 декабря 1920 г.», «Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г. (Отчет к IX Всероссийскому съезду Советов)», «Народный комиссариат финансов 1917—1922 гг.».

Периодическим органом Наркомфина были «Известия Народного комиссариата финансов», которые издавались тиражом 130 тыс. экз. Комиссариат издавал также Приложения к «Известиям» тиражом 300 тыс. экз.

Большую роль в становлении и развитии экономического издательства сыграл Институт экономических исследований при Наркомфине. В докладной записке института от 1 июля 1919 г.³⁷ определились основные направления издания экономической литературы. Речь шла о публикации справочников (например, «Народное хозяйство в .. годах»), материалов о состоянии народного хозяйства в виде общих сводок данных по различным отраслям, а также работ, освещающих положение финансового хозяйства Советской России (например, А. И. Потяев «Финансовая политика Советской власти» и «Социалистическое строительство и финансы», Я. Таргулов «Финансовая наука»).

³⁷ Там же, д. 33, л. 28—29 об.

Для удовлетворения потребностей в популярной литературе, которая должна была помочь самым широким народным массам понять смысл происходящего, уяснить основы советского строя и советского хозяйства, был намечен срочный выпуск ряда брошюр объемом в 1—2 печ. листа по различным экономическим вопросам народного хозяйства: о государственном бюджете и о бюджете Советской республики, в особенности о советских финансах; о деньгах при капитализме и социализме; о сметах, об отчетности, делопроизводстве и счетоводстве; о кредите, банках, сберегательных кассах; о народном хозяйстве, промышленности, национализации промышленности и торговли, о внешней торговле и ее регулировании; о труде, системах его оплаты, производительности труда. Таким образом, был намечен обширный круг тем для популяризации экономических знаний. Брошюры предназначались для двух категорий читателей: 1) для широких масс населения по общим вопросам, разъясняющие политику и мероприятия Советской власти в области экономики, 2) для широких кругов местных работников с целью инструктирования по отдельным отраслям финансово-экономической деятельности³⁸. В 1920—1921 гг. в Народном комиссариате финансов

развернулась большая работа по реализации намеченных Институтом экономических исследований планов издания научной и научно-популярной экономической литературы.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 33, л. 29 об.

Этим были заложены основы советского экономического книгоиздания.

При Народном комиссариате почт и телеграфов создается техническое издательство, выпускающее издания по вопросам связи.

Прежде всего комиссариат организовал выпуск периодических изданий.

Так, на заседании коллегии Наркомата 4 апреля 1918 г. речь шла о составе редакции «Почтово-телеграфного журнала», явившегося первым официальным изданием ³⁹. В ставке Наркомпочтеля от 15 июня 1918 г. о деятельности комиссариата, в частности указывалось на необходимость своевременного, еженедельного выхода «Почтово-телеграфного журнала» ⁴⁰. Одновременно с вопросом об организации официального периодического издания встал вопрос о необходимости выпуска научно-технических журналов. На заседании коллегии 27 мая 1918 г. был заслушан доклад представителя радиотелеграфного отделения об издании ежемесячного научно-технического журнала «Телеграфия и телефония без проводов». Коллегия признала издание журнала «необходимым и желательным», поручив общую редакцию народному комиссару В. Н. Подбельскому ⁴¹.

³⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 46.

⁴⁰ Там же, оп. 2, д. 211 (б/н).

⁴¹ Там же, оп. 1, д. 49, л. 82.

К началу 1919 г. наркомат издавал четыре журнала: «Почтово-телеграфный журнал» (с августа вместо него стали выходить журнал «Техника народной связи»), «Телеграфия и телефония без проводов», «Радиотехник», «Пролетарий связи».

В августе 1918 г. на заседании коллегии был поднят вопрос о необходимости наладить издание технической литературы. Было решено объявить конкурс на составление работ по вопросам, касающимся почтового, телеграфного и радиотелеграфного дела, а именно: «1) задачи почтово-телеграфного ведомства в связи с социалистическим "строительством" страны, 2) организация управления почтово-телеграфным ведомством в центре и на местах, 3) почта, телеграф и телефон в иностранных государствах; 4) телеграф в его историческом развитии, 5) радиотелеграф в России» ⁴². Таким образом, речь шла об издании научно-популярных брошюр, разъясняющих организацию различных форм связи в Советской России и за рубежом и определяющих их место в народном хозяйстве страны, а также роль в социалистическом преобразовании России. Наряду с этим встал

вопрос о необходимости издания научной, справочной, учебной литературы для специалистов отрасли. На заседании 4 октября 1918 г. коллегия наркомата приняла решение об ассигновании на издание специальных работ по почтово-телеграфному делу 100 тыс. рублей⁴³. К изданию были намечены труды видных ученых — профессоров В. И. Коваленкова «Популярный курс телефонии», В. К. Лебединского «Электричество и магнетизм», А. А. Петровского «Электричество и магнетизм», инженеров Ф. и К. Гейне «Руководство для ремонта телеграфных линий», «Аппарат Витстон», М. В. Шулейкина «Курс радиотехники» и др. Это были капитальные сочинения объемом 20—30 и более печатных листов, которые издавались для специалистов тиражом 5—10 тыс. экз. Профессора В. К. Лебединский и А. А. Петровский были привлечены к редактированию переводов работ зарубежных авторов⁴⁴.

⁴² ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 1, д. 49, л. 120.

⁴³ Там же, л. 149.

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 45, 205.

Из-за трудностей с полиграфической базой число монографий, учебников, руководств, справочников в планах выпуска 1920—1921 гг. значительно сокращается. Так, план на 1921 г. включил всего семь названий научно-технических изданий по телеграфии и телефонному делу объемом 155 печ. листов, общим тиражом 37 тыс. экз.⁴⁵

⁴⁵ Там же, д. 81, л. 160—161.

Определенный процент в выпуске книг и брошюр составляла ведомственная литература, обслуживавшая нужды практических работников, — это различного рода инструктивно-нормативные материалы, издаваемые отделами наркомата. В 1919 г. были изданы тарифы рабочих и служащих народной связи. Административным отделом были подготовлены инструкции уполномоченным Наркомпочтеля, о политических комиссарах в почтово-телеграфных учреждениях, циркуляры об освобождении почтово-телеграфных работников от всякой трудовой мобилизации, об укомплектования штатов в губотделах и т. п. Телеграфный отдел подготовил список условных адресов правительственных и общественных учреждений и установлений и должностных лиц РСФСР, отдел почтовых сношений — список местных учреждений, который издавался в нескольких частях тиражом в 30 тыс. экз.⁴⁶

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 395, д. 10, л. 45; ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 4, д. 32, л. 2, 3, 9.

Наркомпочтель наладил издание картографического материала, прежде всего телеграфных карт РСФСР.

Специализируясь на выпуске научной, производственной, учебной литературы для нужд своей отрасли, издательский отдел Наркомпочтеля стал той основой, на которой развивалось в дальнейшем издание научно-технической литературы в стране по основным видам связи.

С деятельностью Народного комиссариата путей сообщения связано начало выпуска научно-технической литературы по железнодорожному транспорту.

В ответ на запрос Госиздата от 9 июля 1919 г. отдел по подготовке железнодорожных агентов НКПС сообщил, что «располагает идейным и техническим аппаратом для развития издательства» и приложил список изданий в 24 названия объемом 318 печ. листов, тиражом 298 тыс. экз.⁴⁷ Из этих 24 названий — три уже находились в печати (В. Н. Образцов «О профессионально-техническом образовании Советской России», Н. И. Фадеев «Строительное искусство. Материалы и работы. Ч. I—II» «4-е Всероссийское совещание по подготовке железнодорожных агентов»), а 11 — были подготовлены к печати.

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 37.

Основная часть изданий представляла собой солидные практические руководства для специалистов железнодорожного транспорта, например, книги Н. О. Рогинского «Краткое руководство по железнодорожной сигнализации и централизации стрелок и сигналов» (3-е изд., перераб.), И. Д. Власова «Краткий курс электротехники слабых токов» (3-е изд., перераб.) и др., а также учебные пособия для железнодорожных училищ. В список входили три научно-популярные брошюры об истории паровоза, о новых задачах железнодорожного транспорта, сборник статей о возрождении транспорта, в котором освещались вопросы роли транспорта в социалистическом народном хозяйстве.

Если на первоначальном этапе издательская деятельность отделов была разобщена, не было единого издательского аппарата, то в 1920 г. такой аппарат был создан — это редакция специальных экономических и технических изданий при Высшем техническом комитете НКПС. В ней было сосредоточено издание ежедневного официального «Бюллетеня Народного комиссариата путей сообщения» и его приложений, научного журнала «Техника и экономика», с периодичностью выхода два раза в месяц. Эти периодические издания выходили тиражом 10 тыс. экз. Редакция стала издавать ведомственный, инструктивно-нормативный материал, предназначенный для работников железнодорожного транспорта, а также научно-популярную, научную, справочную и учебную литературу по транспорту⁴⁸.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, Д. 81, л. 25.

Представление об объеме издательской деятельности, структуре выпуска и тематике изданий дает производственная программа редакции на первую половину 1921 г. В ней значится 51 название объемом около 350 печ. листов, тиражом около 400 тыс. экз.⁴⁹, причем научные и справочные издания составляли 38 названий (т. е. более 74%) объемом около 300 печ. листов, тиражом около 250 тыс. экз. Среди них такие капитальные научные работы, как «Исследование рабочего процесса парового котла и пароперегревателя» С. П. Сыромятникова (объем — 20 печ. листов), справочники и практические руководства (например, «Руководство для железнодорожного машиниста, монтера депо, их помощников и слесарей» А. А. Голубева, объем — 25 печ. листов), наконец, технико-инструктивные издания типа правил технической эксплуатации железных дорог. Более 29% от общего плана выпуска (т. е. 15 названий) составляли научно-популярные брошюры по транспорту объемом в 2—3 печ. листа, тиражом по 10 тыс. экз. Хотя по объему это всего лишь 14%, по тиражу — 40% от всего выпуска.

⁴⁹ Там же, д. 195, л. 450—451.

Развитию технического книгоиздания Наркомпути в значительной степени способствовало то, что у комиссариата была собственная типолитография⁵⁰, число машин в которой к концу 1920 г. увеличилось до 27 (в 1917 г. — 23). Выше стала производительность труда — если в январе 1920 г. печаталось 1 411 286 листов-оттисков, то в ноябре 1920 г. их стало 3459.302.

План на первый квартал 1922 г. свидетельствовал о дальнейшем расширении издательской деятельности Комиссариата путей сообщения. В плане было 31 название тиражом 120 тыс. экз., из которых 15 — научные, справочные книги, 6 — технико-инструктивные издания, 10 — научно-популярные брошюры⁵¹. Надо отметить, что доля научно-популярных изданий в общем выпуске возросла и составила около 30%.

⁵⁰ Петров П. Обзор работ типолитографии НКПС (с 1913 г. по 1919 г. и за 11 мес. 1920 г.)—«Московский печатник», 1921, № 3, с. 9—13.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 2, л. 89—90, 92.

При НКПС возникло и картографическое издательство, выпускавшее железнодорожные карты. Так, в январе 1919 г. были сданы в печать карты путей сообщения Европейской и Азиатской частей России тиражом 4 тыс. экз. В связи с тем, что тираж разошелся очень быстро, в 1920 г. было предпринято второе издание карт⁵².

⁵² ЦГАНХ СССР, ф. 1884, оп. 1, д. 232, л. 6, 32, 36, 52.

Упорядочению и более четкой организации издательства способствовало создание в декабре 1921 г. при Высшем техническом

комитете специальной редакционной комиссии, которую возглавил представитель Высшего технического комитета Г. Д. Дубелир⁵³.

⁵³ ЦГАНХ СССР, ф. 395, оп. 1, д. 218, л. 40.

Издательская деятельность Народного комиссариата путей сообщения заложила основы для создания в дальнейшем специализированного издательства, выпускающего научно-техническую литературу по вопросам транспорта.

Охарактеризовав издательскую деятельность тех комиссариатов, в которых она в течение 1918—1921 гг. получила широкое развитие, положив начало созданию первых советских специализированных издательств, необходимо сказать и о других наркоматах, издательская деятельность которых в этот период только налаживалась и носила более специальный, ведомственный характер.

Некоторые из наркоматов по тем или иным причинам не смогли осуществить первоначальных программ. Так, Народный комиссариат государственного контроля (с февраля 1920 г.— Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции) первоначально наметил широкую издательскую программу по популяризации теории и практики контрольной работы в государственных и профессиональных организациях. Уже в 1919 г. вышло шесть брошюр, посвященных вопросам истории и организации государственного контроля в России, а также освещающих результаты обследований отдельных национализированных предприятий. Однако в дальнейшем книгоиздательство ограничилось выпуском небольшого числа брошюр по чисто практическим вопросам контрольного дела⁵⁴.

⁵⁴ Там же, д. 10, л. 36—36 об.

Специальный и довольно ограниченный, ведомственный характер носила в первые годы Советской власти издательская деятельность таких наркоматов, как Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат иностранных дел, Народный комиссариат торговли и промышленности, преобразованный с июня 1918 г. в Народный комиссариат внешней торговли.

Сводная таблица планов выпуска изданий наркоматов за ноябрь — декабрь 1921 г.⁵⁵

Наркомат	Научная		Научно-популярная		Производ. и инструктор.		Учебная		Агитационно-политич.		Периодич. издания		Всего	
	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж	Назв.	Тираж
	а	ж	аз	ж	зв.	(в	в.	ж (в тыс.	в.	ж (в тыс.	в.	(в	Назв.	аж (в

	3	(В	В.	(В		ТЫС		ЭКЗ.)		ЭКЗ.)		ТЫС		ТЫС
	В.	ТЫ		ТЫС		. ЭКЗ.						. ЭКЗ.		. ЭКЗ.
	3.)	С.		ЭКЗ.))))
НКЮ	-	-	-	-	5	240	-	-	-	-	1	5	6	245
Нкзем	3	20	3	50	3	90	16	201	15	340	9	74	49	775
Нкздрав	-	-	3	20	11	48	13	45	-	-	4	26	31	139
НКТ	-	-	-	-	1	10	-	-	-	-	2	30	3	40
Нксобес	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	1	5
НКпрод	2	20	-	-	10	178	4	201	4	320	-	-	20	719
НКфин	2	6	-	-	3	15	-	-	1	3	2	8	8	32
Нкпочтел ь	3	30	-	-	2	30	-	-	-	-	2	32	7	92
НКПС	-	-	-	-	27	588	-	-	-	-	1	12	28	600
НКРКИ	-	-	-	-	6	28	-	-	-	-	3	13	9	41
НКИД	-	-	-	-	1	5	-	-	-	-	2	5	3	10
нквт	3	10	-	-	2	6	-	-	-	-	-	-	5	16
Итого:	1	86	6	70	71	123	39	447	20	663	27	210	170	217
	3					8								5

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 44, л. 100.

Народный комиссариат внутренних дел издавал «Бюллетень НКВД» (официальный орган), а также журнал «Власть Советов», на страницах которого нашли отражение вопросы советского государственного строительства, административного права, коммунального устройства. НКВД выпускал отчеты о своей деятельности, большое число инструктивных материалов по вопросам, входящим в компетенцию наркомата, брошюры по административному праву РСФСР, государственному строительству. При комиссариате образовалось картографическое издательство, которое развернуло большую работу по изданию карт в связи с новым административным делением⁵⁶.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 44, л. 100.

В составе Народного комиссариата иностранных дел был создан отдел печати с секцией по изданию сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Из сейфов бывшего Министерства иностранных дел было извлечено, расшифровано и затем опубликовано свыше 100 договоров и других секретных дипломатических документов царского и Временного правительства. Сначала они появились в газетах, а затем были изданы отдельными сборниками. Документы разоблачали империалистический, грабительский характер войны, развязанной

буржуазией.

Официальным периодическим органом Наркомата был «Бюллетень НКИД», который с девятнадцатого номера стал выходить под названием «Международная жизнь», позднее — «Вестник НКИД»⁵⁷.

⁵⁷ Там же, оп. 16, д. 2, л. 158; оп. 1, д. 35, л. 23.

Народный комиссариат торговли и промышленности, кроме инструктивной документации, издавал два периодических издания: «Вестник торговли и промышленности», «Таможенный вестник»⁵⁸.

⁵⁸ Там же, от. 1, д. 10, л. 75.

Народный комиссариат внешней торговли до начала 1920 г. не имел возможности наладить внешнеторговый обмен, все попытки встречали противодействие Антанты, окружившей Россию тесным кольцом блокады. Это сказалось на развитии деятельности наркомата, в том числе и на издательской. Хотя по положению о наркомате в его составе и был издательский отдел, однако в первые годы Советской власти его работа по составлению экономических, обзоров стран, различного рода справочников только налаживалась. Так, во второй половине 1921 г. были подготовлены четыре работы, среди которых обзор внешней торговли России за 1920 г., очерк развития законодательства о внешней торговле⁵⁹.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 396, оп. 9, д. 4, л. 48.

К концу 1921 г. объем издательской деятельности народных комиссариатов был довольно значительным. О размахе издательской деятельности наркоматов в целом, об объеме выпуска печатной Продукции (по числу названий и тиражу) каждого из них, о структуре выпуска, о соотношении различных типов изданий дает наглядное представление сводная таблица из планов выпуска изданий на два месяца (ноябрь—декабрь) 1921г. (см. таблицу, с. 43). За этот период 12 народных комиссариатов предполагали выпустить 143 книги и брошюры общим тиражом 2505 тыс; экз. и 27 периодических изданий тиражом 210 тыс. экз. В продукции комиссариатов соотношение отдельных видов изданий было различным, но повсюду специальная, отраслевая литература (производственная, научная, учебная) составляла основную массу как по числу названий, так и по тиражу.

Развитие издательской деятельности Народных комиссариатов в 1918—1921 гг. заложило основы для создания в 20-х гг. советских специализированных издательств («Новая деревня», «Связь», «Транспечать», «Финансовое издательство», «Юридическое издательство», Госмедиздат и др.).

*С. С. ИШКОВА,
старший научный сотрудник*

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1921)

С первых дней революции книгоиздание для детей, став важной составной частью советского книгоиздательского дела, потребовало, чтобы его участники осознали необходимость принципиально нового подхода к книге для детей.

Впервые был разрушен барьер, существовавший между жизнью детей и большой историей, в быт и сознание юных граждан вошел мир революции, боевой дух социальной ломки и классовой борьбы. Яркое свидетельство этому — детские рисунки 20-х гг., хранящиеся в Музее революции. Они поражают верностью и точностью отбора важнейших исторических событий. В них запечатлено все то, чем тогда жила страна. Детская книга и должна была пойти навстречу новым запросам своих читателей, должна была объяснить им происходящее, подготовить их к участию в преобразовании действительности. Новый состав читательской аудитории, увеличившейся благодаря притоку огромной массы пролетарских и крестьянских детей, впервые получивших доступ к знаниям, требовал продуманной программы использования богатейшего классического наследия и создания новой литературы.

Для становления советской детской литературы и книгоиздания немало сделали видные деятели партии и Советского государства — А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Горький. Изданию детской книги был посвящен ряд партийных документов. На страницах центральных газет публиковались рецензии и статьи, свидетельствовавшие об огромном внимании государства к этой проблеме. «Детская книга, как важное оружие воспитания, должна получить самое широкое распространение», — говорилось, например, в статье «Забытое оружие», опубликованной в «Правде» 17 февраля 1918 г. Далее в статье подчеркивалась необходимость отбора и переиздания всего ценного из детского репертуара прошлого и выдвигалась задача создания книги нового типа: «...то, чем сейчас пользуются наши дети, должно быть очищено от яда, грязи и мусора, — писала «Правда». — На обязанности же государства лежит дальнейшее и немедленное притом снабжение детей новыми книгами»¹.

¹ Кормчий Л. Забытое оружие. — «Правда», 1918, 17 февр.

Идейно-педагогические и эстетические требования к книге для юных читателей стали формироваться уже в первые годы Советской власти (1917-1921). Этот период характеризуется разработкой издательских программ и

планов. Среди них планы государственных издательств, литературно-издательских отделов Наркомпроса и Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. Важную группу документов составляют те, в разработке которых принимал участие А. М. Горький.

Мы попытаемся уяснить роль указанных выше издательских программ в становлении советской книги для детей.

Первый издательский план (этот документ не введен в научный оборот) был составлен Специальной комиссией по изданию детских книг при педагогическом подотделе ЛИО Наркомпроса в конце сентября 1918 г.² В основу его был положен принцип «здания литературы сериями, с учетом возрастных особенностей детей и существующей системы школьного образования»³. Принцип, сформулированный в плане Специальной комиссии, стал основополагающим в дальнейшей издательской практике.

² Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению. М., 1918, с. 21.

³ Анализ этого документа опровергает существующее мнение, что в первые годы Советской власти вопрос о четкой возрастной дифференциации при издании книг для детей не ставился.

Комиссия намечала подготовить четыре серии книг: «Книжки-первинки» (для младшего возраста), «Библиотека детского чтения» (для среднего возраста), «Классики для детского чтения» и «Дети и революция».

Комиссия по изданию детских книг предполагала напечатать 13 выпусков серии «Книжки-первинки» под общей редакцией Н. В. Тулупова. Первые книги для самостоятельного чтения включали сказки, пословицы, загадки. Сюда должны были войти также произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова и других писателей и поэтов.

«Библиотека детского чтения» должна была издавать лучшие произведения русской и зарубежной литературы. Предполагалось выпустить до 100 книг.

В серии «Классики для детского чтения» намечалось опубликовать произведения русской классической литературы (И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого). Из произведений иностранной классической литературы были подготовлены к изданию: «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу планировалось также издание научно-популярной литературы в виде сборников, монографий, при этом особое внимание обращалось на выпуск биографий великих людей.

Этот план Комиссии был первой попыткой найти методы и формы издания детской книги в новых условиях.

В том же 1918 г. ЛИО Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области составил план издания русских классиков, куда вошли и книги для детского чтения. В государственных архивах обнаружить план пока еще не удалось, но о содержании его можно судить по докладной

записке А. М. Горького⁴, написанной в декабре 1918 г. В ней конкретизирован именно этот план издания русских классиков, но применительно к нуждам школы, что было очень своевременным, так как в этот период начинала осуществляться программа партии в области просвещения и создавалась единая трудовая школа.

⁴ Докладная записка-программа для задуманного А. М. Горьким, но несозданного издательства «Русская литература».

В докладной записке об издании русской художественной литературы А. М. Горький изложил принципы переиздания классических произведений для школы, а также обратил внимание на необходимость издания для детей фольклора.

«Для нужд школы,— писал А. М. Горький,— должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. И в этой серии нужно выйти за пределы XVIII и XIX веков, издать произведения более ранних эпох, в частности, ряд сборников устной поэзии...»⁵.

⁵ Горький А. М.: Собр; соч. В 30-ти Т. Т. 24. М., 1953, с. 191—192.

В записке был определен необходимый для школы тип издания — избранные сочинения. В издании «...избранных сочинений каждого автора,— писал Горький,— должны быть даны: биография, портрет и одна-две критических статьи (Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др.) с краткой оценкой их исторического значения»⁶.

⁶ Там же, с. 191.

А. М. Горький считал «насушной задачей... издание для школ и художественно иллюстрированных произведений русской литературы», подчеркивая, что это должны быть не библиофильские издания, а «доступные для широких демократических масс»⁷.

⁷ Там же, с. 192.

Решение издавать для детей классику и произведения фольклора, четко сформулированное в этих планах, было исторически важным, особенно, если учесть, что в среде Пролеткульта возникла тенденция строить новую культуру в полном отрыве от культуры прошлого. Эту тенденцию резко критиковал В. И. Ленин в речи на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (май 1919 г.)⁸, в проекте резолюции к съезду Пролеткульта (октябрь 1920 г.)⁹. На необходимость освоения молодым поколением всего лучшего, что было создано их предшественниками, было обращено внимание

В. И. Ленина я в речи на III Всероссийском Съезде Коммунистического союза молодежи: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹⁰.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 330.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 41, с. 337.

¹⁰ Там же, с. 304.

Мы не будем подробно останавливаться на таких важных, но хорошо известных материалах, как каталог издательства З. И. Гржебина, план выпуска детской литературы издательства «Парус». Отметим только, что при участии А. М. Горького «Парус» составил план, по свидетельству К. И. Чуковского, включавший список детской литературы всего мира для последующего перевода, и издания. План был составлен с большой перспективой, на много лет¹¹.

¹¹ См.: Голубева О. Д. Горький — издатель. М., 1968, с. 90.

Значительное место в нем отводилось иллюстрированным сказкам: намечалось издать «Дюймовочку» (ил. Е. Нарбута) и «Свинопаса» (ил. М. Добужинского) Г.-Х. Андерсена, «Мальчика с пальчика» (ил. А. Бенуа) Ш. Перро, «Евсейку» (ил. В. Шухова) и «Воробышко» (ил. Н. Ремизова) А. М. Горького. Для детей младшего возраста намечалось силами лучших писателей и художников выпустить 12 сборников.

Так же тщательно А. М. Горький подготовил детский раздел каталога в издательстве З. И. Гржебина, сумев привлечь к работе виднейших ученых.

В предисловии к каталогу говорилось, что описок книг для детей был составлен «при ближайшем участии А. Бенуа М. Горького, В. Д. Замирайло академика С. Ф. Ольденбурга, проф. А. П. Пинкевича, А. А. Радакова, профессора Б. Е. Райкова, К. И. Чуковского»¹².

¹² Каталог издательства З. И. Гржебина. Пб. — Берлин, 1921 с. 87.

Программная часть плана повторяла основные требования к новой детской книге, выдвинутые А. М. Горьким в журнале «Северное сияние», — книга должна, «возбудить в детях начала активности, уважение к творчеству, любовь к труду»¹³. Горький объясняет в записке, чем руководствовались авторы, составляя этот каталог: духовная пища ребенка должна быть избираема очень осторожно... Человек должен быть показан ребенку прежде всего как герой, как смелый путешественник по неизведанным странам, как рыцарь духа, борец за правду, революционер и мученик идей...»¹⁴

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 88.

Особое значение Горький придавал изданию сказок для детей. Раздел «Народные сказки» под общей редакцией академика С. Ф. Ольденбурга ставил своей задачей «ввести в детское чтение новые сказки, обогатить сказочное достояние детей, которое уже довольно давно остается одним и тем же... Подход к сказкам в этой серии не этнографический, а имеет в виду читателя-ребенка, Которому желательно показать все многообразие сказки и разное отношение к ней у разных народов»¹⁵.

¹⁶ Каталог издательства З. И. Гржебина. Пб. — Берлин, 1921, с. 95—96.

Задумано было также издавать серии «Научная фантастика», «Приключения и путешествия». В эти серии должны были войти произведения Ф. Купера, Майн-Рида, Жюль Верна, Э. По, В. Гюго, Р. Кипплинга, Г. Уэллса, К. М. Станюковича и мн. др. В целом это был каталог переводной детской литературы; произведений русских авторов было названо мало.

Каталог издательства Гржебина ценен тем, что кроме перечня предполагаемых к изданию книг здесь даны и определенные принципы книгоиздания: выпускать книги сериями по различным темам и жанрам соответственно возрасту. Даны и конкретные указания относительно внешнего облика книг. Например, для детей младшего возраста — «Формат большой; шрифт крупный; рисунков больше, чем текста»¹⁶.

¹⁶ Там же, с. 92.

Как же реализовались эти замыслы и как решались основные задачи — создание книги нового типа и переиздание всего ценного из классического наследия прошлого?

Одним из первых откликов на важнейшие запросы действительности было издание советского детского сборника «Елка» (январь 1918 г.) и детского журнала «Северное сияние» (сентябрь 1919 г.).

Сборник «Елка» был выпущен в издательстве «Парус» по инициативе А. М. Горького. Составляли сборник К. И. Чуковский и А. Н. Бенуа. В сборнике принимали участие писатели и художники различных направлений: А. М. Горький, В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой, С. Черный, Н. Венгров, И. Е. Репин, Ю. П. Анненков, М. В. Добужинский, В. В. Лебедев, В. Д. Замирайло, С. В. Чехонин. В сборнике еще не было единой программы, но стремление дать что-то новое, яркое, художественное»¹⁷ проявилось в этом издании очень четко.

¹⁷ Чуковский К. И. Современники. М., 1962, с. 370.

Журнал «Северное сияние» начал издаваться в Петрограде

Комиссариатом народного просвещения Союза коммун Северной области. А. М. Горький возглавлял редакционную коллегию журнала «Северное сияние». Им было написано «Слово к взрослым», по существу являющееся выражением новых идейно-педагогических требований к книге для детей. «Мы по мере сил наших,— писал Горький,— будем стремиться воспитать в детях дух активности, интерес и уважение к силе разума, к поискам науки, к великой задаче искусства — сделать человека сильным и красивым»¹⁸.

¹⁸ «Северное сияние», 1919, № 1—2 с 7—8

Эти сформулированные им задачи были выдвинута в противовес еще не умершим старым требованиям — оградить детей от жизни, В журнале были опубликованы произведения А. М. Горького, В. Я. Шишкова, И. Е. Вольнова, В. В. Князева; П. Н. Сурожского и мн. др. В тематике и идейной направленности напечатанных произведений проявился принципиально новый подход к изображению жизни. Журнал рассказывал детям о героях гражданской войны, о революционерах, о жизни детей в Советской стране. Иллюстрации выполнены талантливыми художниками различных направлений: тонким мастером книжной графики В. М. Конашевичем, опытным иллюстратором журналов В. В. Сварогом, плакатистом И. В. Симаковым. Лучшее из напечатанного в журнале было выпущено затем отдельным, изданиями в серии «Библиотека детского журнала "Северное сияние"». За два года существования журнала в этой серии вышло девять книг с маркой Петроградского отделения Госиздата. Три книги из этой серии экспонировались в 1922 г. на Международной выставке во Флоренции¹⁹. А. М. Горький, понимая, что журнал способен скорее, чем книга, откликнуться на современную жизнь, возлагал на него большие надежды в деле создания новой детской литературы.

¹⁹ Горький А. М. Сказки; Немирович-Данченко В. И. Воскресшая песня Пб., 1920; «Гудок». Сборник стихотворений. М., 1920.

В 1918 г. Комиссия по изданию детских книг при педагогическом подотделе ЛИО Наркомпроса решила издавать новую серию — «Дети и революция». Задачей этой серии, как было сказано в «Отчете о деятельности ЛИО Наркомпроса» было объяснить детям «цели и идеалы революции, значение сложность переживаемых явлений»²⁰. Первым выпуском должен был стать «Сборник в память годовщины революции» (для подростков 15—17 лет). В него должны были войти статьи по истории революционной борьбы, биографии революционеров, художественные произведения о революции и участии в ней детей. Сборник не вышел, но идея была подхвачена Госиздатом; он начал выпускать серию, близкую по тематике: «Библиотека юного пролетария». И в этой серии вышла в 1921 г. книга стихов А. И. Безыменского «К солнцу».

²⁰ Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Народного Комиссариата по просвещению. М., 1918, с. 21.

В первые годы Советской власти над созданием новой детской книги работали такие крупнейшие писатели и поэты, как А. М. Горький, В. В. Маяковский, А. С. Серафимович, Д. Бедный.

В. В. Маяковский в 1918 г. составил для детей сборник стихов, посвященных актуальным политическим темам. Сборник не был напечатан, но сам замысел создать боевую, политически острую книгу, вводящую детей в гущу современности и вместе с тем учитывающую специфические запросы ребенка, исследователи Ф. Е. Эбин, Л. Ф. Кон справедливо назвали новаторским.

Д. Бедный в 1922 г. выпустил в Госиздате — с некоторыми сделанными для детей изменениями в тексте и со специальным подзаголовком «Для юных грамотеев» — книгу «Читай, Фома, набирайся ума» с иллюстрациями А. Н. Комарова. Подготовили к переизданию целый ряд произведений для детей и о детях А. М. Горький и А. С. Серафимович. В издательстве Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов вышли в 1919 г. «Дед Архип и Ленька», «Как я учился», «Кирилка»; в Госиздате — «9-е января», «Сказки» А. М. Горького; в Книгоиздательстве писателей в Москве — сборник рассказов А. С. Серафимовича «Мишка-Упырь».

Все эти издания были первым опытом в создании новой детской книги. Таких книг было еще очень мало, поэтому наряду с их созданием большое внимание уделялось переизданию всего ценного из литературного наследия прошлого.

Переиздание русских классиков началось уже с первых дней Советской власти. Важным вкладом в издание книг для подрастающего поколения был выпуск серии «Народная библиотека». Издание этой массовой дешевой серии было начато в 1918 г. ЛИО Наркомпроса. Из обширного литературного наследия были выбраны произведения, многие из которых оказались необходимыми и для детского чтения, например «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Руслан и Людмила», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина; «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Тамань» М. Ю. Лермонтова, «Бежин луг» И. С. Тургенева, стихотворения Н. А. Некрасова, рассказы А. П. Чехова, Л. Н. Толстого.

Редактором серии был В. Я. Брюсов. Оформляли книги лучшие художники-графики: Д. И. Митрохин, Б. М. Кустодиев, И. В. Симаков, Н. Н. Куприянов. Книги печатались в соответствии с новой орфографией, малообъемными, тиражом 15—20 тыс. экз. и пользовались большим спросом.

Невелик был тираж детских книг, издаваемых всеми государственными и партийными издательствами: Московского и Петроградского Советов рабочих и солдатских депутатов, «Коммунистом», ЛИО Наркомпроса, «Всемирной литературой» и др. С мая 1919 г. детскую книгу начинает издавать Госиздат по программе, намеченной Специальной комиссией при

ЛИО Наркомпроса. Так было издано 13 выпусков серии «Книжки-первинки», не полностью выпущена серия «Библиотека детского чтения» (тиражом до 50 тыс. экз.). В этих сериях вышло много сборников, различных по тематике и жанрам, включающих преимущественно произведения устного народного творчества и русских классиков; произведений зарубежной литературы было издано мало. Были изданы, к примеру, «Рассказы и сказки о животных» (М., 1919); «Сказки и стихи» (М., 1919), «Рассказы, басни, стихотворения» (М., 1921), «Избранные стихотворения для детей» Н. А. Некрасова (М., 1920), отдельные произведения Э. Сетона-Томсона и др. Выполнить намеченную программу по переизданию русских и зарубежных классиков удалось лишь частично.

Серия «Классики для детского чтения»²¹ не была выпущена совсем. Объем книжной продукции для детей, изданной государственными издательствами в эти годы, был невелик. Например, Московское отделение Госиздата в 1920 г. выпустило всего 24 названия общим тиражом 710 тыс. экз.²² Это объясняется тем, что в данный период первоочередной задачей Госиздата оставался выпуск политической и учебной литературы.

²¹ Госиздат 20 сентября 1922 г. принял решение издавать серию «Дешевая библиотека классиков. Школьная серия». См.: ЛГАЛИ, ф. 2913, оп. 1, д. 122, л. 113.

²² ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 204, л. 4—7.

Организационные формы детского отдела в этот период еще только складывались. Так, в протоколах заседаний Госиздата от 26 июня 1919 г. говорится об организации шести основных отделов Государственного издательства, в их числе пятым назван «Педагогический и детский», во главе которого были поставлены А. И. Ульянова-Елизарова, П. П. Блонский и др.²³ В 1921 г. редколлегия секции детской литературы в Москве состояла из представителей нескольких учреждений: Дошкольного отдела Главсоцвоса, Комиссии по изданию учебников, Литературного отдела Наркомпроса, Изобразительного отдела Наркомпроса, Редакционно-издательского отдела Наркомпроса, Библиотечной секции МОНО, Института детского чтения, Госиздата²⁴. Такая структура, очевидно, усложняла работу. Можно назвать и другие причины, тормозившие ее, не было до 1922 г. ни четкого производственного плана, ни согласованности с научно-популярным отделом, издававшим также детскую книгу долгим оставался процесс приема рукописи и ее печатания.

²⁴ ЛГАЛИ, ф. 2913, оп. 1, д. 116, л. 123.

Однако разработанные принципы издания детской книги и планы, которые в эти годы не мог полностью претворить в жизнь Госиздат, — перед ним стояли и другие важные задачи, были использованы в руководстве работой частных издательств, которые занимались в большей или меньшей

мере выпуском детской книги. Некоторые из них, возникшие еще до революции, сохранили материально-техническую базу, аппарат, коммерческие связи; они имели и богатый опыт работы. Таковы «Т-во И. Д. Сытина» (1876—1924), продолжавшее выпускать для детей скромно оформленные, дешевые издания сказок, произведения русской и зарубежной классики, научно-популярную литературу; «Посредник» (1885—1930), специализировавшийся главным образом на переводной научно-популярной книге для детей среднего и старшего возраста; издательства А. Ф. Девриена (1872—1920), «Т-во И. Н. Кнебель» (1886—1922), продолжавшие выпуск сказок с иллюстрациями видных мастеров графики; издательство «Брокгауз — Ефрон» (1889—1931), издававшее дорогие, хорошо оформленные книги художественной и научно-популярной литературы; Книгоиздательство писателей в Москве (1912—1923), печатавшее в серии лучшие произведения писателей XIX—XX вв. для школы, в том числе — произведения А. С. Серафимовича, А. М. Горького; «Задруга» (1911—1922), выпускавшее сказки-картинки и исторические повести; «Мир», издававшее серию «Мир сказок» для детей среднего и старшего возраста; «Светлячок» (1902—1925), «Парус» (1915—1918) и другие издательства.

Эти издательства были универсальными, и детские книги занимали незначительное место в их продукции. Так, в издательстве «Брокгауз — Ефрон» книги для детей составляли 17% печатной продукции. Только одно, некрупное издательство «Светлячок» специализировалось исключительно на выпуске детской книги. Однако все вместе издательства выпускали большое число книг для детей.

Кроме старых частных издательств в годы революции и гражданской войны возникли и новые частные издательства, в продукции которых также была детская книга. Это — издательство «Начатки знаний» (1918—1929), наладившее издание научно-популярных работ Я. И. Перельмана в серии «Библиотека для детей и юношества», издательства: «Огни» (1917—1923), выпускавшее главным образом книги для детей младшего возраста; «Наука и школа» (1918—1930), З. И. Гржебина (1919—1922), выпустившее за границей немало ценных, хорошо оформленных детских книг — сказки Андерсена и Перро с иллюстрациями М. В. Добужинского и В. М. Конашевича, «Дети», «Детство», «В людях» А. М. Горького.

Разветвленная сеть частно-кооперативных издательств выпустила в этот период для юного читателя немалое число книг. Из 428 названий детских книг, изданных в 1918 г. тиражом почти 3 млн. экз.²⁵, основная масса принадлежала частным издательствам.

²⁵ Печать СССР за 50 лет. Стат. очерки. М., 1967, с. 108.

Но в 1919—1920 гг. из-за переживаемых страной экономических трудностей объем продукции частных издательств значительно сократился. 1921-й год был самым тяжелым в истории издания детской книги: было выпущено всего 26 книг тиражом 286 тыс. экз.²⁶

²⁶ Там же.

Государство стремилось максимально использовать технические возможности частных издательств, знания частных предпринимателей в области детского книгоиздания.

Взаимоотношения государственных и частных издательств определялись партией и правительством, хотя далеко не сразу выработались их юридические и организационные формы, обнаруженный нами архивный материал позволил установить, что контроль за деятельностью частных издательств и руководство ею осуществляла Коллегия по детской литературе при отделе печати Московского Совета. При этом она следовала принципам и программам, выработанным государственными издательствами и А. М. Горьким.

Протоколы заседаний Коллегии по детской литературе при отделе печати Московского Совета за 1919—1921 гг. свидетельствуют о том, какая колоссальная работа велась по руководству частно-кооперативными издательствами, выпускавшими книги самой различной тематики для подрастающего поколения, регулярно изучались списки книг, выходящих в издательствах И. Д. Сытина, И. Н. Кнебеля, «Посредник», «Светлячок», «Юная Россия», Книгоиздательство писателей в Москве, «Задруга». «Мир», «Проблески», «Денница» и др., Следили за тем, чтобы не издавались детские книги, которые уводили бы читателя от живой действительности, давали бы неверное, искаженное представление о жизни.

Так, на заседании редакционной коллегии отдела детской литературы при отделе печати Московского Совета депутатов от 21 мая 1919 г., на котором присутствовал член редколлегий А. С. Серафимович, книга Л. Чарской «Маленькая Ева» была признана «крайне вредной» и к продаже не была допущена ²⁷; издательствам Сытина и Ступина не было разрешено переиздавать книги Клавдии Лукашевич «ввиду сентиментального, учительного тона, отсутствия жизненной правды»²⁸; издательству «Юная Россия» было предложено изъять из продажи книгу В. П. Алексеева «Война в истории России» «ввиду милитаристского и шовинистического направления»²⁹.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 5.

²⁸ Там же, л. 33, 34.

²⁹ Там же, л. 31.

Коллегия стремилась, хотя это было чрезвычайно трудно сделать, не допускать параллелизма в работе издательств. С этой целью на совещания Коллегии по детской литературе приглашались представители различных издательств для обсуждения их тематических планов.

Это была конкретная форма сотрудничества, позволявшая регулировать выпуск детских книг.

Так, 31 мая 1919 г. состоялось совещание представителей издательств Сытина, Кнебеля и «Светлячок», на котором было решено «взаимно информировать и обсуждать издательские планы»³⁰.

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 8

В протоколе заседания Коллегии по детской литературе от 19 июля 1919 г. записано, что издательству Кнебеля было разрешено выпустить уже отпечатанное число экземпляров сказок Перро, но «новое издание было (признано излишним ввиду выходящего у „Светлячка" лучшего издания»³¹.

³¹ Там же, л. 16.

Архивные материалы показывают, как государство способствовало формированию определенного репертуара детской книги. Согласно программе, выдвинутой А. М. Горьким, поощрялось издание сказок. Списки книг, утвержденные к печати Коллегией, за июль 1919 г. и за март 1920 г.³² содержат большое число названий сказок, выходявших в серии «Библиотека сказок» у Сытина, отдельными изданиями у Кнебеля, серией «Мир сказок» в издательстве «Мир». Тираж отдельных выпусков насчитывал от 6 до 10 тыс. экз.

³² Там же, л. 14, 26, 40.

Редакционная коллегия, выступая против неудачного тематического подбора сказок, против неграмотных пересказов, небрежного художественного оформления, отстаивала научные принципы издания произведений устного народного творчества. Так, в отзыве (от 18 сентября 1920 г.) на 19 книг сказок, подготовленных к печати издательством Сытина, мы находим следующие рекомендации: «часть изданий одобрить и выпустить под маркой Госиздата, другую часть изданий, ввиду неудачного подбора сказок, к печати не допускать и использовать только рисунки»³³. По поводу «Русских детских сказок» А. Н. Афанасьева, подготовленных издательством «Сотрудник школы», редакционная коллегия сделала заключение, что издание «в таком виде недопустимо, ввиду плохих иллюстраций. Издание классического труда Афанасьева очень желательно и заслуживает хорошего издания»³⁴.

³³ Там же, л. 53.

³⁴ Там же, л. 25.

Коллегия по детской литературе при отделе печати Московского Совета в этот период выступает и со своими рекомендациями, которые совпадают с издательскими программами ЛИО Наркомпроса и А. М. Горького. 27 мая 1919 г. Коллегия обсуждала вопрос об издании зарубежных

классиков детской литературы частными издательствами. Решено было предложить издательствам подготовить к печати классические произведения детской литературы: «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, «Дон-Кихот» Сервантеса, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Сказки» Андерсена и др.³⁵ Просмотр каталогов частных издательств, списков книг, представленных ими на утверждение, убеждает в том, что рекомендации коллегии выполнялись. Издательства охотно выпускали эти произведения, но переработка их специально для детей была далеко не всегда удачной. Так, на заседании редакционной коллегии 29 июля 1919 г. были сделаны замечания по поводу вышедшей в издательстве И. Д. Сытина переработки «Дон-Кихота»³⁶. Неудачным был признан подбор повестей и рассказов Дж. Лондона для детей, осуществленный издательством «Светлячок». Заключение редакционной коллегии гласило: «Предлагаемый подбор переделок случайно взятых рассказов не желателен. Чрезвычайно ценный автор. Рекомендовать полное издание его для детей старшего возраста»³⁷. Нежелательным было также признано сокращенное издание рассказов Э. Сетона-Томпсона и В. Лонга. Рекомендовано было подготовить к печати полное издание сочинений Э. Сетона-Томпсона, что было сделано уже не частными издательствами, а Госиздатом в конце 20-х гг.

³⁵ Там же, л. 7.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 19.

³⁷ Там же, л. 11.

Принципы переработки для детей отдельных произведений литературы, проводимые в практику детского книгоиздания, были претворением в жизнь требований В. Г. Белинского, который резко выступал против таких переделок «Робинзона Крузо» и «Дон-Кихота», при которых уничтожается целостность, живая поэзия, а занимательность заменяется резонерскими разговорами³⁸.

³⁸ См.: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. М., 1954, с. 111—114, 118.

А. М. Горький требовал крайне осторожного, бережного подхода ко всякого рода «переделкам» для детей. Этих же требований придерживался С. Я. Маршак в своей редакторской работе, считая, что дети должны узнать «подлинного Свифта-сатирика, Дефо-философа»³⁹. Таким образом, в сложной исторической обстановке, когда так легко было пойти по пути упрощения текста, исходя из того, что читатель малограмотен, выдвигались и проводились в жизнь строгие научные принципы подготовки текстов для детей.

³⁹ Маршак С. Я. Собр. соч. Т. 7. м., 1971, с. 279

В 1919—1921 гг. государство разрешило частно-кооперативным издательствам переиздавать лучшие приключенческие повести Ф. Купера, В. Скотта, Т. Майн-Рида, Дж. Лондона, Р. Стивенсона, Р. Киплинга и др. Программа издательства Гржебина, по рекомендации А. М. Горького, включала произведения именно этих авторов, но изданы они были частично. Удельный вес произведений этих авторов в общем объеме переводной литературы оставался небольшим⁴⁰.

⁴⁰ Только в последующий период ЗИФ, Госиздат стали широко издавать лучшие приключенческие повести.

Редакционная коллегия поощряла в этот период и издание научно-популярной детской литературы, произведений биографического жанра. Это отвечало определенным воспитательным требованиям, предъявляемым к детской книге. Ведь еще В. Г. Белинский указывал на то, что хорошо написанная биография великого человека — одна из лучших книг, которая станет «высоким уроком жизни»⁴¹.

⁴¹ См.: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. М., 1954, с. 40—41.

Биографические книги о лучших людях России помогли воспитанию подлинной гражданственности, мужества, цельности у юношества.

В первые годы Советской власти издательству «Парус» не удалось реализовать замысел А. М. Горького по созданию серии биографий замечательных людей, предназначенной для юношества. Он был осуществлен значительно позже — в серии «Жизнь замечательных людей».

Однако заслуга писателя — замысел такого издания и формулировка тех требований, которые должны предъявляться к биографическому жанру: художественно показать эволюцию внутреннего мира героя в главнейших событиях его жизни с учетом особенностей детского восприятия.

Продукция издательства «Юная Россия» и других, выпускавших книги биографического жанра, далеко не всегда отвечала современным требованиям, и коллегия по детской литературе стремилась отобрать лучшие из книг. Так, в 1918—1919 гг. Сытиным были изданы произведения А. Алтаева (М. В. Ямщиковой) «Светочи правды» (очерки и картины из жизни великих людей), «Детство знаменитых людей» и др. Издательство «Светлячок» в 1919 г. подготовило перевод книги «Страдальцы за науку», и редколлегия детского отдела «рекомендовала издать ее полностью»⁴².

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 11.

Большинство книг научно-популярного жанра было переводными. И не случайно в программе издательства «Всемирная литература», в документах редколлегии по детской литературе выдвигались требования, чтобы

переводы и редактирование их стали делом большого искусства. Из частных изданий более всего этим требованиям удовлетворяла продукция издательств Гржебина, «Посредник», Книгоиздательство писателей в Москве. Издательство «Посредник» под руководством Горбунова-Посадова выпускало для детей среднего и старшего возраста переводные научно-популярные книги, рассказывающие о быте народов разных стран, о жизни животных и т. д. Произведения Л. Фич-Перкинс «Маленькие японцы», «Маленькие голландцы» с одобрения Госиздата неоднократно переиздавались. Их отличало высокое качество полиграфического исполнения. Так, книга «Маленькие японцы» экспонировалась в 1922 г. на Международной выставке во Флоренции.

Поощрялась деятельность издательств (Сытина, «посредник», «Задруга», «Детское чтение») по выпуску книг, знакомящих детей с миром вещей, их окружающих, с миром великих открытий и завоеваний человечества. Несмотря на разный уровень книг этой тематики, большинство из них разрешалось к изданию. Так, в списке книг, представленных в мае 1920 г., утверждены 13 из 14 книг издательства Сытина, такие, как «Возникновение одежды» Б. Ф. Адлера, «Кто выдумал железную дорогу?» А. В. Архангельской, «Как люди научились писать» В. А. Висковатова, «От лучины к электричеству» Е. И. Чиждова, «Рассказы о подвигах человеческого ума» Н. А. Рубакина и др.⁴³, а также книги «Железная дорога» С. Орловского, «Рассказы об огне и воздухе» Г. Вагнера (издательство «Посредник»), «Степь и пустыня», «Небо и звезды» В. В. Лункевича, сборник «Как делают книги», «Гутенберг» П. С. Соловьева (издательство «Задруга») и др.⁴⁴

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 42.

⁴⁴ Там же, л. 41.

Книги для школы частные издательства издавали в этот период сериями. Так, Книгоиздательство писателей в Москве выпускало серию «Народно-школьная библиотека», издательство «Юная Россия» — серию «Библиотека для семьи и школы». В серию «Народно-школьная библиотека» вошли произведения А. М. Горького, А. С. Серафимовича, И. А. Бунина, С. Я. Епатьевского, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Предпочтение отдавалось произведениям определенной социальной тематики. Книги этой серии, как правило, получали одобрение Коллегий по детской литературе.

Однако серия «Библиотека для семьи и школы» (издательства «Юная Россия») подвергалась критике, так как выбор авторов и произведений в этой серии подчас был неудачен и не соответствовал школьной программе тех лет.

Школа в этот период пользовалась главным образом книгами серии «Народная библиотека».

Таким образом, рассматриваемый период в области издания книг для детей характеризуется поисками наиболее целесообразных организационных форм издательской деятельности, разработкой планов и основных принципов издания детских книг, формированием основных идейно-воспитательных и

эстетических принципов детского издания. Слабость материально-технической базы, отсутствие нужных авторских, редакторских издательских кадров и т. д. помешали их полной реализации в этот период; тем не менее они способствовали дальнейшему развитию детского книгоиздательства Страны Советов

Разрабатывавшиеся программы и планы выпуска детской книги были необходимы также в руководстве работой частных издательств, которые сыграли немалую роль в выпуске детской книги в первые годы Советской власти.

Именно в эти годы сложились принципы отбора лучших образцов классического наследия и произведений устного народного творчества для издания их с ориентацией на разные возрастные группы читателей.

Основы советского детского книгоиздательства были заложены. Но главная работа по созданию качественно новой детской книги была еще впереди.

*Е. В. БАТХИНА,
младший научный сотрудник*

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КНИГИ И КНИЖНОГО ДЕЛА В ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РСФСР 1917—1929 гг.

В последние годы опубликованы работы по истории книги и книжного дела в союзных республиках, краях и областях нашей страны¹. Однако центральные районы РСФСР, наиболее значимые и в политическом, и в экономическом, и в культурном отношении, в этой области по сей день остаются неисследованными. Это непосредственно связано с состоянием изучения источников. В нашем распоряжении практически нет источниковедческих работ, посвященных книжному делу центральных районов РСФСР; незначительное число документов по вопросам книгоиздания и книгораспространения, опубликованных в сборниках «Культурное строительство...», не может восполнить пробела².

¹ Гузаиров Р. Г. Книгоиздательское дело в в Башкирской АССР. (1917—1940 гг.) Автореф. канд. дис. М., 1975; Кудинова Н. И. Дальневосточная книга в 1917—1938. (Из истории возникновения и развития книгоиздательства на Советском Дальнем Востоке).- «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, 1973, вып. 17, с. 54—59; Курбангалеева Т. С. Становление и развитие советского книгоиздательства в Татарии. (1917—1927 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1974, и др.

² См. напр.: Культурное строительство в Воронежской губернии. 1918—1928. Воронеж, 1965, и др.

Задача обзора — познакомить исследователей с фондами,

содержащими материал «о истории книжного дела, шести областных архивов центрального экономико-географического региона РСФСР³; проанализировать материалы, отложившиеся в фондах органов государственной власти, государственного управления и учреждений, руководивших книжным делом, а также занимавшихся непосредственно изданием и распространением книги в той или иной губернии: издательств, типографий, организаций по распространению произведений печати, библиотек.

Система органов государственной власти на местах представлена губернскими, уездными, волостными съездами Советов и их исполкомами⁴. Исполнительные комитеты проводили в жизнь постановления центральных органов власти, направляли деятельность советских организаций на территории губернии, принимали меры к развитию губернии в политическом, хозяйственном и культурном отношении, решали различные вопросы, имевшие местное значение. Поэтому в фондах губернских исполнительных комитетов содержится целый ряд документов: решения, резолюции губернских съездов, постановления и распоряжения, которые характеризуют государственную политику в области культурного - строительства и, в частности, в области книгоиздания и книгораспространения⁵. Протоколы заседаний президиумов исполкомов показывают, как шел процесс выработки решений по вопросам издательского дела, полиграфической обеспеченности, распространения печатных издаеий⁶. Ценный материал об организации издательского дела⁷, о состоянии народного хозяйства, и в том числе полиграфической промышленности⁸, торговли⁹. Содержат доклады, отчеты, сообщения в центральные учреждения. Большой интерес для исследователей представляет переписка губисполкомов с Народным комиссариатом просвещения, Центральным агентством ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати (Центропечать), Государственным издательством и другими учреждениями, а также с различными губернскими организациями. В некоторых фондах губисполкомов имеются материалы и самих издательств, книготорговых объединений, чаще всего это уставы¹⁰, поскольку их присылали в губисполкомы для утверждения.

³ Государственные архивы Воронежской (ГАВО), Тамбовской (ГАТО), Курской (ГАКО), Орловской (ГАОО), Рязанской (ГАРО) и Тульской (ГАТулО) областей.

⁴ В соответствии с постановлением ВЦИК в 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» были учреждены съезды Советов краев, областей, округов, районов; в 1930—1931 гг. после ликвидации административно-территориальных делений на округа окружные съезды и исполкомы упраздняются.

⁵ См., напр.: Обязательное постановление Воронежского губисполкома о сокращении числа печатных изданий в связи с бумажным кризисом, июль

— август 1919 г. ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 111.

⁶ ГАРО, ф. Р-4, оп. 1, д. 64; ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 1192; ГАТуЛО, ф. Р-95, оп. 1, д. 2391; ГАТО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1109.

⁷ ГАТуЛО, ф. Р-95, оп. 14, д. 16.

⁸ ГАТуЛО, ф. Р-95, оп. 1, д. 840; оп. 7, д. 54.

⁹ ГАОО, ф. Р-1, оп. 1, Д. 530, 531.

¹⁰ См., напр.: Устав рязанского губернского товарищества «Издательство» 1923 г.—ГАРО, ф. Р-4, оп. 1, д. 352, устав издательства «Воронежская коммуна» 1.925 г. — ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, Д. 1186; Первого тульского паевого книжного товарищества — ГАТуЛО, ф. Р-95, оп. 15, д. 11.

Общее руководство деятельностью советских учреждений, в том числе и связанных с книжным делом, губисполкомы осуществляли через отделы управления, созданные в конце 1918 г. на базе губернских комиссариатов внутренних дел ¹¹.

¹¹ В ноябре 1923 г. в связи с тяжелым экономическим положением сокращался аппарат губисполкомов, и, в соответствии с постановлением ВЦИК, губернские отделы управления были упразднены, а из функции переданы административным отделам.

Эти учреждения организационно подчинялись отделу управления, поэтому фонды отделов в областных архивах могут дать важные сведения о постановке издательского дела, полиграфической промышленности, интигораспространении в губерниях в 1918—1923 гг.

Среди документальных источников фондов административного отдела Орловского губиополкома (ГАОО, ф. Р-79), отделов управления Тамбовского (ГАТО, ф. Р-394), Рязанского (ГАРО, ф. Р-49), Орловского (ГАОО, ф. Р-1162) губисполкомов отложились материалы по регистрации издательств: анкеты, уставы, докладные записки, списки выпущенных изданий¹², отчеты, сведения о деятельности полиграфических предприятий губернии¹³, отчеты, информации губернских агентств Центре печати, дающие представление о состоянии распространения произведений печати за эти годы¹⁴.

¹² ГАОО, ф. Р-79, оп. 1, д. 57, 75, оп. 2, д. 10, 11; ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 188, 395, 399, 467, 759, 761.

¹³ ГАРО, ф. Р-49, оп. 1, д. 664, 902; ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 187, 395; ГАОО, ф. Р-79, оп. 1, д. 58—60, 112.

¹⁴ ГАОО, ф. Р-49, оп. 1, д. 409, 666; ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 516.

Вся конкретная оперативная работа по управлению той или иной отраслью концентрировалась в органах отраслевого управления — первоначально в губернских комиссариатах, а затем, после их упразднения, — в отделах исполкома. Вопросами руководства, постановки и развития книжного дела в губернии ведали Отделы печати губисполкомов. Создание

особых отделов печати в 1919 г. было вызвано прежде всего той громадной ролью, которая отводилась печатной пропаганде и агитации.

Источники показывают, что создание отделов печати было в каждой губернии делом жизненной необходимости. В докладной записке Орловского губисполкома в Народный комиссариат внутренних дел в январе 1919 г. отмечалось: «...признавая то громадное значение, которое имеет особенно в настоящее время печать для государственной, так и для местной общественной жизни... необходимость ответственного наблюдения за планомерной циркуляцией печати в губернии, а также нахождение весьма желательным установление строгой экономии и бережливости бумаги при исполнении типографских работ ввиду переживаемого острого бумажного кризиса... постановили образовать при губисполкоме самостоятельный отдел печати»¹⁵ В постановлении президиума Орловского губисполкома разъяснялись основные задачи отдела: «...наблюдение в пределах данного района за повременными изданиями, а также за печатанием листовок, брошюр, воззваний и пр., ...принятие мер к возможному и бережливому расходованию бумаги, контроль за содержанием печатных изданий, поступающих в пределы губернии извне, а равно за распространением их в данном районе». Предусматривалось, что отделы концентрируют все издающиеся и циркулирующие в этих районах печатные издания и, наконец, «коллекционируют... эти произведения, систематизируют... рассматривают ходатайства о разрешении к печатанию»¹⁶.

¹⁵ ГАОО, ф. Р-1162, оп. 1, д. 408, л. 6.

¹⁶ ГАОО, ф. Р-П62, оп. 1, д. 408, л. 1—2. Аналогичные постановления были изданы и другими исполкомами: ГАТулО, ф. Р-505, оп. 1, д. 3; ГАРО, ф. Р-49, оп. 1, д. 572; ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, д. 516.

Аналогичные задачи ставились и перед отделами печати в других губерниях. Так, Тульскому отделу вменялись: «...централизация всего дела издания и распространения произведений печати; постановка регулярной и широкой информации и связи как с центром, так и с губернией по всем вопросам советского и партийного строительства... выпрямление политической линии по губернии и решительная объединенная борьба с контрреволюционной агитацией... создание действительно красной пролетарской печати... контроль над выпуском печатных произведений и урегулирование производительности типографий...»¹⁷.

¹⁷ ГАТулО, ф. Р-505, оп. 2, д. 2, л. 5.

Отделы печати сосредоточили руководство книгоизданием и книгораспространением в губернии, а в некоторых случаях, как это было в Орловской губернии, и библиографическим отделом. В ряде губерний в функции отделов входило управление полиграфией (до передачи типографий в ведение губсовнархозов).

Как самостоятельный фонд материалы отдела печати отложились лишь в государственном архиве Тульской области (ГАТуЛО, ф. Р-505), в остальных архивах сведения о деятельности отделов печати можно найти в фондах отделов управления¹⁸, среди отчетов отделов в материалах губисполкомов¹⁹.

¹⁸ См.: ГАТО, ф. Р-394, оп. 1, Д. ИЗ; ГАОО, ф. Р-1162, оп. 1, д. 408; ГАРО, ф. Р-49, оп. 1, Д. 504.

¹⁹ См.: ГАТО, ф. Р-1, оп. 1, д. 325, 493, 618, 626; ГАТуЛО, ф. Р-95, оп. 1, Д. 57, оп. 4, д. 22, оп. 14, Д. 16; ГАКО, ф. Р-325, оп. 1, Д. 38.

Документальные источники небольшого по своему объему (75 дел) фонда Тульского губернского отдела печати имеют особенно большое значение. Прежде всего потому, что это был первый отдел печати, созданный на местах.

Заведующий отделом А. Е. Левин позднее, в 1920 г., писал в Госиздат: «Учреждение единого органа печати в губернском масштабе было исключительным явлением советской деятельности»²⁰. Материалы фонда — постановления губисполкомов²¹, распоряжения и инструкции²², протоколы заседаний подотделов²³, отчеты и доклады²⁴ — отражают внутреннюю работу самого отдела и его уездных отделений²⁵. Конкретные цифры содержатся, например, в статистических отчетах о количестве изданной литературы с 1918 по 1920 г. губернским издательством²⁶. Это позволяет не только проследить историю становления книжного дела в Тульской губернии, но и дает представление о том, как складывалась система книгоиздания и распространения на местах, как претворялась в жизнь идея централизации. В постановлении Тульского губисполкома от 6 мая 1920 г. говорилось: «...принимая во внимание общий недостаток литературы и разрозненные действия отдельных органов... поручить губотделу печати провести централизацию всего дела распространения... для наиболее полного учета и распределения литературы создать при губраспределении отдела печати Межведомственное губернское совещание... совещание рассматривает и выражает всю работу по распространению литературы и газет... выделяет исполнительный орган — Учетно-распределительную комиссию»²⁷. Тем самым проводилась полная централизация распространения литературы в Тульской губернии, что настойчиво рекомендовалось и Центру. В июньском отчете отдела, объединявшего к тому времени работу отделения Государственного издательства, Центропечати и РОСТА, подчеркивалось: «...единый аппарат печати и полуторагодовой опыт работы настойчиво указывают на необходимость одного объединенного аппарата в Центре»²⁸.

²⁰ См.: ГАТуЛО, ф. Р-505, оп. 2, д. 2, л. 5.

²¹ Там же, оп. 1, д. 3, 21.

²² Там же, д. 3-8, 17, 21, 23-26, оп. 2, д. 1, 8.

²³ Там же, д. 21, 25—29, оп. 2, д. 5, оп. 3, д. 1.

²⁴ Там же, д. 31—34, 42.

²⁵ См.: ГАТулО, ф. Р-505, оп. 1, д. 24, 39, 40, оп. 2, д. 5а.

²⁶ Там же, д. 31, л. 17; д. 33, л. 36, оп. 2, д. 9, л. 7, 7 об.

²⁷ Там же, оп. 1, д. 3, л. 7.

²⁸ Там же, д. 33, л. 15.

Создание издательской системы в губерниях предусматривало наличие прочной материально-технической базы. Не случайно поэтому среди первых мероприятий Советской власти на местах — национализация полиграфического производства: все частные и земские типографии переходили в ведение губернских советов народного хозяйства²⁹. Для управления полиграфической промышленностью при губсовнархозах были созданы специальные полиграфические отделы. Они занимались учетом губернских и уездных типографий, следили за их оборудованием, координировали распределение заказов, что было особенно важно в 1919—1920 гг. в условиях бумажного кризиса и общей промышленной разрухи.

²⁹ См.: Постановление Тульского губисполкома от 7 октября 1918 г. ГАТулО, ф. Р-95, оп. 14, д. 7, л. 55; Обязательное постановление Рязанского губисполкома 1919 г. ГАРО, ф. Р-276, оп. 1, д. 2961, л. 26.

Реформа 1921 г. перевела полиграфическую промышленность губерний на основы хозрасчета. Это потребовало создания нового аппарата управления; в апреле 1922 г полиграфические отделы были реорганизованы в управления объединенных полиграфических предприятий. Так, в Положении об объединенном управлении тульских типографий «Тулпечать» было записано: «...Создается для ведения означенных предприятий на началах хозяйственно-коммерческого расчета с точным учетом всех элементов и результатов производства без убытка и без ущерба, как для состояния предприятий, так и для качества их продукции с возможным понижением себестоимости»³⁰.

³⁰ ГАТулО, ф. Р-154, оп. 1, д. 42, л. 28.

В областных архивах документальные материалы полиграфических отделов в основном выделены в самостоятельные фонды: фонд Полиграфического отдела Тульского ГСНХ (ГАТулО, ф. Р-154), отдельно — Объединений тульских типографий «Тулпечать» (ГАТулО, ф. Р-503); в Курском областном архиве — фонд Управления полиграфических предприятий (ГАКД ф. Р-636), который содержит материалы и за более ранний период. В других архивах материалы полиграфического отдела отложились в фондах губернского совнархоза (ГАТО, ф. Р-727). Важное место среди документов этих фондов занимают специальные постановления губернских совнархозов, требовавшие строжайшего учета оборудования типографий, правильного использования полиграфических машин, изъятия типографий из различных ведомств, слияния их и централизации

руководства³¹. Все они наглядно показывают, как осуществлялась борьба за создание губернской полиграфической промышленности. Практически исчерпывающую картину развития полиграфической Промышленности в 1918—1928 гг. дают положения об организации объединений, уставы полиграфических предприятий Тамбовской губернии³², Курского полиграфического отдела за разные годы³³, протоколы заседаний президиумов губернских и уездных совнархозов, на которых ставились самые разнообразные вопросы организации полиграфического дела. Так, на заседаниях Тульского ГСНХ — проблемы создания оптимального аппарата управления полиграфическим производством³⁴ или распределения обязанностей и улучшения структуры полиграфического отдела Тамбовского губсовнархоза³⁵. Особенно надо отметить отчеты о деятельности самих отделов и управлений, где дается не только характеристика непосредственной управленческой работы, но и состояния всей полиграфической промышленности в той или иной губернии³⁶. На основе анализа данных, к примеру, приведенных в отчетах 1921—1922 гг. «Тулпечати», графиков изменения производительности труда рабочих тульских типографий³⁷, их заработной платы³⁸, можно судить о положительных результатах новой экономической политики. Материалы Курской школы фабрично-заводского управления губсовнархоза, существовавшей с 1923 по 1927 г.³⁹, показывают, как шло формирование профессионально-технического обучения, процесса подготовки новых кадров.

³¹ ГАТулО, ф. Р-154, оп. 1, д. 2, 28; ГАКД ф. Р-636, оп. 1, д. 1; ГАТО, Ф- Р-727, оп. 1, д. 762, 1928.

³² ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2456.

³³ ГАКО, ф. Р-636, оп. 1, д. 19, 48, 103, 125.

³⁴ ГАТулО, ф. Р-154, оп. 1, д. 28.

³⁵ ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, Д. 1930, 1949.

³⁶ ГАКО, ф. Р-636, оп. 1, д. 3, 22-24, 53-55, 69, 78, 79; ГАТулО, Ф- Р-503, оп. 1, д. 13, 23, 25; ф. Р-154, оп. 1, д. 24, 42; ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2464—2469.

³⁷ ГАТулО, ф. Р-503, оп. 1, д. 13, л. 2 об.

³⁸ Там же, л. 24 об.

³⁹ ГАКО, ф. Р-636, оп. 1, д. 61, 62, 91, 92, 112, 113, оп. 2, д. 82—85.

К учреждениям, руководившим книжным делом, следует отнести и губернские отделы народного образования. Аппарат губоно состоял из подотделов, соответствовавших главкам Народного комиссариата просвещения: губсоцвос, губполитпросвет, губпрофобр, губиздат и др. В сферу деятельности отдела входило решение задач культурного строительства в губернии и, в первую очередь, ликвидация неграмотности, создание новой системы народного образования, единой трудовой школы. В центре внимания стояло руководство разветвленной сетью библиотек и изб-

читален как одной из важнейших форм идейно-политического и культурного воспитания масс. Библиотеки в первые годы Советской власти были и основным каналом пропаганды книги, поскольку вся издаваемая литература прежде всего поступала сюда. Нормы распределения литературы, например, в Тульской губернии в 1919 г. показывают, что в библиотеки и избы-читальни поступало 40% всех агитационных изданий (остальные 60% распределялись по воинским частям) и вся научная, художественная и другая литература⁴⁰.

Для исследователей истории книжного дела фонды губоно в областных архивах (ГАТулО, ф. Р-326; ГАОО ф. Р-1087; ГАВО, ф. Р-1; ГАТО, ф. Р-1404; ГАРО, ф. Р-121, 133) интересны во многих отношениях. Изучение этих документальных материалов дает возможность воссоздать общую картину борьбы за культурную революцию⁴¹. Протоколы заседаний губсъездов политпросветработников, конференций, подотделов губоно⁴², сведения о числе библиотек в губернии и уездах, их отчеты показывают, как непосредственно развивалось библиотечное дело в губернии и уезде⁴³. Важным источником для изучения системы книгоиздания и книгораспространения являются дела издательского яодотдела (отчеты)⁴⁴, подотделов распространения (протоколы заседаний)⁴⁵, сведения о распределении литературы⁴⁶, описки книг, изданных губоно⁴⁷.

⁴⁰ ГАТулО, ф. Р-505, оп. 2, д. 2, л. 14.

⁴¹ См., напр.: ГАТулО, ф. Р-326, оп. 1, д. 978.

⁴² ГАТулО, ф. Р-326, оп. 1, д. 166, 2817, оп. 5, д. 113; ГАВО, ф. Р-1, оп. 1—6, д. 88, 89, оп. 1—11, д. 271; ГАРО, ф. Р-133, оп. 2, д. 3.

⁴³ ГАВО, ф. Р-1, оп. 1—6, д. 61, оп. 1—11, д. 264—268; ГАТулО, ф. Р-326, оп. 5, д. 80, оп. 7, д. 2.

⁴⁴ ГАРО, ф. Р-133, оп. 1, д. 276, ф. Р-132, оп. 2, д. 2938, 2939; ГАТулО, Р-326, оп. 1, д. 71, 140, 383, 384, оп. 4, д. 4125, 4128; ГАВО, ф. Р-1, оп. 1—7, д. 48, оп. 1—19, д. 74.

⁴⁵ ГАТулО, ф. Р-326, оп. 1, д. 164, 166; ГАВО, ф. Р-1, оп. 1-6, д. 88, 89.

⁴⁶ ГАТулО, ф. Р-326, оп. 1, д. 381, 382, оп. 2, д. 2052, оп. 5, д. 88, 119. ГАРО, ф. Р-133, оп. 1, д. 275.

⁴⁷ ГАТулО ф. Р-326, оп: 4, д. 4046, оп. 6, д. 43; ГАВО, ф. Р-1, оп. 1-17, Д. 239, оп. 1—19, д. 74; ГАРО, ф. Р-132, оп. 2, д. 2942.

Проведение политики партии на местах, борьба за экономические и культурные преобразования в губерниях требовали издания большого числа пропагандистской и производственной литературы. Центральные издательства в силу сложившихся обстоятельств не в состоянии были удовлетворить потребность периферии в книге. Поэтому на местах возникал, как отметил на 2-м Всероссийском съезде Центропечати В. В. Боровский, «целый ряд учреждений... занимавшихся агитацией на свой страх, ..каждый действовал в связи с тем, какой был состав людей. В тех учреждениях, где были энергичные люди, те учреждения действовали»⁴⁸. В одних губерниях

активно работали литературно-издательские подотделы Отделов печати исполкомов, в других, как мы видели, издательские подотделы губоно. Кроме того, изданием занимались и губернские агентства Центропечати. Все это приводило к параллелизму, распылению и без того ограниченных сил и средств. Появилась необходимость объединения литературно-издательской, агитационно-пропагандистской деятельности местных советских, партийных и профсоюзных организаций. Началом централизации в масштабах всей страны было образование в мае 1919 г. Государственного издательства РСФСР, следующим этапом — создание его местных отделений, которые представляли в губерниях «ту ячейку и центр, около которого группируются все наши силы агитационные, пропагандистские, издательские... вообще все силы, способные работать на этом поприще»⁴⁹. Объединение местных издательств вокруг отделений Госиздата было подготовлено постановлением Совнаркома, принятым на заседании под председательством В. И. Ленина 22 июля 1919 г., по которому отделы печати объявлялись органами Государственного издательства⁵⁰. Таким образом, издательские подотделы губернских отделов печати исполкомов становились отделениями Госиздата. Показательно в этом плане постановление Госиздата от 23 марта 1920 г., регламентирующее работу Тульского отделения: «...на Тульский губернский отдел печати возлагается полное проведение всей литературно-издательской деятельности в губернии. Издательство... проводит свою работу по инструкциям и указаниям Государственного издательства, а также самостоятельно выполняет все работы местного значения... являясь отделением... получай сметное назначение на издание и распространение произведений печати... из сумм государственного издательства»

⁴⁸ «Бюллетень Центропечати», 1920, № 2, с. 17—18.

⁴⁹ Там же, с. 18.

⁵⁰ См.: Издательское дело в первые годы Советской власти. М., 1972, с. 57.

Фонды отделений Госиздата представляют большой интерес для исследователей; к сожалению, они плохо сохранились, на первые годы существования отделений отложился лишь фонд Тамбовского губернского отделения (ГАТО, ф. Р-1506). В нем содержатся бухгалтерские документы: ведомости на зарплату, штатное расписание со списком служащих за 1921 г.⁵³ Фонды Воронежского отделения за 1925—1928 гг. (ГАВО, ф. Р-396) и Курского отделения Госиздата за 1921—1932 гг. (ГАКО, ф. Р-1155) дают возможность судить только о распространении периодической и непериодической литературы. После перехода издательского дела на хозяйственные начала перед отделениями Госиздата встали задачи добиться самоокупаемости, в результате многие отделения как нерентабельные были ликвидированы. К началу 1923 г. лишь три отделения — Вологодское, Саратовское и Ростовское — сохранили издательские функции. Остальные стали оптово-розничными складами — филиалами торгсекторов Госиздата⁵⁴.

Документальные материалы этих фондов содержат циркуляры Торгового отдела Госиздата и его филиалов, регулирующие продвижение периодических изданий и подписной литературы в губерниях⁵⁵, протоколы заседаний правления отделений⁵⁶. Но и здесь, как в фонде Тамбовского отделения, в основном сохранились бухгалтерские документы⁵⁷ и материалы, связанные с личным составом отделений,— штатные расписаний, списки агентов по распространению, их анкеты и удостоверения⁵⁸.

⁵¹ ГАЛТУлО, ф. Р-505, оп. 1, д. 18, д. 2.

⁵² ГАТО, ф. Р-1506, оп. 11, д. 1, 2.

⁵³ Там же, оп. 12, д. 1.

⁵⁴ ГАОО, ф. Р-1498, оп. 1, д. 7, л. 27, д. 17, л. 4.

⁵⁵ ГАВО, ф. Р-396, оп. 1, д. 3, 4; ГАКО, ф. Р-1155, оп. 4, д. 32, оп. 5 д. 44, оп. 6, д. 130.

⁵⁶ ГАКО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 56, оп. 4, д. 51.

⁵⁷ ГАКО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 1, 17, оп. 3, д. 54, оп. 7, д. 144, 146, 147, оп. 8, д. 38, 53; ГАВО, ф. Р-396, оп. 1, д. 2, 3.

⁵⁸ ГАВО, ф. Р-396, оп. 1, д. 6-9, оп. 1а, д. 1,3, 4; ГАКО, ф. Р-1155, оп. 2, д. 1, оп. 4, д. 43, оп. 5, д. 44.

Деятельность отделения Госиздата как торгового сектора раскрывают материалы Орловского отделения, сохранившиеся в фонде издательства «Чернозем» (ГАОО, ф. Р-1498): приказы⁵⁹, положения о контрольном книгопродавческом агентстве⁶⁰ планы, отчеты об управлении и организации книжной торговли⁶¹ копии протоколов ревизии отделения, выписки из протоколов, раскрывающие взаимоотношения с Госиздатом⁶², дела личного состава (списки, удостоверения)⁶³.

⁵⁹ ГАОО, ф. Р-1498, оп. 1, д. 19—21.

⁶⁰ Там же, д. 4.

⁶¹ Там же, д. 5, 24, 25.

⁶² ГАОО, ф. Р-1498, оп. 1, д. 3, 7.

⁶³ Там же, д. 1, 6, 9-14, 29, 31, 32.

Ликвидация отделений Госиздата привела к оживлению издательской деятельности губисполкомов, губернских комитетов партии. Характерен пример издательства «Чернозем». Его фонд в Орловском государственном областном архиве подобрал материалы и издательства «Красная книга», которое было учреждено 31 мая 1923 г. при Орловском губисполкоме для «издания и распространения непериодической литературы по вопросам социально-экономическим, сельскохозяйственным, профессионального движения, литературно-художественным, а также научного и учебного характера»⁶⁴. В большинстве своем его документы представлены приказами по издательству⁶⁵, планами⁶⁶, которые показывают ориентацию на выпуск в основном сельскохозяйственной и учебной литературы (так, из 156 названий,

выпущенных за 1923 г., — 103 сельскохозяйственной тематики⁶⁷), протоколами заседаний редакционных комиссий при сельскохозяйственной секции⁶⁸, секций по изданию детской литературы и учебников⁶⁹, редколлегий журналов, выпускаемых издательством «Педагогический журнал» и «Листок самообразования»⁷⁰.

⁶⁴ Там же, см. устав издательства, д. 37, л. 23.

⁶⁵ Там же, д. 40-42, 45, 78.

⁶⁶ Там же, д. 23—26.

⁶⁷ Там же, д. 26, л. 11.

⁶⁸ Там же, д. 26.

⁶⁹ Там же, д. 49, 51, 53.

⁷⁰ Там же, д. 48, 50.

Для улучшения систематического контроля и руководства со стороны партийных органов в апреле 1925 г. издательство было передано в ведение Губкома РКП (б) и переименовано в «Чернозем»⁷¹. Оно было включено и в Объединение совпартиздательств при Отделе печати ЦК РКП (б)⁷². Многочисленные планы, отчеты, инструкции показывают, как строилась работа издательства в 1925—1928 гг.⁷³. Личные дела заведующих, сотрудников издательства и его книжных магазинов⁷⁴ дают возможность познакомиться непосредственно с людьми, занимавшимися становлением книжного дела в первые годы Советской власти.

⁷¹ Там же, д. 91 — см. выписки из протоколов заседания губисполкома и д. 81 — акт передачи документов.

⁷² Там же, д. 36.

⁷³ Там же, д. 82—87.

⁷⁴ Там же, д. 44, 63, 77, 111—157.

В Курском государственном архиве находится фонд Курского книгоиздательского товарищества при пубкоме РКП (б) (ГАКО, ф. Р-1124). Издательство ставило «целью издание партийной, профессиональной и политической литературы, удешевление книги, приближение к рабочим и крестьянским массам, учительству, школам и учащимся на самых льготных условиях...»⁷⁵. В марте 1925 г. товарищество преобразовалось в кооперативное издательство «Советская деревня», что дало возможность увеличить средства издательства, расширить тиражи, удешевить издание литературы и снабжение ею самых широких слоев деревенского населения Курской и окружающих ее губерний. Документальные материалы фонда содержат отчеты о работе товарищества за 1922—1924 гг.⁷⁶, материалы по реорганизации — протоколы организационного бюро, докладные записки заведующего издательством⁷⁷. Основную же категорию дел фонда составляет всевозможная переписка с губернскими органами власти⁷⁸, с различными издательствами, заказчиками и авторами⁷⁹. Так, сохранилась переписка с

родственниками Г. В. Плеханова по вопросу выпуска в 1925 г. его работы «Основные вопросы марксизма»⁸⁰; с издательством Ленгиз, представителем которого по Курской губернии была «Советская деревня»⁸¹.

⁷⁵ ГАКО, ф. Р-1124, он. 1, д. 285, л. 257

⁷⁶ Там же, д. 18, 19, 67, 164, 371

⁷⁷ Там же, д. 145.

⁷⁸ Там же, д. 620, 625, 1033

⁷⁹ Там же, д. 133, 285, 421, 467, 487, 562..., 937—988.

⁸⁰ Там же, д. 145.

⁸¹ Там же д. 285, л. 292

Наряду с государственными и партийными издательствами существовал в этот период и ряд ведомственных издательств. Эти издательства принадлежали наркоматам, находились на их бюджете и издавали литературу, связанную с профилем наркомата. Издательство Народного комиссариата труда «Вопросы труда» имело свои отделения во многих губерниях центральной России. Так, в Рязанском областном архиве выделился в 1928 г. самостоятельный фонд губернского агентства «Вопросов труда» (ГАРО, ф. Р-615). Это очень небольшой фонд (четыре дела), который содержит документы, показывающие, как проходила организация губернского агентства⁸², работу по распространению изданий «Вопросов труда» за четыре года с 1924 по 1928 г.⁸³

⁸² ГАРО, ф. Р-615, оп. 1, д. 1, 2.

⁸³ Там же, д. 3, 4.

Нужды губернских издательств обслуживались силами местных типографий. Практически во всех губерниях помимо губернской типографии, при каждом уездном отделе печати были организованы одна-две типографии. В 1919 г в Рязанской губернии зарегистрировано 32 типографии⁸⁴ Это были мелкие, маломощные предприятия, задача которых — в основном выпуск газет; из-за нехватки шрифтов и бумаги не всегда удавалось печатать даже листовки и брошюры⁸⁵. После передачи управлений полиграфией в губернские советы народного хозяйства часть типографий была закрыта и на их базе созданы более крупные. Так, в Тамбовской губернии в 1921 г. их число сократилось почти вдвое⁸⁶.

⁸⁴ Там же, ф. Р-276, оп. 1, д. 2961, я. 45.

⁸⁵ См.: ГАТулО, ф. Р-505, оп. 2, д. 9, л. 1 об — 2 об.

⁸⁶ См.: ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, Д. 1532, л. 46.

Фонды губернских типографий имеются в государственных архивах Рязанской, Орловской, Тамбовской и Тульской областей (см. ГАТулО, ф. Р-504; ГАТО, ф. Р-1503; ГАОО, ф. Р-941, ГАРО, ф. Р-896).

В фондах орловской типографии «Труд» и тамбовской типографии «Пролетарский светоч» сохранились дела, связанные с национализацией типографий и передачей их в ведение губсовнархозов⁸⁷. Планы, статистические отчеты, списки напечатанных изданий дают представление о репертуаре, местных издательств⁸⁸. После 1921 г. типографии получили хозяйственную самостоятельность и возможность заключать коллективные договоры с различными учреждениями. Эти договоры как самостоятельная категория выделены в фондах типографии за 1922 г.⁸⁹ Документальные материалы этих фондов представлены, как правило, бухгалтерскими документами: кассовыми книгами, ведомостями на заработную плату⁹⁰.

⁸⁷ ГАТО, ф. Р-1503, оп. 1, д. 16; ГАОО, ф. Р-941, оп. 1, д. 1, 2.

⁸⁸ ГАОО, ф. Р-941, оп. 1, д. 3, 6, 7, 52, 64, 65; ГАТО, ф. Р-1503, оп. 1, Д. 41—44, 135—139..., 395.

⁸⁹ ГАТО, ф. Р-1503, оп. 1, д. 139, 162, 195; ГАРО, ф. Р-896, оп. 2, д. 8.

⁹⁰ ГАРО, ф. Р-896, оп. 2, д. 4, 5, 9—11, оп. 3, д. 9; ГАОО, ф. Р-941, оп. 1, д. 2, 15—18, 20... 72, 82; ГАТО, ф. Р-1503, оп. 1, д. 1—14, 48, 49, 63... 241, оп. 2, д. 1; ГАТуло, ф. Р-504, оп. 1, д. 1—6.

Централизация издательского дела повлекла за собой концентрацию книгораспространения. По декрету ВЦИК от 23 ноября 1918 г. Центропечать, созданная на базе Контрагентства ВЦИК и отдела распространения Издательства ВЦИК, объявлялась «государственным органом распространения и экспедирования всех выходящих в России изданий, (который) снабжает произведениями печати все фронта, культурно-просветительные организации, почтово-телеграфные учреждения, ведет всеми железнодорожными киосками, организует подвижные вагоны-лавки и т. д.» Центропечать организационно являлась отделом распространения Госиздата и была «единственным аппаратом, который фактически двигает литературу из центров по всей периферии РСФСР»⁹¹. Периодические и неперидические издания Центропечать распространяла через свои губернские агентства. Согласно типовой структуре губагентство состояло из конторы, организационной части, которая осуществляла связь с уездами, книжного магазина, склада и киосков⁹².

⁹¹ «Бюллетень Центропечати», 1920, № 1, с. 1.

⁹² Там же, № 4, с. 7.

Фонды губернских агентств Центропечати имеются в Рязанском (ГАРО, ф. Р-611) и в Курском (ГАКО, ф. Р-922) архивах. Их документальные материалы представлены преимущественно отчетами, докладами о работе губернских и уездных агентств по распространению газет, журналов, брошюр центральных и местных издательств⁹³; перепиской с различными учреждениями как местными, так и центральными о выделении необходимого числа изданий⁹⁴.

⁹³ ГАРО, ф. Р-611, оп. 1, д. 1, 5, 6, 12, 19, 20, 22—24; ГАКО, ф. Р-922, оп. 1(2), д. 2—4, 28, 29, 33—47, оп. 1(3), д. 1—8, 14, 17.

⁹⁴ См. напр.: ГАКО, ф. Р-922, оп. 1(2), д. 6, 9, 10, 14, 15.

В фонде Рязанского губагентства есть введения о деятельности Рязанского отделения Госиздата за 1921 г. по распределению литературы⁹⁵.

Дела фонда Львовского уездного агентства Центропечати Курской губерний (ГАКО, ф. Р-3824) показывают, как губернское агентство руководило уездными распространителями⁹⁶, и дают представление о непосредственной работе в уезде самого агентства за 1920—1921 гг.⁹⁷

⁹⁵ ГАРО, ф. Р-611, оп. 1 д. 18.

⁹⁶ ГАКО, ф. Р-3824, оп. 1, д. 1—3, 5, 6.

⁹⁷ Там же, д. 4.

Введение платности изданий и принципа самокупаемости потребовало новой системы распределения печатных изданий. Центропечать со своими методами, сложившимися в условиях гражданской войны, не отвечала задачам нового времени, и в январе 1922 г. она была упразднена. Для доставки и розничной продажи периодических изданий было организовано Контрагентство печати при Наркомате почт и телеграфов, а для управления книжной торговлей — Торгсектор Госиздата с системой губернских отделений.

Другим учреждением, занимавшимся продажей книг, газет, брошюр, стало созданное в 1925 г. Торгсектором ГИЗа совместно с Наркоматом почт и телеграфов акционерное общество «Книга — деревне». Общество имело обширную сеть баз, киосков практически во всех волостях, уездах и губерниях. Некоторое представление о работе районного отделения дает переписка за 1928 г. Моршанской базы общества «Книга — деревне» Тамбовского округа, содержащаяся в фонде Моршанского отделения КОГИЗа⁹⁸.

⁹⁸ ГАТО, ф. Р-3048, оп. 1, д. 2.

Видное место в условиях новой экономической политики заняли различные виды кооперации, осуществлявшие хозяйственную и культурно-просветительную деятельность. Продвижение книги в деревню было неотъемлемой частью просветительной работы. Не случайно в постановлении ЦК ВКП(б) от 6 февраля 1924 г. указывалось на необходимость «поднять кампанию за вовлечение низовой кооперации всех видов в книжную торговлю...»⁹⁹.

⁹⁹ Советская печать в документах. М., 1961, с. 60.

Наряду с использованием для книжной торговли каналов потребительской кооперации в конце 20-х гг. создается самостоятельная книжная кооперация «для того, чтобы книга не шла попутно с продажей спичек или же с кредитными операциями, а продвигалась специально в качестве основного ассортимента данной системы»¹⁰⁰. Первое товарищество новой кооперации было организовано в Воронежской губернии в 1927 г. и получило название «Коопкнига». Оно заключало договоры о торговле книгами с кооперативными лавками на комиссионных началах, заботилось об организации киосков и пропаганде книги. Финансовую помощь «Коопкниге» оказывали органы кустарно-промысловой, сельскохозяйственной и других коопераций. Районные Коопкниги объединялись в областные, окружные и краевые Книгосоюзы. Так, в 1929 г. в РСФСР насчитывалось 13 Книгосоюзов и 82 Коопкниги¹⁰¹.

¹⁰⁰ Говоров А. А. История книжной торговли. М., 1976, с. 294.

¹⁰¹ См. там же, с. 295.

Фонд одного из таких кооперативно-книжных товариществ выделен в Курском государственном архиве (ГАКО, ф. Р-2404). Его документальные источники отражают деятельность уездных товариществ за 1930 г.¹⁰² и показывают взаимоотношения с Окружным книгосоюзом¹⁰³. Более объемные фонды Окружных союзов (см. ГАРО, ф. Р-897 «Рязкнигосоюз» и ГАКО, ф. Р-1789 Курского окружного книгосоюза) состоят из материалов, хронологически связанных с административным делением на округа. Они дают достаточно полную картину состояния книжной торговли периода 1929—1930 гг. Прежде всего это циркуляры, инструкции и другие руководящие материалы центральных органов¹⁰⁴, сведения по организации Книгосоюзов¹⁰⁵ к ним же относятся протоколы заседаний организационных комиссий, собраний учредителей¹⁰⁶, материалы по созданию отделений Книгосоюза в районах¹⁰⁷, устав «Рязкнигосоюза», регулирующий работу отделений¹⁰⁸. Конкретно самую работу по Рязанскому книгосоюзу показывают отчеты, сводные сведения¹⁰⁹, а по Курскому — бухгалтерские документы: кассовые, мемориальные книги и др.¹¹⁰

¹⁰² ГАКО, ф. Р-2404, он. 1, Д. 50—70.

¹⁰³ Там же, д. 43.

¹⁰⁴ ГАРО ф. Р-897 оп 1 д. 2, 32; ГАКО, ф. Р-1789, оп. 1, д. 14.

¹⁰⁵ ГАРО ф. Р-897, оп. 1, Д. 2; ГАКО, ф. Р-1789, оп. 1, д. 16.

¹⁰⁶ ГАРО, ф. Р-897, оп. 1, Д. 3—8.

¹⁰⁷ Там же, д. 11-19.

¹⁰⁸ Там же, д. 3.

¹⁰⁹ Там же, д. 22.

¹¹⁰ ГАКО, ф. Р-1789, оп. 1, Д. 9—13, 32, 34, 36.

Важнейшим каналом, по которому шло распространение литературы, как уже отмечалось, были библиотеки и избы-читальни. Широкая и разветвленная сеть политико-просветительных учреждений требовала больших средств. После перевода этих учреждений на местный бюджет многие губернии были не в состоянии справиться с их финансированием. К весне 1922 г. наблюдается сокращение числа уездных и особенно волостных библиотек. Это можно показать на примере Тульской губернии. Если в 1921 г. здесь было 233 библиотеки, то в 1922—1923 гг. их стало 92 ¹¹¹. Такое положение, естественно, требовало внимания со стороны местных советских и партийных органов. В мае 1922 г. Тульский губком РКП (б) и Губполитпросвет обратились с призывом ко всем уездным комитетам и уездным политпросветам «принять героические меры к сохранению библиотечного имущества, главным образом книг» и предлагали «прикрепить волостные библиотеки к школьным... и обязать школьных работников держать все книги в полной сохранности, используя их для учебных целей и для организационной выдачи населению, и там, где есть возможность... концентрировать библиотечное богатство в центральных библиотеках города» ¹¹². Таким образом, книжные фонды губернии собирались в центральных библиотеках, которые выполняли роль губернских библиотек. Фонды этих библиотек содержатся в большом объеме в областных архивах (ГАТО, ф. Р-1475, ГАТулО, ф. Р-609). Их материалы, во-первых, отразили деятельность библиотек с момента основания (к примеру, планы, отчеты Тамбовской центральной библиотеки с 1920 г.) ¹¹³, а во-вторых, показали, как шло комплектование библиотечных фондов ¹¹⁴. Большую ценность имеют статистические сведения о числе библиотек и других политико-просветительных учреждений в губернии ¹¹⁵, в частях Красной Армии ¹¹⁶, сведения о составе книжных фондов ¹¹⁷.

¹¹¹ Отчет о деятельности Тульского губисполкома за 1922—1923. Тула, 1923, с. 108. То же, с 1 октября 1923 г. по 1 июня 1924 г. Тула, 1924, с. 84.

¹¹² ГАТО, ф. Р-326, оп. 3, д. 2772, л. 78.

¹¹³ Там же, ф. Р-1475, оп. 1, д. 1—5, 17, 18, 22—25..., 49.

¹¹⁴ ГАТулО, ф. Р-609, оп. 1, д. 1, 12.

¹¹⁵ Там же, д. 3, 19; ГАТО, ф. Р-1475, оп. 1, д. 8, 26, 27, 35, 36.

¹¹⁶ Там же, ф. Р-609, оп. 1, д. 39, 85.

¹¹⁷ Там же, д. 4, 9, 13; ГАТО, ф. Р-1475, оп. 1, д. 10, 16, 19, 20, 41.

Материал по истории книжного дела в центральных губерниях могут дать и фонды профессиональных организаций, например губернского отдела профессиональных союзов работников печатного дела и работников полиграфического производства в Тульском областном архиве (ф. Р-535) или группового комитета рабочих полиграфического производства в Кур-ском государственном архиве (ф. Р-2586). В фондах содержатся протоколы заседаний правления, общих собраний работников типографий ¹¹⁸ и материалы, связанные с руководством деятельностью губернских

типографий и уездных секций союзов и контролем за ними ¹¹⁹.

¹¹⁸ ГАКО, ф. Р-2586, оп. 1, д. 1, 2, 7, 16, 18, 36-38... 139, 141, 144... 183, 202, 228; ГАТулО, ф. Р-535, оп. 1, Д. 3, 4, 8, 9, 13, 15... 25—29, 44, оп. 2, д. 1, 2.

¹¹⁹ Там же, д. 22, 44-59, 72-85, 103-130... 218.

Таким образом, практически все категории дел рассмотренных фондов при тщательном их изучении могут дать богатый материал по истории книги и книжного дела центральных районов РСФСР.

*З. А. ПОКРОВСКАЯ,
старший научный сотрудник,
кандидат педагогических наук*

ТИПОГРАФИЯ ГАЗЕТЫ «НАЧАЛО»

(из истории нелегальной печати в России конца 70-х годов XIX в.)

Революционный подъем конца 70-х гг. вызвал настоятельную необходимость в развертывании нелегальной издательской деятельности внутри страны. Переход от пропаганды социализма (среда народа к агитации на почве непосредственных народных нужд заставил революционеров отказаться от услуг эмигрантских типографий и начать выпуск своих изданий в центре тогдашнего освободительного движения — в Петербурге.

Три подпольные типографии «Земли и воли» работали в течение 1877—1879 гг., работали напряженно, ритмично и продуктивно, доказав тем самым полную жизнеспособность нелегального издательства в самодержавной России, в атмосфере постоянного и повального сыска и шпионства.

Кроме них в 1878 г. в Петербурге работала еще одна подпольная типография кружка, издававшего первый в России не легальный революционный (периодический орган — газету «Начало».

Еще в конце XIX в. об этой газете писали А. Тун, Е. А. Серебряков, П. Л. Лавров ¹, однако никаких сведений о кружке» выпускавшем газету, и о типографии, печатавшей ее, они не приводили.

¹ См.: Тун А. История революционных движений в России. Женева, 1903 (впервые было издано в 1883 г. на немецком языке); Серебряков Е. А. Общество «Земля и воля». — В кн.: Материалы для истории русского социально-революционного движения. Вып. II. Женева, 1894; Лавров П. Л. Социалистическое движение в России.— «Каторга и ссылка», 1925, № 1(14), с. 43—84 (впервые статья была опубликована в 1879 г. на немецком языке).

В 1905 г. был перепечатан текст всех четырех номеров газеты «Начало»². Упоминания о газете встречались в мемуарах революционеро-семидесятников: М. Н. Ошаниной, Л. Г. Дейча, В. Н. Фигнер³ и др. О типографии же газеты впервые было сказано в сборнике В. Л. Бурцева «За сто лет»⁴ и в официальной «Хронике» социалистического движения в России»⁵.

² См.: Революционная журналистика семидесятых годов. (Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России»). Париж,

³ См.: К истории партии Народной Воли. [Показания М. Н. Полонской (Ошаниной)]. С предисл. Э. С[еребрякова]. — «Былое», 1907, № 6 (18), с. 1—10; Дейч Л. Г. На рубеже. — «Вестник Европы», 1912, № 7, с. 155—183; Фигнер В.Н. Григорий Прокофьевич Исаев. — «Голос минувшего», 1917, № 9—10, с. 144—153.

⁴ См.: Бурцев В. Л. За сто лет. (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. В 2-х ч. Ч. 2. Лондон, 1897, с. 96.

⁵ См.: Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. М., 1906, с. 37.

Первые фактические сведения о типографии газеты «Начало» были опубликованы в сборнике, посвященном выдающемуся революционеру-семидесятнику А. Д. Михайлову⁶ и в автобиографии одного из участников издания газеты Н. К. Буха⁷. Они были использованы С. Л. Лившицем, который к рассказу Буха добавил некоторые цифровые данные, заимствованные из «Хроники социалистического движения в России», и короткую фразу: «В мае типография прекратила свою деятельность и была передана в августе 1878 г. партии „Земля и воля"»⁸.

⁶ См.: Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, с. 123, 202.

⁷ См.: Бух Н. К. Автобиография.— Энциклопедический словарь «Гранат». Изд. 7-е. Т. 40, Прилож., стб. 41—58.

⁸ Лившиц С. Л. Подпольные типографии 60—80-х. — «Каторга и ссылка». 1928, № 6(43), с. 73.

В 1928 г. вышли из печати «Воспоминания» Н. К. Буха, в которых он более подробно, чем в автобиографии, излагал историю создания типографии, называл имена лиц, входивших в число ее основателей, сообщал о ее местонахождении, оборудовании, работниках и т. д. Эти сведения были кратко повторены А. В. Мезьер в «Словарном указателе по книговедению»⁹. С тех пор к ним не прибавилось никаких новых данных. В результате в современной исторической и книговедческой литературе до сих пор нет точных и ясных сведений о типографии газеты «Начало». Историки

освободительного движения в России второй половины XIX в., в целом, и революционного народничества 70-х гг., в частности, или вообще не говорят о группе, издававшей газету «Начало», или только характеризуют это издание с точки зрения его идейно-теоретического содержания¹⁰. О типографии, печатавшей газету, они не сообщают ничего. Работы, посвященные нелегальной печати этого периода, также не дают ничего нового¹¹. В исследованиях по истории русской журналистики второй половины XIX в. и, в частности, нелегальной периодической печати конца 70-х гг., более подробно рассматривается история издания газеты «Начало», но и здесь о ее типографии либо не говорится вообще, либо в одной-двух фразах повторяются сведения Н. К. Буха¹².

⁹ См.: Мезьер А. В. Словарный указатель по книговедению. Ч. 3. М. — Л., 1934, стб. 642—643.

¹⁰ См., напр.: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958; Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

¹¹ См.: Левитас И. Г., Москалев М. А., Фингерит Е. М. Революционные подпольные типографии в России (1860—1917 гг.). М., 1962, с. 26—27; Баренбаум И. Е. Нелегальные типографии 70-х и начала 80-х годов. — В кн.: 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Т. 1. М., 1964, с. 355—364.

¹² См.: Веревкин Б. П. Русская нелегальная и революционная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960, с. 81—83; Есин Б. И. Русская журналистика 70—80-х годов XIX века. М., 1963, с. 86—88; Чубинский В. В. Бесцензурная печать революционного народничества. — В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2, Л., 1965, с. 354, и др.

Еще одна группа работ по интересующему нас периоду носит биографический характер: это работы о Н. К. Михайловском, чей «Летучий листок» был напечатан типографией газеты «Начало», и о Е. С. Федорове, будущем известном ученом-кристаллографе, в 1878 г. принимавшем участие в издании газеты. Материалы о Михайловском почти целиком посвящены анализу его прокламации и рассказам о впечатлении, произведенном ею на общество¹³. Биографы Е. С. Федорова кроме мемуаров Н. К. Буха используют неопубликованные воспоминания вдовы ученого — Л. В. Панютиной-Федоровой¹⁴ и приводят некоторые новые данные; однако самый характер этих работ сосредоточивает внимание авторов лишь на роли Е. С. Федорова в газете «Начало»; при этом история типографий опять-таки остается неосвещенной¹⁵.

¹³ См.: Русанов Н. С. «Политика» Н. К. Михайловского. (Из воспоминаний о нем и его писем). — «Былое», 1907, № 7 (19), с. 124—138; Коварский Б. Н. К. Михайловский и общественное движение 70-х годов. Спб., 1909; Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. Социология. Публицистика. Литературная деятельность. Отношение к революционному движению. Пг.,

1917, и др.

¹⁴ См.: Федорова Л. В. Наши будни, горести я радости. Воспоминания вдовы Е. С. Федорова.—Архив АН СССР, ф. 831, оп. 2, д. 47, 375 л. Машинопись.

15 См.: Шафрановский И. И. Е. С. Федоров — великий русский кристаллограф. М., 1945; Бокий Г. Б. Академик Е. С. Федоров — основоположник современной кристаллография. М., 1952; Франк-Каменский В. А., Шафрановский И. И. Начало творческого пути Е. С. Федорова. — «Кристаллография», 1955, вып. 3, с. 113—123; Ольховский Е. Р. К вопросу о революционной я общественно-политической деятельности академика Е. С. Федорова.— «Ист. записки», 1962, т. 72, с. 217-228; Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров. М.—Л., 1963.

Неразработанность истории типографии газеты «Начало» объясняется и недостаточностью документальной базы, поскольку деятельность подпольных типографий проходила в условиях большой конспирации; история их крайне бедна источниками: слишком невелик был круг людей, близко соприкасавшихся с этой деятельностью. Воспоминания Н. К. Буха и Л. В. Федоровой, как и всякие мемуары, написаны много лет спустя, грешат ошибками и неточностями и потому требуют проверки и подтверждения при помощи других источников. А вот этих-то «других» слишком мало в распоряжении исследователей. Мемуаристы-семидесятники, упоминающие о газете «Начало», рассказывают лишь о впечатлении от самой газеты; в руки властей типография не попала, в судебных делах не упоминалась, и жандармские документы сообщают только о номерах «Начала», обнаруженных в тех или иных местностях России. Тем не менее изучение и сопоставление известных в настоящее время мемуарных данных, опубликованных в печати документов революционного движения 70-х гг. и некоторых архивных материалов позволяют более полно и определенно обрисовать историю издательской деятельности кружка газеты «Начало».

Сведения о кружке, издававшем в 1878 г. в Петербурге газету «Начало», весьма скупы. Более или менее известен его состав: это А. А. Астафьев, братья Л. К. и Н. К. Бухи, А. И. Венцковский, И. А. Головин, В. В. Луцкий, Е. С. Федоров. Их назвал в своих воспоминаниях Н. К. Бух. Е. Р. Ольховский называет еще и В. Д. Дубровина, но при этом не указывает источника своих сведений¹⁶. С. С. Волк, комментируя слова «Издатели „Начала" в письме Ю. Узембло (Бесядовского) П. Л. Лаврову, пишет: «В редакцию „Начала" входили Л. К. Бух, А. И. Венцковский, С. В. Дегтярев, Е. С. Федоров и др.»¹⁷. Несколько ниже, к ответу группы Лаврова, где говорится: «Здесь предполагают, что там главные личности Дегтярев и Федоров», — С. С. Волк делает примечание: «Имеется в виду С. В. Дегтярев. См. о нем: Н. Бух. Первая типография «Народной воли». — «Каторга и ссылка», 1929, кн. 8—9, с. 101—102»¹⁸. Ссылка на Буха явилась бы веским аргументом в пользу участия Дегтярева в газете, если бы не была ошибочной. Фамилия Дегтярева упоминается в статье не Н. К. Буха (которая

заканчивается на с. 93 № 8—9 «Каторги и ссылки»), а М. А. Тимофеева «Пережитое. Отрывок из воспоминаний о семидесятих годах» (там же, с. 94-117). В ней есть такой абзац: «У Дегтярева.— З. П.] же пришлось мне столкнуться с неким Федоровым, одним из редакторов газетки „Начало Кажется, и Д. принимал в ней участие». Инициалов Дегтярева в статье нет.

¹⁶ Ольховский Е. Р. Указ. соч., с. 218.

¹⁷ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Т. 2. М. — Л., 1965, с. 372, прим. 44.

¹⁸ Там же, с. 373.

В биобиблиографическом словаре «Деятели революционного Движения в России» фамилия Дегтярева отсутствует. Зато она встречается в письмах И. С. Тургенева и П. Л. Лаврова ¹⁹ и с весьма нелестной характеристикой. В частности, подчеркивается огромное самомнение и неистощимое бахвальство Дегтярева (Дехтерева, — они так произносят его фамилию). Поэтому мало вероятно, что В. Г. Дехтерев входил в редакцию газеты «Начало», источником же таких слухов был скорее всего сам Дехтерев. Ни у кого из мемуаристов, упоминавших о газете «Начало», его фамилия не встречается.

¹⁹ См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. Письма, т. 10. М.—Л., 1965, с. 276; т. 11. М.—Л., 1966, с. 135; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 331.

Среди исследователей нет единого мнения и по вопросу о том, кто играл руководящую роль в кружке издателей газеты «Начало», по чьей инициативе было предпринято издание. Часть историков (Б. П. Веревкин, М. Г. Седов) просто называет имена членов кружка; В. В. Чубинский говорит, что «кружок, издававший газету, возглавляли братья Л. К. и Н. К. Бух». Историки, изучающие русско-польские революционные связи, выдвигают на первый план (мне кажется, необоснованно) А. И. Венцковского, приписывая ему руководящую роль в кружке и газете²⁰. В то же время из воспоминаний Л. В. Федоровой можно сделать вывод, что инициатором и идейным [руководителем издания был Е. С. Федоров, этот вывод делают и некоторые биографы ученого (например, Г. Б. Бокий).

²⁰ См.: Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, с. 152; Орехов А. М. Письма Ю. Узембло о варшавских социалистических кружках (1878—1879 гг.). — В кн.: Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. Сборник статей и материалов. М., 1974, с. 51; Очерки революционных связей народов России и Польше. 1815—1917. М., 1976, с. 206, и др. Источник подобных утверждений — воспоминания Л. А. Тихомирова, тогда революционера; но к ним нужно подходить критически,

так как, во-первых, писались они уже в годы отступничества, в явно недоброжелательном по отношению к бывшим соратникам тоне, а во-вторых, по его собственному признанию, Тихомиров «мало следил за этим».

Не имея в своем распоряжении дополнительных материалов, данный вопрос решить невозможно. На мой взгляд, более правильными являются сведения Н. К. Буха, утверждающего, что типографию предложил создать А. И. Венцковский, инициатива же издания газеты принадлежала Л. К. Буху²¹. Самый кружок образовался в Петербурге осенью 1877 г.; никакой программы у него не было, велись лишь «программные дебаты». Однако потребность действовать была велика, и участники кружка, по инициативе Венцковского, задумали напечатать прокламацию о современном положении страны. Печатным станком служило толстое зеркало; на него ставился набор, туго связанный шпагатом, а затем какой-либо пресс должен был прижимать к нему бумагу для получения отпечатков. «Насчет печатного станка,— продолжает Бух,— таким образом, мы считали себя обеспеченными, но где добыть шрифт? В этом отношении нам пофартило. Перебиралась типография Вольфа на новую квартиру. В типографии имелся большой запас совершенно нового шрифта. Для переноса его из одного помещения в другое утилизировали наборщиков. Надзора за ними не было. Один из наборщиков передал нам 12 пуд[ов] не бывших ещё в употреблении и количественно правильно подобранных букв русской азбуки. Созерцание такого богатства привело нас в восторг. Этого шрифта хватило бы не только на прокламации, но и на более обширное издательство. Мысль о напечатании прокламаций была забыта. Брат предложил издавать газету, но для утилизации большого количества шрифта, попавшего нам в руки, требовалась хорошо оборудованная типография. На зеркальное стекло с того момента мы смотрели уже с презрением»²².

²² Бух Н. К. Указ, соч., с. 147.

Деньги, необходимые для приобретения типографии, были Добыты И. А. Головиным у сочувствовавшей революционному движению молодой помещицы; вместе с другими средствами они составили необходимую сумму, переданную А. И. Венцковскому. Видный член польского революционного кружка в Петербурге, Венцковский мог заказать нужное типографское оборудование в Германии, через своих земляков. Но, имея обширные связи среди русских революционеров, он предпочел обратиться к А. И. Зунделевичу, члену «Земли и воли», который с большим сочувствием отнесся к мысли об устройстве нелегальной типографии.

«Он аккуратно выполнил данное ему поручение, — пишет Н. К. Бух, — и тем поставил нашу печатню, по богатству оборудования, на небывалую еще высоту для подпольных типографий. Предназначенные нам типографские принадлежности он купил в Берлине, перевез через границу и с ближайшей ж.-д. станции отправил в Петербург. Дубликат накладной он передал нам.

Кто получит груз? Эту рискованную функцию взял на себя Луцкий. Он нарядился в свой военно-морской мундирчик, благополучно получил значившиеся в накладной два места и перевез их в свою квартиру. Кардовский и я, как более сильные из наших типографщиков, перевезли этот багаж с квартиры Луцкого в нашу печатню. Разобрали наше богатство, здесь было почти все, что нам требуется. Недостающее легко было пополнить домашними средствами»²³.

²³ Там же, с. 156.

Это свидетельство о роли А. И. Зуйделевича в постановке нелегальной типографии в Петербурге подтверждает А. Д. Михайлов. «Летом 1877 года в Россию было доставлено два станка со всеми принадлежностями, — писал он в своих показаниях 5 января 1881 г.— Второй из привезенных станков * был куплен народниками по просьбе одного кружка, желавшего издавать газету. Когда Русская Вольная типография окрепла и доказала возможность существования, выступила на сцену и другая типография. В ней стала печататься газета „Начало“»²⁴. В письме к товарищам из Дома предварительного заключения (февраль 1882 г.) Александр Дмитриевич дополняет эти сведения: «Зенделевич купил и перевез в Россию две русские первые типографии: „Русскую Вольную типографию“ и типографию „Начала“, переименованную потом в типографию „Земли и воля“ или „С.-Петербургскую Вольную типографию“, погибшую уже при печатании третьего № „Земли и воли“. Обе он устроил и обставил в Петербурге...»²⁵.

* Первый —это станок «Вольной Русской типографии», принадлежавшей «Земле и воле». — *З. П.*

²⁴ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Указ, соч., с. 123.

²⁵ Там же, с. 202.

Н. К. Бух дает подробное описание станка газеты «Начало»: «Он состоял из чугунной доски с парой привинчивающихся к ней рельс и тяжелого вала. Вал, двигаясь по рельсам, прижимал бумагу к рамам с набором, лежащим на доске, и давал с набора оттиск»²⁶. Точно так же описывают его С. М. Степняк-Кравчинский и Л. А. Тихомиров, которые видели типографию уже после перехода ее к «Земле и воле»²⁷.

²⁶ Бух Н. К. Воспоминания, с. 156.

²⁷ См.: Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия.— Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1958, с. 496; Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.— Л., 1927, с. 135; его же. Заговорщики и полиция. М., 1930, с. 123.

Рассказ Н. К. Буха о шрифте, добытом для новой типографии в словолитне издателя М. О. Вольфа, подтверждается архивными данными. В фонде Министерства юстиции имеется дело «По обвинению мещанина

Александрова и сына д[ействительного] ст[атского] советника] Александра Филиппова». «28 апреля сего 1879 года,—говорится в „Заключении о дальнейшем направлении дознания" по данному делу,—вследствие дошедших до С.-Петербургского губернского жандармского управления сведений о том, что противоправительственные издания так называемой Петербургской Вольной типография** печатаются шрифтом, сходным со шрифтом, имеющимся в типографии с.-петербургского купца Маврикия Осипова Вольфа, возбуждено было дознание, которое началось обысками в помещении типографии Вольфа и в квартирах некоторых лиц, служащих при ней»²⁸. При обыске была обнаружена недостача шрифта (около 13 с лишним пудов по инвентарной описи) : установлено, что пропал он годом раньше, во время производившейся в сентябре 1877 г. перевозки типографии из одного помещения в другое. Проведенная жандармами экспертиза; (они сличили шрифты Вольфа и «Земли и воли») окончательно убеждает нас в том, что шрифт типографии газеты «Начало: был получен именно из словолитни крупнейшего петербургского издателя.

** Так называлась типография газеты «Начало» после перехода к «Земле и воле». — З. П.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7895, л. 5—5об. Об обыске в словолитне М. О. Вольфа сообщалось в № 5 «Земли и воли» («Революционная журналистика семидесятых годов», с. 446). Более подробно о нем рассказывает С. Ф. Либрович в своих воспоминаниях «На «нижнем посту» (Пг.—М., 1916, с. 345—353).

В письме Е. Е. Колосову от 18 января 1929 г. Н. К. Буз уточнил сведения о шрифте: «При организации типографии для газеты „Начало" был куплен шрифт № 11 у наборщика типографин Вольфа в количестве 10 пудов. Затем Зунделевич привез из-за границы все остальные типографские принадлежности а в том числе шрифта: № 10 около пуда, № 8 фунтов 30 и около 20 фунтов разных крупных шрифтов для заглавий. Было еще около 1 фунта иностранного шрифта»²⁹.

²⁹ Цит. по: Колосов Е. Е. [Д. Кузьмин]. Народовольческая журналистика. М., 1930, с. 10.

Типография газеты «Начало» помещалась в квартире, которую занимала семья Панютиных,— на Кирочной улице (теперь улица Салтыкова-Щедрина), против Саперных казарм, в доме Коробова, кв. 13. Этот адрес называют и Н. К. Бух, и Л. В. Федорова; последняя указывает дату переезда семьи на эту квартиру — ноябрь 1877 г.

Состав сотрудников типографии мы также находим у этих двух мемуаристов: Н. К. Бух, «Итальянец» (Е. С. Федоров), «Чижик» (П. Г. Карловский) и «Пташка» (С. Н. Лубкин,— Л. В. Федорова ошибочно именует его «Ногин»). Относительно первых двух свидетельство бесспорно; третья и

четвертая фамилии вызывают сомнения. П. Г. Карловский работал в «Вольной Русской типографии», действовавшей с осени 1877 г. по май 1878 г., и вряд ли мог — по условиям конспирации — в то же время принимать участие в деятельности второй нелегальной типографии (кстати, и Л. В. Федорова не упоминает его в своих записках). С. Н. Лубкин известен как работник «Петербургской Вольной типографии» (третьей землевольческой) начавшей свою деятельность в августе 1878 г.; однако биографические сведения о нем крайне скудны, и нельзя с уверенностью сказать, в какое именно время он появился в данной типографии: тогда ли, когда она принадлежала газете «Начало», или тогда, когда перешла к «Земле и воле».

По воспоминаниям Н. К. Буха, новую типографию называли «Петербургской Вольной типографией»³⁰. Однако документы не подтверждают его слов, — на самой газете нет указания на типографию, оно имеется лишь на одном из изданий, вышедших из этой типографии, и дано в такой форме: «Печатано в типографии газеты „Начало“». Название же «Петербургская Вольная типография» появляется впервые на брошюре «Убийство шефа жандармов ген.-ад. Мезенцева», вышедшей в августе 1878 г., т. е. через полгода после описанных Н. К. Бухом событий.

³⁰ См.: Бух Н. К. Воспоминания, с. 161.

Типография работала с февраля по май 1878 г. (эти даты указывает Н. К. Бух, март и май стоят на № 1 и 4 газеты «Начало») и выпустила объявление об издании газеты *, четыре номера самой газеты, прибавление к № 4, «Летучий листок № 1», брошюру «Тюремные видения» и листовку «24 января 1878». Место печати указано лишь на одном издании — брошюре «Тюремные видения». Принадлежность остальных изданий этому типографскому станку, отмеченная в литературе³¹ подтверждается и сличением шрифтов. Шрифт газеты «Начало» отличается от шрифта работавшей одновременно «Вольной Русской типографии» рисунком некоторых прописных и строчных букв (особенно характерно строчное «ф»).

* Оно до сих пор не разыскано — З. Я

³¹ Русская подпольная и зарубежная печать. Библиогр. указатель. I. Донародовольческий период. 1831—1879. Вып. 1. Книги, брошюры, листовки. Сост. М. М. Клевенским, Е. Н. Кушевой и О. П. Марковой под ред. С.Н. Валка и Б. П. Козьмина. М., 1935. Ч. 1, № 371; ч. 2, № 186, 187.

Н. К. Бух пишет, что после выпуска первого номера «типография приступила к печатанию брошюры „Заживо погребенные“, с описанием ужасных условий, при которых отбывали каторжные работы наши товарищи, заключенные в новоборисоглебскую тюрьму»³². Однако это ошибка; на обложке брошюры помещен эпиграф, взятый из газеты «Правительственный вестник», с точной датой: «20 августа 1878 г.», так что брошюра не могла появиться в свет ранее этого срока. Она напечатана уже в типографии «Земли

и воли»³³.

³² Бух Н. К. Воспоминания, с. 165. Позднее эти сведения повторили А. В. Мезьер, Б. П. Веревкин, И. Е. Баренбаум.

³³ См.; Покровская З. А. «Петербургская Вольная типография» (1978—1879 гг.). — «Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», 1969, т. 11 с. 77—78.

Основным изданием кружка была газета «Начало». Редакция ее, по словам Н. К. Буха, состояла «почти из всех членов кружка, к которым брат присоединил еще романиста Засодимского»³⁴. Он добавляет также, что в марте-апреле 1878 г. очень близко к редакции стоял Н. Е. Петропавловский-Каронин.

³⁴ Бух Н. К. Воспоминания. с. 157.

Авторский состав газеты отчасти указан опять-таки Н. К. Бухом: он называет свои заметки, статьи брата, Е. С. Федорова, П. В. Засодимского, Н. С. Русанов говорит об участии в газете Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского и В. В. Лесевича³⁵, но не указывает, в чем именно заключалось их участие и выступали ли они газете как авторы. Историки дополнили эти сведения еще двумя именами: корреспонденция «Стачка рабочих на Новой бумагопрядильной фабрике в С.-Петербурге» в № 1 принадлежит Г. В. Плеханову³⁶, а «Отрывочные заметки одного из осужденных по процессу 193-х» в № 4 приписывавшиеся Н. Е. Петропавловскому-Каронину³⁷, — И. Н. Мышкину³⁸.

³⁵ См.: Русанов Н. С. На родине. 1859—1882. М., 1931, с. 191—192.

³⁶ См.: Козьмин Б. П. Один из первых литературных опытов Плеханова. — «Каторга и ссылка», 1923, № 7, с. 41.

³⁷ См.: Гущин М. П. Н. Е. Петропавловский-Каронин. (Опыт биографии) — «Науч. записки Харьков, пед. ин-та», 1940, т. 3, с. 95—144; Бердников Г. П. С. Каронин (Н. Е. Петропавловский). — В кн.: Каронин С. (Н. Е. Петропавловский). Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1958, с. III—XL.

³⁸ См.: Ольховский Е. Р. Каронин или Мышкин? — «Рус. литература», 1960, № 1, с. 193—195; Антонов В. С. Общественно-политические взгляды И. Н. Мышкина, — «Ист. записки», 1962, т. 72, с. 63—86.

На всех четырех номерах газеты указаны только месяц и год издания; однако материалы, опубликованные в них позволяют более точно датировать каждый номер. Так, в № 1 на с. 8 есть фраза: «Судебный пристав приехал 28 марта в село...» поскольку на номере указано: «Март 1878 года», его можно датировать: *1878, март, 29—31*. В № 2 упоминается, что «17-го апреля совершил побег из Коломенской части содержащийся там политический арест[ант] Андрей Пресняков»; в то же время в одной из заметок говорится:

«29 апреля будет разбираться политический процесс Теплова». Следовательно, дату номера — «Апрель 1878 года» — можно уточнить: *1878, апрель, 18—28*. В № 3 передовая статья начинается с даты — 25 апреля. Номер помечен апрелем 1878 г.; более точная его дата: *1878, апрель, 26—30*. На № 4 указан май 1878 г.; поскольку передовая статья опубликована под датой «7 мая», номер можно датировать так: *1878, май, после 7*. Наконец, в «Прибавлении к газете „Начало"» (к № 4), помеченном «Май 1878», рассказывается об обыске в типографии Демакова в ночь с 6 на 7 мая; в другой заметке сообщается: «По инициативе французских рабочих 15 мая должна открыться рабочая международная выставка». Поэтому прибавление можно датировать: *«1878, май, 7—14»*.

В конце «Прибавления» было помещено следующее объявление: «От издателей. Ввиду разных обстоятельств, мы решили приостановить издание газеты „Начало" на два или на три месяца. Между прочим, в течение этого времени мы думаем расширить типографию, что даст нам возможность с осени выпускать газету аккуратно, в назначенные сроки. В то же время мы надеемся возможно лучше обставить наш орган в литературном отношении и обеспечить его корреспонденциями. Мы просим наших товарищей помочь нам в этом деле я помнить, что только при их общем содействии газета наша может сделаться органом партии, в котором все мы, социалисты, нуждаемся и, в особенности, в настоящее тревожное время».

О том, что издатели намеревались возобновить газету осенью 1878 г. (приостановка издания на лето была вполне закономерной: в это время происходил «отлив» и читающей публики, и самих революционеров из Петербурга), говорит и их письмо к Ф. Энгельсу, посланное из Брюсселя 22 июля 1878 г.:

«Милостивый государь! Сегодня я послал Вам 3 последних номера социалистического органа, выходящего в России. Если желаете получать и следующие, которые начнут снова выходить в середине августа, то мы, несмотря на трудность, готовы с удовольствием сделать это. Об этом Вам нужно будет только заявить г-ну Либкнехту. Мы, в свою очередь, просим Вас, равно как и г-на Маркса и всех просвещенных людей, готовых содействовать нам, присылать нам важные для нас статьи и корреспонденции, равно как и сообщать все важнейшие сведения, могущие ускользнуть от нас. Писать можете по-немецки, французски и английски (и, понятно, по-русски). Пока тоже через посредство г-на Либкнехта.

Один из представителей русского социализма».

В приложенной к письму копии на немецком языке подпись — «Один из представителей газеты „Начало"»³⁹.

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 348.

Письмо в сборнике не прокомментировано. И вообще этот момент в

истории газеты «Начало» — обращение ее издателей к К. Марксу и Ф. Энгельсу — не нашел освещения в литературе, историки только упоминают о нем. Ответил ли Энгельс на письмо? Судя по отношению К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому революционному движению, трудно предположить, что письмо представителя газеты «Начало» осталось без ответа; однако этот ответ пока неизвестен. О том, что Энгельс читал посланные ему номера газеты, говорит его письмо П. Л. Лаврову от 10 августа 1878 г.⁴⁰ По-видимому, он спрашивал о газете у Г. А. Лопатина, так как последний сообщил ему в письме от 15 января 1879 г., что «Начало» больше не выходит⁴¹. Следовательно, Энгельс интересовался изданием. Однако почему кружок решил обратиться именно к Энгельсу, кто был «один из представителей газеты „Начало“», подписавший письмо, почему в качестве посредника назван В. Либкнехт, каким образом осуществлялась связь между ним и кружком, — все это пока неизвестно.

⁴⁰ Там же, с. 349.

⁴¹ Там же, с. 357.

О том, что весной и даже летом 1878 г. члены кружка не намеревались прекратить издание газеты, свидетельствует и попытка установить связь с П. Л. Лавровым, привлечь его к участию в газете. Историю этой попытки можно восстановить более или менее детально по переписке Лаврова с Г. А. Лопатиным и Ю. Т. Узембло.

1 мая (19 апреля) 1878 г. Лавров писал Лопатину из Парижа: «Не слышали ли Вы что об издании, появляющемся в России (тайном) и носящем название „Начало“? Я получил о нем два противоречивые сведения, которые мне не только странны, но еще смущают меня самой возможностью своего совместного существования. От Денн[икера] слышал (тому несколько времени), что из частного письма ему известно о появлении конституционалистического издания „Начало“, или как его называют: „Мочало“. На днях пишет мне Р. Х. [Идельсон]: „Знаете ли Вы что-нибудь об издании в России газеты: „Начало“ с чисто впередовской программой (!!!)? Если я получу его, то пришлю непременно“ (подчеркивание и знаки — мои). Что это за дикость? Неужели бывшие впередовцы дошли до издания журнала, который *можно* принять за конституционалистический? Неужели то недовольство, которое высказывал Katz[enjammer — Гинзбург] на съезде 1876 г. против моих постоянных нападок на либералов, разрешилось *союзом* с либералами? Конечно, я надеюсь получить в довольно скором времени сведения от Б[есядовского], который вчера уехал, но пока волнуюсь»⁴².

⁴² Лавров — годы эмиграции. Архивные материалы. В 2-х т. Т. 1. Dordrecht-Boston, 1974, с. 547.

Бесядовский — псевдоним Юзефа Томаша Узембло, участника польского и русского революционного движения, входившего в парижский

кружок «социалистов-пропагандистов», созданный П. Л. Лавровым. В апреле 1878 г. Узембло отправился в Россию как эмиссар кружка для установления связей с революционными организациями и группами. Судя по интересу, проявленному Лавровым к новому изданию (известному ему пока лишь по слухам), он просил Узембло навести справки о газете, и уже 4 мая (22 апреля) тот писал ему из Берлина: «Посылаю вам, господа, „Начало" с условием отослать немедленно по прочтении в Берлин по адресу: Metzев str. 34, IV, r, Herrn Karatschunsky. Знаю, что особенной необходимости скорого получения обратно этой газеты нет, но прошу вас убедительно отослать ее по возможности скоро, так как только под этим условием мне разрешено доставление ее вам.

Из того что я здесь узнал, могу судить, что предполагалось издание конституционной газеты в России. Все приятно поражены появлением издания, которое можно обвинять в чем бы то ни было но не в конституционном направлении. Программа упомянутой газеты настолько близко подходит к нашей [т. е. опубликованной в № 48 «Вперед».— З. П.], что я решил ехать в Петербург] и там лично ознакомиться с направлением лиц, принимающих участие в издании. Конечно, нельзя не заметить, читая программу, что она писана не бог весть каким литератором: есть в ней много неясных выражений, спутанных понятий, да и общее впечатление, получаемое при чтении ее, неприятно.

Но главная суть не в направлении. С ним-то я считаю возможным вообще согласиться. Но, принимая во внимание слухи, ходящие о некоторых издающих „Начало", считаю необходимым переговорить с ними лично, так как говорят, что редакция очень разнокалиберна. Мне кажется, что в программе сильно подчеркивают „своеобразность экономических и общественных стремлений" русского народа (с. 1, стб. 3, 13-я строка снизу и далее); принимая во внимание при этом требование перехода земли и орудий в общее владение, взамен постановки принципа коллективизма, я опасаюсь встретить элемент народничества. Во всяком случае я считаю необходимым стать к этому изданию в определенные отношения, пока начну свою деятельность в России. С этой-то целью я еду прямо в Петербург»⁴³.

⁴³ Революционное народничество..., с. 84—85.

Из письма видно, что, во-первых, Узембло сообщает не точные сведения о газете, а слухи о ней, чужие мнения о ее издателях и направлении; во-вторых, что решение поближе ознакомиться с кружком он принял сам, на основании личного впечатления от первого номера и программы газеты, а не по поручению П. Л. Лаврова.

Получив газету, Лавров поделился своими впечатлениями с Лопатиным в письме от 7 мая (25 апреля): «О „Начале".— „Во-первых, Тиктак [Таксис] дал мне понять, что это, вероятно, дело „русского Лассаля" [Дехтерев] и его одного приятеля [Федоров], с которым я был в переписке во время оно, когда я был в Лондоне, а тот в Германии. Из писем это была

личность искренняя, но довольно ограниченная, тяжелая, с таинственными намеками, с фантастическими теориями исторического развития; личность малодаровитая и преклонявшаяся перед Кисляковым [Дехтерев]. Наша переписка прекратилась, помнится, на том, что он рассердился, когда я отозвался об этом герое несколько непочтительно. На основании слов Тик-така мне казались совершенно ясными возможные противоречия в издании таких личностей.

Но я прочел сам это „Начало“. Напечатано отвратительно. Второй лист едва я мог разобрать, но может быть, прислали корректуру [это предположение, если принять во внимание условия нелегального издания в Петербурге, маловероятно. — 3. II.], так как это (2-й лист) было на зеленой бумаге. Таланта нет, но определительно стоит на точке социально-революционной; ближе всего ко „Вперед“, но умереннее; бунтовщичества ни следа: анархизм в смысле отрицания союза с нынешними государствами, но не в смысле „пропаганды действием Косты и Кропоткина; предложение всем социалистическим партиям содействовать; нежелание вызывать разделяющие их вопросы; нежелание даже помещать руководящие статьи (что ошибочно); экономическая программа несколько мягка и подходит к программе съезда (дек. 1876 г.). Есть интересный отчет о стачке в Петербурге [Лавров отмечает корреспонденцию Г. В. Плеханова.— 3. II.]; сведения о Чернышевском. Все серьезно, без руготни, без возгласов; дельно; и хотя, как я сказал, не талантливо, мне понравилось, а если они удержатся в *России*, то это одно даст им большое значение. Мне пишет Миллер, что Кравч[инский] и Кроп[откин] стоят за прекращение „Общины“ и перенесение сил на „Начало“. Не знаю, находятся ли они уже с ним в сношениях; но надеюсь скоро узнать досконально основы этого дела. Пока лишь догадки: Кислякова [Дехтерев] там нет ни строчки, за это я отдам голову; я знаю его манеру писать. Его приятель [Федоров], может быть, участвует, но в таком случае он очень развился. Больше ничего сказать не могу. Интересно, кому удастся захватить влияние на это издание. На минуту я думал, что это петербургские „Впередцы“, но, перебирая возможных лиц, нахожу невероятным. Ну да посмотрим. Я имел всего в руках на несколько часов. Если добуду надолго, пришлю прочесть. Но если получу еще, сделаю выписки и пришлю и Вам»⁴⁴.

⁴⁴ Лавров — годы эмиграции, с. 549—550.

4 мая Узембло пишет в Париж из Петербурга: «Вероятно, вы меня страшно ругаете за долговременное молчание. Но, право, я не имел возможности писать ранее. Пока нашел тех, с которыми желал переговорить, пока из отрывочных разговоров (а иначе нельзя было говорить) мог составить себе цельное понятие о существующем, до тех пор считал лучшим молчать. Издатели „Начала“ — это личности, убежденные в необходимости издания газеты внутри России. Все относящееся к техническим затруднениям, преодолено и устроено очень хорошо. Все дело в литературных силах, в них-то чувствуется полный недостаток. Издатели

видят сами, что статьи *слабы*, но лучших нет. Таким образом, они помещают статьи, которыми сами недовольны. Они не видели выхода из столь затруднительного положения. Они надеялись, что найдут сочувствие и помощь, но надежды оказались тщетны. Они хотели закрыть газету, заявляя в последнем номере удивление по поводу индифферентизма своих товарищей по программе.

Об этом положении я узнал только вчера и отговаривал их. Когда я им прочел вашу программу (они не получали еще 48 №), они вполне с ней согласились. Вот почему с их разрешения я обращаюсь к вам, Петр Лаврович, с вопросом: не можете ли вы помочь этому горю? Они со своей стороны готовы с радостью передать редакцию в более умелые руки. В противном случае придется закрыть издание. А очень будет жаль, если дело распадется.

Кружок петерб[ургских] впередовцев не согласился принимать участие в газете, так как он считает полезным единственно только образование обществ[енного] сопротивления (по образцу Англии).

Более подробно напишу из Москвы. Теперь оканчиваю просьбой: пришлите, пожалуйста, по возможности скорей программу „Общины“. По адресу: инженер-технологу Александру Ивановичу Венцковскому. Митавский переул[ок], д. 10, кв. 15»⁴⁵.

⁴⁵ Революционное народничество..., с. 85-86

Таким образом, инициатива обращения к Лаврову исходила от кружка газеты «Начало», а не наоборот, как можно было бы представить, например, из комментариев А. М. Орехова к опубликованным им письмам Ю. Узембло: «В мае он уже находился в Петербурге и по поручению П. Л. Лаврова вел переговоры с редактором народнического журнала „Начало“ Александром Венцковским, зондируя почву относительно возможного превращения журнала в печатную трибуну лавристов»⁴⁶. Да и к Венцковскому Узембло обратился, скорее всего, не потому, что тот был редактором «Начала», а вследствие его видного положения среди польских социалистов, о чем Узембло, тоже поляк, не мог не знать. Через Венцковского он попал в кружок издателей «Начала», а не наоборот.

⁴⁶ Орехов А. М. Указ, соч., с. 51

Московское письмо Узембло нам не известно. А группа Лаврова 27 (15) мая отвечала ему из Парижа: «Мы получили все ваши письма из Берлина, из Вильно, из Петербурга и три из Москвы... Относительно „Начала“ мы ожидали, что в последнем письме из Москвы вы нам укажете, что это за личности, так как участвовать вместе в литературном деле уже совсем не одно и то же, что вступить в федерацию. Здесь предполагают, что там главные личности Дегтярев и Федоров (живший в Германии под именем Степанова). Дегтярев — человек очень ненадежный и пользующийся во всех

кружках невыгодную репутациею. Федоров — человек хороший, но ограниченный, насколько известно. Если у них нет никого более, то они не имеют никаких шансов просуществовать, потому что издание, появляющееся в Петербурге не может иметь редакцию в другом месте, а у нас пока в Петербурге нет никого; следовательно, редакцию изменить нельзя. Остается вопрос о литературной помощи сотрудничеством. Если Дегтярев ведет дело и есть главное лицо там, то едва ли удобно для нас войти с ними в слишком близкие сношения, и все, что можно сделать, это посылать им резюме главных социалистических совершающихся событий и выходящих статей за границей. Если там есть люди кроме Дегтярева, пользующиеся уважением, серьезные, хотя и малоизвестные, то с общего нашего согласия и при нашем содействии Лавров готов войти с ними в прямые сношения, давать им указания для ведения журнала и посылать еженедельно или каждые две недели письма о современных вопросах социализма. Но он не может войти в подобные сношения, не зная, с кем именно имеет дело.

Вы пишете, что все техническое дело устроено; очень важно знать, есть ли у них корреспонденты из разных мест России, так как без этого журнал существовать не может, и эту часть надо вести на месте. Отсюда помочь этому решительно нельзя. Вы говорите, что они согласны на нашу программу; в таком случае, нам кажется, они могли бы в одном из ближайших номеров заявить, что вследствие выраженного ими желания более точно и определенно узнать их программу они приступают к программе, помещенной в № 48 „Вперед“, а так как этот номер по неизвестным им причинам не распространялся или мало распространялся в России, то они перепечатывают эту программу с одним небольшим изменением, с которым согласился теперь и составитель программы. Тогда мы вступили бы с ними в федеральную связь во всяком случае и доставляли бы им те сведения, которые могли бы доставить, даже если бы они не сообщили нам имен и не вошли бы в прямые литературные отношения с Л[авровым]. Он же может вступить в деловую (даже, если нужно, открытую) связь с журналом, если будет с редакцией в прямых сношениях, будет вполне знать, с кем имеет дело и какие у них наличные литературные силы. Узнав это и найдя возможным для себя содействие, он готов и очень будет рад энергически содействовать.

Все предыдущее писано для вас. Вы сообщите им лишь то, что не касается личностей Дегтярева и Федорова. Л[авров] очень бы желал знать большие подробности о разговоре вашем с Крашевской. Говорили вы что о „Начале"? Находится ли она в каких-либо сношениях с группой редакции?.. Думаем, что хорошо бы, если бы побудили ваших москвичей посылать корреспонденции в „Начало". Это показало бы редакции немедленно пользу связи с нами. Программа „Общины" посылается сегодня по адресу, вами данному, так как только сегодня она получена из Женевы...»⁴⁷.

⁴⁷ Революционное народничество..., с. 89—90.

Следовательно, Лавров и его группа по-прежнему не знали, кто входит в кружок, издающий газету, Узембло им этого не сообщил. Отвечая на письмо, он писал из Петербурга 30 мая: «Относительно издания, о котором мы уже говорили, скажу только то что в непродолжительном времени, недели через 3, один из редакторов лично переговорит с вами; теперь скажу только, что лица, на которых вы указывали, не участвуют в редакции. Один из них — тот, к которому вы относитесь недоверчиво,— хотел было присоединиться, но его не приняли» [речь, по-видимому, идет о Дехтереве.— З. П.]⁴⁸.

⁴⁸ Революционное народничество..., с. 86.

Позднее, уже из Варшавы, Узембло писал более подробно: «Что же касается до того, что могло бы вас интересовать, то я действительно рассчитывал, что все вам будет сообщено и привезено тем господином, который собирался ехать в Париж. Это был один из началовцев, желающий переговорить с вами. Когда я был в Москве, в Питер приехал Пргвшипсо [предполагается, что это был П. Б. Аксельрод, один из редакторов «Общины».— З. П.] для переговоров с началовцами, и они сошлись. Конечно, я считал совершенно бестактным говорить что бы то ни было о литературной связи их с вами, узнав, что они уже сошлись с общинниками, и ограничился, будучи спрошен, получил ли я от вас письмо, сообщением в общих чертах содержания вашего письма. Они не начинали, и я молчал. Хотя я уже сейчас по приезде в Пит[ер] из Москвы сомневался, что из вашей с ними литературной связи может что-нибудь в настоящее время выйти, но все-таки упомянутый господин говорил, что поедет, и обещал забрать с собой все, что я пожелаю вам послать. Я только накануне отъезда своего из Питера узнал, что он сомневается, поедет ли» (письмо от 25 июля 1878 г.)⁴⁹.

⁴⁹ Там же, с. 87—88.

Из этого письма можно сделать вывод, что переговоры Узембло с издателями «Начала» были безрезультатными, в перспективе оставалась лишь личная встреча Лаврова с кем-то из «началовцев». Кое-какие любопытные, хотя и обрывочные, сведения содержатся в дальнейших письмах Узембло к Лаврову из Варшавы. Так, 14 августа 1878 г. он пишет: «Теперь несколько слов о „Начале“. Я говорил о том, о чем Вам писал Зърцлодсоисъ [А. Венцковский —так расшифровывает это место публикатор писем Узембло А. М. Орехов.—З. Я.], который, я знаю, состоял в редакции. Почему Гезосодь [Е. С. Федоров] —не знал об этом, я не знаю. Однако Зърцлодсоисъ, вероятно, скоро будет в Варшаве, и тогда я его спрошУ как это он мог отвечать мне от имени кружка, не говоря им о нашем разговоре. Тогда дело разъяснится, а теперь что-то мне очень кажется странным, почему Гезосодь как на доказательство предварительных только переговоров с общинниками указывал на то, что объявление [какое именно, А. М. Орехову

установить не удалось. — 3. П.] печаталось в другой типографии. Ведь в то время типография сначала не могла действовать, вот почему не попросили попечатать бунтарей. Во всяком случае, я прошу Вас позволить мне обстоятельно ответить Вам тогда, когда увижу Зърцлодсоисъ, теперь же, право, трудно распутать эту путаницу»⁵⁰. В письме от 5 сентября он продолжает разговор: «Недоразумения относительно „Начала" скоро для меня разъяснятся, и тогда я Вам напишу, в чем дело. Теперь скажу только, что Гезосо, как не принадлежащий к редакции, а только типографщик, не слышал действительно ничего о том, что я говорил с названным уже в предыдущем письме. Тот же уверял меня, что он говорил со мной, переговорив с кружком редакции. Однако, повторяю,— напишу об этом, когда дело разъяснится»⁵¹. Наконец, 25 октября Узембло пишет: «Относительно „Начала" могу сказать только то [далее зачеркнуто: что меня уведомили, что началовцы напишут Вам], что мне формально обещано разъяснить этот вопрос. Они обязались написать Вам о том, что бывший у Вас не знал [далее зачеркнуто: о том], что я говорил с одним из уполномоченных редакции. Если Вы в скором времени не получите письма, то сообщите через барыню, и тогда я постараюсь заставить их поторопиться»⁵².

⁶⁰ Орехов А. М. Указ соч., с. 57.

⁵¹ Там же, с. 61.

⁵² Там же, с. 62.

На этом письма Узембло, касающиеся «Начала», обрываются. Однако А. М. Орехов опубликовал еще письмо от 29 декабря 1878 г., с примечанием, что содержание его не поддается расшифровке. Вот оно: «Тот, который находился в тесной связи с редакцией] Таьам [зашифровано.—Л. О.], не находится более в Питере. Да и вся редакция покойного младенца как-то успокоила свое литературное волнение, и только один из ее представителей сошелся с новой редакцией]. Вот почему я не думаю, чтобы П[етр] Л[аврович] желал немедленного сообщения о французском] письме тому, который во время пребывания своего в Пит[ере] занимался администрацией издания. Если я ошибаюсь, то сию минуту по получении известия напишу бывшему администратору; в противном случае сообщу об этом тогда, когда сей барин поедет в Питер, прибавляя, чтобы мельком упомянул об этом в разговоре. Он едет в Питер за [через] две-три недели»⁵³.

⁵³ Там же, с. 64.

Действительно, прокомментировать данное письмо, тем более не располагая ответными письмами П. Л. Лаврова, невозможно. Однако, если связать содержание письма с газетой «Начало», а мы имеем право на подобную гипотезу, то оно будет заключаться в следующем. «Редакция „Таьам « и «редакция покойного младенца» (судя по контексту речь идет об

одном и том же) это редакция «Начала», тем более, что «только один из ее представителей сошелся с новой редакцией», — Н. К. «работал в типографии «Земли и воли». «Тот, который находился в тесной связи с редакцией» «Начала» — возможно, А. И. Бенцковский: он уехал в Варшаву осенью 1978 г. Кто же такой «бывший администратор» («сей барин») — сказать трудно.

Переписка Лаврова по поводу газеты «Начало» дополняет историю этого революционного органа, рисует — с несколько неожиданной стороны — его издателей, раскрывает отношение к нему современников. В то же время она дает основание высказать еще одно предположение — кто был «один из представителей газеты „Начало“», отправивший письмо Ф. Энгельсу из Брюсселя. Узембло извещал Лаврова 30 мая, что недели через три один из редакторов явится к нему лично; а 25 октября он пишет о том же лице как побывавшем у Лаврова. А. М. Орехов считает, что это был Е. С. Федоров, и у нас нет оснований не соглашаться с ним. Точно так же и комментатор письма Узембло от 30 мая С. С. Волк указывает: «Видимо, имеется в виду Е. С. Федоров, который летом 1878 г. побывал в Париже у П. Л. Лаврова и лично просил его о сотрудничестве в „Начале“» (см. письмо парижских лавристов Бесядовскому осенью 1878 г.: ЦГАОР СССР, ф. 1762. оп. 3, д. 62, лл. 24-24 об.)⁵⁴

⁵⁴ Революционное народничество..., с. 373. примеч. 47.

Эти сведения можно проверить, сличив почерк письма (в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» оно опубликовано по рукописному оригиналу) с почерком Е. С. Федорова, личные бумаги которого хранятся в архиве Академии наук СССР.

Чтобы завершить картину переговоров издателей «Начала» с П. Л. Лавровым, необходимо отметить еще один любопытный и немаловажный факт: эти переговоры были известны петербургским революционерам, хотя, судя по переписке, о них знал весьма узкий круг лиц. В секретном архиве III отделения имеется копия письма, адресованного «Mr Albert» (П. Л. Лаврову) в Париж, rue Berthollet, 21 (конверт с петербургским штемпелем «23 декабря 1878 г.»), в переводе с английского: «Уважаемый коллега! В непродолжительном времени будет издаваться новый журнал,— продолжение известного вам уже «Начала» Так как вы имеете твердое намерение оказать свою помощь подобному предприятию, то мы вас убедительнейше просим принять самое деятельное участие в собирании литературного материала и в доставлении важных сведений и корреспонденции. В последнее время мы лишились всяких сношений с нашими немецкими друзьями и не имеем ни газет, ни каких бы то ни было других сведений. Вот почему нам необходима самая деятельная помощь с вашей стороны. Упомянутый журнал выйдет в формате сборника; кроме того, мы будем издавать народную газету или маленький рабочий журнал. Более всего оказывается необходимость в истории радикального движения в России или в Германии до 48 года. Мы вас убедительнейше просим

обратиться от себя к другим знакомым с просьбою о помощи нам. Отвечайте тотчас же, в доказательство получения нашего письма. Адресуйте письма в Совет присяжных поверенных, г. Бардовскому»⁵⁵.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, СА, оп. 1, Д. 765, л. 9—9 об.

К сожалению, мы ничего не знаем пока ни об авторах письма (наиболее легкое объяснение, что речь идет о «Земле и воле», оказывается неверным: «Земля и воля» выходила с 25 октября 1878 г., в письме же речь идет о намечающемся к изданию журнале), ни о его судьбе. Судя по пометкам на копии, жандармы пытались что-то узнать, но результаты этих попыток в архивном деле не отражены.

Нельзя считать исследованным и идейно-теоретическое содержание газеты. В работах Б. П. Веревкина, Б. И. Есина, В. В. Чубинского газета охарактеризована очень кратко, с указанием на сильное влияние бакунизма. Но если принимать во внимание только эту сторону, остается непонятным, почему газета «Начало» издавалась в период, когда в том же Петербурге действовала крупная, сильная, централизованная организация, находившаяся под влиянием тех же идей; зачем кружку понадобилось издавать газету вне «Земли и воли»? Каким был по своему направлению кружок, издававший газету? Кто играл руководящую роль в нем и в газете? Эти вопросы требуют более глубокого изучения и оценки.

Значительный интерес представляет выпущенный типографией «Летучий листок № 1» Н. К. Михайловского — листовка с текстом на одной стороне листа, в два столбца. Подписи нет; имя автора появилось в печати лишь в начале XX в., после смерти Н. К. Михайловского. Не указано и место печати. Дата проставлена у заголовка: «Апрель 1878 года».

«Летучий листок» хорошо известен в литературе, неоднократно перепечатывался. Написанный после процесса В. И. Засулич, он оценивал оправдательный приговор присяжных как начало новой эры в общественной жизни России, выступал за необходимость завоевания политических свобод, выдвигал требования конституции, Земского собора и провозглашал свой основной лозунг: «Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становившимся поперек пути истории!»

Исследователи, как в дореволюционный период, так и в настоящее время, неоднократно касались вопроса о роли и значении этого документа в событиях 1878 г., о его месте в творчестве Н. К. Михайловского. Издательская же история «Летучего листка» была достаточно подробно изложена Е. Е. Колосовым: «Намерение Михайловского войти непосредственно в русло общественной борьбы, — пишет Колосов, — относится к моменту дела В. И. Засулич, то есть, значит, к первой половине (март — апрель) 1878 года. Михайловский выпустил тогда „Летучий листок”

резко политического характера. Как оказывается теперь, — Михайловский задумал тогда целую серию „Летучих листков“, и на листке по поводу дела В. И. Засулич так и стояла пометка № 1. Сношения по поводу „Летучих листков“ с ним вел некто г-н Х., здравствующий и ныне. Г-н Х. поддерживал его в намерении писать эти „Летучие листки“, он же передавал их в типографию газеты „Начало“, первой русской подпольной газеты того времени. Но соглашаясь писать эти листки, Михайловский поставил условием, чтобы о его авторстве никто, кроме г-на Х., не знал, не могла знать, в том числе, ни редакция, ни типография „Начала“. Скоро, однако, стало ясно, что это условие неприемлемо для „Начала“ и для самого Н. К. Михайловского. Редакция „Начала“ была так настроена, подобно вообще тогдашним народникам, превратившимся уже в „землевольтцев“ — *аполитично*, „Листки“ же были резко политического характера, и, выпуская их, само „Начало“ должно было в своих передовых статьях с ними полемизировать. С другой стороны, резко отрицательный отзыв о политических тенденциях „Летучего листка“ № 1 появился в заграничной „Общине“ (май 1878 г.), отзыв, принадлежащий известному впоследствии и ныне анархисту В. Н. Черкезову. При таких условиях дальнейший выпуск „Листков“ становился очевидно невозможным, тем более, что редакция „Начала“ категорически потребовала от г-на Х. назвать имя автора листков. Но на это не согласился Михайловский, и поступивший уже в редакцию „Листок“ № 2-ой, „Политика и учащаяся молодежь“ (напоминаю, что в то время произошло избиение московских студентов черной сотней из Охотного ряда), был возвращен Н. К. Михайловскому. Есть ли в настоящее время где-либо копия этого „Листка“ или его подлинник — мне неизвестно...»⁵⁶.

⁵⁶ Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. Пг., 1917, с. 46—47.

Сведения Е. Е. Колосова заслуживают внимания: при первой публикации их в 1914 г. (в более краткой форме) он предпослал им следующую фразу: «Замечательно, однако, что полемизируя с „Летучим листком“... газета „Начало“ в то же время, по непредвиденному стечению обстоятельств, была, как оказывается, и главной виновницей появления в свет столь осуждаемого ею произведения, хотя, впрочем, ответственной являлась в этом случае не вся редакция в целом, а только один ее член (назовем его хотя бы буквой Х.), здравствующий и ныне, по рассказу которого, полученному мною от него через В. Я. Богучарского, дело с изданием прокламации Н. К. Михайловского о процессе Веры Засулич происходило так...»⁵⁷. Этот рассказ перекликается с репликой Н. С. Русанова, брошенной им в 1907 г.: «Было бы, кстати, интересно... узнать историю возникновения самого „Начала“... Не откликнется ли на это хотя бы доньше благополучно здравствующий дан В., игравший, как мне было известно еще в то время, выдающуюся роль в организации „Начала“?»⁵⁸. Благодаря этому «г-н Х.» расшифровывается без труда: это А. И. Венцовский (он умер в 1920 г.). Подтверждением могут служить и слова В. Н. Фигнер: «Через поляка-

революционера Венцовского, одного из основателей первой подпольной газеты „Начало“, в апреле 1878 он [Н. К. Михайловский.— З. П.] передал в тогдашнюю тайную типографию этого издания „Листок № Г ...»⁵⁹.

⁵⁷ Колосов Е. Е. К характеристике общественного мирозерцания Н. К. Михайловского,— «Голос минувшего», 1914, № 2, с. 219—220. Текст «справки» приведен в кавычках.

⁵⁸ Русанов Н. С. «Политика» Н. К. Михайловского, с. 129.

⁵⁹ Фигнер В. Н. По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина; «Народовольческая журналистика».— В кн.; Колосов Е. Е. Народовольческая журналистика, с. 263.

В силу каких причин издатели «Начала» напечатали «Листок»? В силу идейной близости «Листка» и выпускаемой ими газеты? Такую точку зрения высказывал Н. С. Русанов, но он, по-видимому, не обратил внимания ни на заметку, помещенную в конце № 2 газеты *, ни на передовую статью в № 4 «Начала», полемизирующую с основными мыслями „Летучего листка“. Мотивы публикации не были изложены и остаются загадкой. Во всяком случае, современники-революционеры восприняли «Летучий листок» как произведение не социалиста, а либерала, и только недоумевали, почему он был выпущен нелегальной типографией⁶⁰. Причину такой оценки революционерами «Летучего листка» мемуаристы и историки видят в том, что социалисты в тот момент относились отрицательно к борьбе за политические свободы, считая, что близкая социальная революция решит разом и политические, и экономические проблемы.

* «В ответ на полученное нами письмо „Социалиста“ мы напоминаем его автору, что редакция газ. „Начало“ ответственна только за содержание статей, помещенных в газете, а отнюдь не за все, что может быть напечатано в Типографии, в которой печатается „Начало“».

⁶⁰ См., напр.: Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, с. 320—323, и др.

Но если революционерам «Летучий листок» показался произведением «осмелевших либералов», то либералов напугали его наиболее революционно звучащие места. «Комитет общественной безопасности» вызывал в памяти грозную фигуру Максимилиана Робеспьера, а связанный с его именем революционный террор никак не мог импонировать русскому либералу. Для него «Летучий листок» оказался слишком «левым».

Идея борьбы за политические свободы получила права гражданства в русском, революционном движении несколько позднее, в деятельности «Народной воли»,— так принято считать в литературе. Но далеко не всегда при этом упоминается, что самая идея появилась на страницах русской нелегальной печати до оформления народовольчества и не в «Летучем

листке». Она прозвучала отчетливо и ясно в рукописи «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 года», а в печатном виде — в брошюрах «Русские отцы и матери к русскому обществу» и «Правительственная комедия, или Призыв к обществу», выпущенных в 1877 и 1878 гг. «Землей и волей». В связи с этим еще более интересным становится тот факт, что прокламация Михайловского, выдвигавшая лозунг борьбы за политические права, была напечатана не «Землей и волей», а кружком издателей газеты «Начало».

Текст листовки и жандармские документы позволяют уточнить дату ее выхода; в листовке упоминаются события, происшедшие 3, 5 и 8 апреля (избиение студентов в Охотном ряду в Москве, пощечина ректору Матвееву в Киеве, закрытие газет в Петербурге), а в донесении петербургского градоначальника генерал-майора Козлова в III отделение говорится, что листовка была получена в Петербурге 16 апреля, по городской почте, коллежским советником Мейером и графиней Салтыковой⁶¹. Следовательно, прокламация могла быть напечатана *9—15 апреля 1878 г.* Тираж ее неизвестен; но в том Ж^е архивном деле сохранились рапорты местных властей о получении «Летучего листка» по почте в Петербурге, Москве, Одессе, Кишиневе, Херсоне, Вильне, а также в некоторых воинских частях.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 163, д. 186, л. 13.

И, наконец, еще одно замечание. Н. С. Русанов называет «Летучий листок» прибавлением к газете «Начало», и то же самое повторяют за ним некоторые исследователи. Действительно, в № 4 газеты «Начало» в конце текста напечатано: «К этому номеру есть приложение». Однако оно не имеет ничего общего с «Летучим листком» (приложение хранится вместе с комплектом газеты в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в ЦГАОР).

С делом В. И. Засулич связано еще одно издание типографии газеты «Начало» — листовка с текстом стихотворения «24 января 1878. (Посвящается Вере Ивановне Засулич)» и над заголовком «Из тюремных стихотворений». Опубликовано оно без подписи, и автор стихотворения пока не установлен. Н. А. Морозов высказывал предположение, что автором является кто-то из петербургских адвокатов, близких к революционным кругам: А. Л. Боровиковский, А. А. Ольхин и др.⁶²

⁶² Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959, с. 802.

Судя по тексту, стихотворение было написано до процесса Засулич, т. е. до 31 марта 1878 г., и впервые опубликовано в № 2 газеты «Начало»; отдельное издание имеет пометку: «Перепечатка из газеты „Начало" № 2»; следовательно, листовку можно датировать: *1878, апрель, после 18.*

При публикации в газете была пропущена 23-я строка (третья в 6-й строфе) — «Зачем им этот хлам ненужный?» Без этой строки стихотворение

перепечатано в «Революционной журналистике семидесятых годов» и «Вольной русской поэзии второй половины XIX века». В части тиража отдельного издания эта строка также пропущена, в некоторых же экземплярах строфа напечатана полностью; в одном из архивных экземпляров строка дописана от руки.

Наконец, типография газеты «Начало» выпустила небольшую брошюру (10 страниц)—стихотворение Н. А. Морозова «Тюремные видения». Автор в брошюре не указан, но историю написания стихов (они были начаты в помещении Тверской части в Москве, а закончены в Доме предварительного заключения в Петербурге) рассказал сам Н. А. Морозов⁶³. История публикации изложена А. А. Шиловым и С. А. Рейсером⁶⁴. Брошюра, как и листовка «24 января 1878», имеет надзаголовок «Из тюремных стихотворений», набранный тем же шрифтом. На с. 10, под текстом, имеется строка: «Печатано в типографии газеты „Начало“». Кроме того, в некоторых экземплярах перед этой строкой напечатана еще одна: «(Сбор в пользу заключенных и ссыльных)». Дата выхода в брошюре не указана, нет ее и в литературе⁶⁵. Но одинаковое оформление ее и стихотворения «24 января 1878» позволяет предположить, что брошюра Морозова была напечатана в то же время, что и листовка: во второй половине апреля — первой половине мая 1878 г. Архивные дела не позволяют уточнить эту дату.

⁶³ Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1961, с. 173—178.

⁶⁴ Вольная русская поэзия..., с. 781—782.

⁶⁵ Н. К. Бух, а за ним и многие исследователи вообще не упоминают брошюру Н. А. Морозова и листовку «24 января 1878» среди изданий типографии «Начала»; сведения об этом впервые были опубликованы в библиографическом указателе «Русская подпольная и зарубежная печать» (ч. 1, № 371; ч. 2, № 187).

Издания новой типографии, как ранее издания «Земли и воли», довольно быстро стали известны властям. Документов о них в архивных делах встречается меньше, чем о землевольческих изданиях, сюжет быть, потому, что они распространялись в меньших масштабах. Тем не менее эти документы представляют интерес.

Жандармским и полицейским властям вряд ли было точно известно о существовании в Петербурге сразу двух нелегальных типографий. Но постоянное появление — и в значительных количествах — «противуправительственных изданий» не могло не тревожить их, и поиски источника этих тревог шли с неослабевающим усердием, хотя и оставались тщетными. Вместе с тем власти допускали возможность того, что подпольные издания лишь набираются тайком, печатаются же они почти в открытую в какой-либо легальной, частной или даже казенной типографии. Поэтому в течение 1878—1879 гг. обыски в легальных типографиях были почти обычным делом, тем более что специальным указом Александра II в

сентябре 1878 г. казенные типографии были подчинены инспекторскому надзору, как раньше — частные.

Об одном таком обыске рассказывается в «Прибавлении» к № 4 газеты «Начало»: «В ночь с 6 на 7 мая, на Казанской улице, в типографии Демакова был произведен обыск, вследствие подозрения этой типографии в печатании газеты „Начало“ и „Летучего листка“. Обыск продолжался с 2 ч. ночи до 7 утра; ничего подозрительного не было найдено. На беду, однако, какой-то 14-летний мальчик из соседнего дома заявил, что недавно в типографии Демакова работал его брат и жег какие-то бумаги. Эти показания, конечно, были на руку агентам III отделения; они арестовали мальчика и, вероятно, также его брата».

Протокол этого обыска хранится в архивном деле III отделения; он доказывает, что поиски шли самые тщательные, были осмотрены все машины, наборы, оригиналы периодических изданий и других печатаемых работ, запасы бумаги, все шкафы и ящики, помещения метранпажа, наборщиков и рабочих типографии. «Ничего нигде преступного или относящегося до издания воспрещенных произведений не найдено», — заключает протокол⁶⁶.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 163, д. 186, л. 35-37.

Упоминает об этом обыске и автор записки «О характере противоправительственной пропаганды в России», причем считает, что «хотя и этот обыск не привел к прямым результатам, тем не менее явилось убеждение, что указание на типографию Демакова не лишено было некоторого основания, так как, вслед за тем, прекратилось издание подпольной газеты «Начало», которая, как удостоверили некоторые сведения, печаталась у Демакова»⁶⁷.

⁶⁷ Там же, СА, оп. 1, д. 863, л. 2 об.

Однако мы уже знаем, что эти «некоторые сведения» основания не имели: газета «Начало» печаталась в собственной типографии, а прекращение ее издания вслед за обыском было простым совпадением. Но вот еще один жандармский документ, довольно интересный: 28 мая 1878 г. петербургский градоначальник А. Е. Зуров препроводил в III отделение «полученный путем агентуры» № 4 газеты «Начало», вместе с прибавлением к этому номеру, «присовокупляя, что, по последним сведениям, подпольная типография разобрана и по частям помещена в различных помещениях»⁶⁸. Типография газеты «Начало» прекратила свою работу действительно в это время, и поэтому трудно сказать, были ли сведения градоначальника случайным совпадением с истиной или же отражали в данном случае саму истину.

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 163, д. 186 л. 62.

Власти пытались найти подпольную типографию и иными путями — через подкуп и предательство. Об одном таком случае рассказывается в «Прибавлении» к № 4 газеты «Начало»: «Поиски типографии „Начала“ деятельно продолжаются. Были сделаны обыски в нескольких других типографиях. Этим не ограничиваются. На днях, в типографию Ильина явился агент III отделения и, собравши рабочих, сказал им- целую речь, в которой разъяснил, что появление тайной газеты „Начало“ озабочивает и печалит русское правительство. Кто найдет типографию, сказал он, тот окажет крайне важную услугу царю и отечеству и получит в награду 5 т[ысяч] р[ублей] с[еребром]. Один из рабочих, увлекаясь патриотизмом или корыстью (не беремся решить, чем именно) выступил вперед и заявил, что берется указать, где печатается „Начало“, но товарищи этого мерзавца так враждебно взглянули на него, что он тотчас же ретировался».

Такая попытка, скорее всего, была не единственной. Однако, как писала В. Н. Фигнер, «предатель, провокатор еще не родился». Газета печаталась «без дальних конспирации, почти на глазах у всех... все знали — и все молчали»⁶⁹. Даже минимальная конспирация приносила свои плоды: типография газеты «Начало» не была обнаружена властями.

⁶⁹ Фигнер В, Н. Григорий Прокофьевич-Исаев, с. 146.

Она была передана «Земле и воле». Об этом пишет Н. К. Бух, об этом говорит в своих показаниях А. Д. Михайлов, указывая при этом на причины перехода типографии в другие руки: «Эта газета („Начало“.— 3. II.) по литературным своим силам и по положению ее издателей не могла быть органом партии. Кружок, руководивший ею, не претендовал на это и ясно выразил значение этой газеты ее названием. Номера „Начала“ выходили в продолжение первой половины 1878 года и прекратились в то время, когда организация народников настолько окрепла и расширилась, что была в состоянии приняться за издание серьезного органа партии. „Началисты“, как пионеры, сознавали тоже необходимость соединения литературного дела с работой в народе и других сферах, что могла только сделать организация, имеющая наибольшее значение и влияние в партии, и они охотно передали свою типографию народникам. Перешедши в другие руки, она стала называться С.-Петербургской Вольной типографией»⁷⁰.

⁷⁰ Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Указ, соч., с. 123—124.

Говоря о передаче типографии землевольцам, С. Л. Лившиц и А. В. Мезьер указывают на август 1878 г., не аргументируя, почему указывается именно эта дата; И. Г. Левитас [и др.] и И. Е. Баренбаум указывают май того же года, также без аргументации. По воспоминаниям Н. К. Буха, переговоры с «Землей и волей» велись весной 1878 г., окончательно же вопрос был решен в конце лета, на совместном заседании членов кружка и землевольцев,

в числе которых Бух называет Д. А. Клеменца, вернувшегося в Россию, скорее всего, во второй половине августа. На брошюрах «Убийство шефа жандармов ген.-адъютанта Мезенцева» и «Заживо погребенные», выпущенных «Землей и волей» в августе 1878 г., стоит уже новое название: «Петербургская Вольная типография». Под этим названием типография работала более года, после раскола «Земли и воли» в августе 1879 г. перешла к «Народной воле» и попала в руки властей в результате разгрома народовольческой квартиры в Саперном переулке в ночь с 17 на 18 января 1880 г.

Таким образом, типография газеты «Начало» (вместе с работавшей одновременно «Вольной Русской типографией») своей, хотя и кратковременной, деятельностью доказала возможность существования нелегальной печати в России. Мечта всех революционных организаций, по образному выражению С. М. Степняка-Кравчинского, — «устроить тайную типографию, дать свободной мысли, борющейся против деспотизма, такое могучее орудие, как печатный станок»⁷¹, — осуществилась, и с этого момента подпольная печать становится постоянно действующим фактором русского революционного движения.

⁷¹ Степняк-Кравчинский С. М. Указ соч., с. 490.

Вместе с тем попытка издания «внефракционного» органа, потерпевшая неудачу, показала революционерам необходимость четко очерченной и ясно сформулированной программы для подпольного революционного органа, который действительно был бы выразителем идей и стремлений революционной партии. Этим опытом в полной мере воспользовалась полгода спустя «Земля и воля».

Приложение

ИЗДАНИЯ ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ «НАЧАЛО» (1878 г.)

1. Начало. Орган русских социалистов. Шб 1—4, прибавление к № 4. [Спб. тип. газеты «Начало»], 1878, март—май. Тираж 500 экз.

№ 1. Март, [29—31]. 8 с.

№ 2. Апрель, [18—28]. 4 с.

№ 3. Апрель, [26—30]. 4 с.

№ 4. Май, [после 7]. 4 с.

— Прибавление к газете «Начало». (К № 4). Май, [7—14]. 1 с. 2 Михайловский Н. К Летучий листок. № 1. [Спб., тип. газеты «Начало»], 1878, апрель, [9—15]. 1 с. в 2 стб. 31X18,5 см. Авт. в листовке не указан.

3. 24 января 1878. (Посвящается Вере Ивановне Засулич). [Спб., тип. газеты «Начало», 1878, апрель, после 17]. 4 с. 14,5x9 см. (Из тюремных

стихотворений) Перепечатка из газеты «Начало» № 2.

4. Морозов Н. А. Тюремные видения. [Спб.], тип. газеты «Начало», [1878, апрель, вторая половина — май, первая половина]. 10 с. 13x8 см. (Из тюремных стихотворений). Авт. в брошюре не указан.

*С. С. ЛЕВИНА,
старший научный сотрудник,
кандидат педагогических наук*

ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ЧИТАТЕЛЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД «ХОЖДЕНИЯ В НАРОД» (1873-1876)

Агитационно-пропагандистская литература, изданная и распространенная революционерами в период «хождения в народ» — в 1873—1876 гг., стала предметом изучения многих исследователей. Тексты ряда агитационно-пропагандистских народнических произведений — прозаических и стихотворных перепечатаны в специальном сборнике¹; во вступительной статье к нему В. Г. Базанов осветил их значение в движении «хождения в народ», специально остановился на их связи с фольклором². В книге В. Ф. Захариной³ дан анализ содержания этих произведений, показано развитие их тематики, эволюция в решении ряда вопросов революционной теории и тактики. С литературоведческих позиций пропагандистские брошюры рассмотрены в диссертации Р. И. Яранцева-Бершадского⁴. Литературе, служившей средством народнической пропаганды, уделено известное внимание в исторических трудах, посвященных «хождению в народ»⁵. Однако во всех названных работах, а также в других, посвященных революционному народничеству, не освещен в целом вопрос о распространении этой литературы в народной среде и об отношении к ней читателей.

¹ Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970.

² Там же, с. 6—73.

³ Захарина В. Ф. Голос революционной России. М., 1971.

⁴ Яранцев-Бершадский Р. И. Пропагандистская литература революционного народничества. М., 1969.

⁵ Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1961
Филиппов Р. В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967

Между тем исследование взаимодействия книги и читателя — важнейшая проблема книговедения. Книга выполняет свою общественную функцию только тогда, когда она освоена читателем. Но и человек выступает

как читатель только при условии, если он обращается к печатным изданиям, выбирает, принимает, усваивает одни произведения, отвергает другие. Поэтому в истории книги оказывается очень плодотворно] органическая связь исследования книжного репертуара данного исторического периода с изучением читателя, к которому это репертуар обращен, т. е. социальных и психологических условий, определяющих отношение тех или иных категорий читателей к различным произведениям.

Для изучения истории нелегальной печати проблема взаимодействия книги и читателя имеет особо важное значение. Революционное слово, воздействуя на сознание читателя, претворяется в революционное дело. Уже на самых ранних стадиях своего развития нелегальная печать не только влияет на читателей, расширяя круг революционеров, но и способствует объединению и организационному сплочению.

В царской России само чтение и хранение революционной книги и особенно передача ее другому лицу, т. е. распространение литературы, считались государственным преступлением. Даже такие элементарные формы участия в функционировании нелегальной печати требовали идейной убежденности и самоотверженности. Поэтому для истории нелегальной печати не менее существенно выяснить ее воздействие на читателей, чем установить факт публикации произведений определенного содержания и литературной формы.

В то же время для характеристики читательского восприятия нелегальной литературы необходимо определить состав этой литературы в тот или иной исторический период, ее отличительные черты, условия ее издания. А для этого требуется репертуар нелегальной печати. Такой репертуар, состоящий из нескольких библиографических пособий⁶, сейчас создан крупнейшими библиотеками и архивами страны под руководством Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В вышедших из печати пособиях отражен обширный массив произведений нелегальной печати — более 2500 книг и брошюр, 110 периодических изданий, 2300 листовок.

⁶ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века Книги и периодические издания. Вып. 1-9. М., 1971. (Ниже-СК); Список обнаруженных русских нелегальных и запрещенных изданий XIX века, известных по печатным и архивным источникам, М., 1975. (Ниже — Список); Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века, листовки. М., 1977 (Ниже — СКЛ).

Анализ данных, представленных в этих пособиях, о нелегальных изданиях определенного исторического периода позволяет раскрыть характерные особенности данного этапа истории нелегальной печати⁷.

⁷ Далее библиографические описания произведений нелегальной печати заменяются ссылками на «Сводные каталоги...».

Важнейшая отличительная черта революционной печати периода 1873—1876 гг. — издание комплекса произведений, специально предназначенных для читателя из народа. В. И. Ленин писал: «Эпоха 60-х и 70-х годов знает целый ряд начавших идти в „массы“ бесцензурных произведениях печати боевого демократического и утопически-социалистического содержания»⁸.

⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 94.

Уже в период первой революционной ситуации был напечатан ряд воззваний и агитационных брошюр, обращенных к крестьянам и солдатам⁹. Однако в общем потоке революционной литературы, адресованной, по терминологии того времени, «к образованным классам», издания для народа занимали незначительное место. В период реакции 60-х гг. революционеры также пытались посредством литературы воздействовать на народное сознание. Эту цель преследовали изданные в Женеве книги для начинающих читателей¹⁰. Они не призывали к восстанию, как агитационные прокламации 1861—1863 гг., не пропагандировали идею социальной революции, как брошюры периода «хождения в народ», но они расширяли кругозор читателя, будили мысль, заставляя задуматься над важнейшими вопросами народной жизни. Недаром книга И. А. Худякова, впервые изданная легально под заглавием «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», была запрещена как направленная «к поколебанию в народе религиозных и политических убеждений»¹¹. Однако эмигрантские издания 60-х гг. не получили заметного распространения в России.

⁹ Напр.: Огарев Н. П. Что нужно народу? (СК 1187, 1188, СКЛ 14); «Долго давили вас, братцы...» (СКЛ 53); Солдатские песни (СК 1639).

¹⁰ [Худяков И. А.] Жизнь природы и человека (СК 2071); От нечего делать (СК 1210; Список, с. 98).

¹¹ СК 2073.

Иначе обстояло дело в период массового движения «хождения в народ». Само обращение к массам с революционными призывами потребовало создания агитационно-пропагандистской литературы, доступной читателю из народа. В движении революционных народников книга, обращенная непосредственно к трудящимся, играла настолько значительную роль, что современники говорили даже о периоде «книжной пропаганды и хождения в народ»¹².

¹² [Клеменц Д. А. Передовая статья].— «Община», 1878, № 1, с. 3.

Обратившись к печати, как к орудию революционной борьбы, народники-пропагандисты не полагали, что печать, книга сами по себе

способны произвести переворот в народном сознании. Они считали, что книга может воздействовать на читателя в той мере, в какой она соответствует его потребностям и интересам. Народники глубоко усвоили взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, которые еще в годы первой революционной ситуации поставили вопрос о роли печати в общественной жизни. В борьбе с либералами, прославлявшими литературу, печать как решающий фактор прогресса, как причину общественных движений, Н. Г. Чернышевский утверждал: «Если нет людям достаточных причин быть недовольными, то и не внушишь им недовольства никакими словами, изустными ли, письменными ли, печатными ли. Это делается не словами, а фактами жизни, — общественными отношениями и великими историческими случайностями вроде какого-нибудь неурожая или другого бедствия, которому ни содействовать, ни противодействовать типографский станок не может»¹³.

¹³ Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч., В 15-ти т. Т. 10, с. 138—139.

К этому вопросу Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов возвращались многократно, постоянно доказывая, что литература воздействует на "общественную жизнь постольку, поскольку она формулирует, выясняет, пропагандирует назревшие потребности и задачи"¹⁴.

¹⁴ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. Т. 4, с. 769, 853—856, 876—882; Т. 6, с. 141; Т. 7, с. 448, 740, 840, 952; Т. 8, с. 450—451; Т. 10, с. 455; Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 4, с. 55—57, 59, 78—80; 107—132; Т. 5, с. 249—250, 265-268; Т. 6, с. 83, 402-405; Т. 7, с. 274-275.

Эта мысль была близка революционерам-семидесятникам, В их автобиографических произведениях — мемуарах, следственных показаниях, заявлениях и т. п. — много говорится о влиянии книги на духовное и политическое развитие самих авторов. Нередко они называют определенные произведения, которые, оказали на них глубокое воздействие. Но при этом постоянно подчеркивается, что решающую роль в формировании революционных убеждений играла не книга, а жизнь. Так, в заявлении прокурору от 16 ноября 1876 г. И. Н. Мышкин писал: «...не книги, имеющие прелесть запретного плода, не влияние той или Другой отдельной личности заставило меня самого вступить на опасный путь и стараться обратить на этот путь других. Да и нелепо было бы думать, что книга, как бы она умно и увлекательно ни была написана, в состоянии преобразовать благополучного россиянина в отчаянного революционера; книга помогает только сделать окончательный вывод из заранее запасенных данных, а эти данные готовятся всею жизнью»¹⁵.

¹⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века в России. Т. 1. М., 1964, с. 181—182.

Это писал революционер, предпринявший серьезную попытку организации нелегального печатания. Полемическая заостренность его заявления, по-видимому, объясняется тем, что оно адресовано товарищу обер-прокурора Сената В. А. Желеховскому, который стремился доказать, что единственной причиной «хождения в народ» было влияние зарубежной нелегальной литературы на русскую молодежь.

И другие революционные деятели в заявлениях и следственных показаниях подчеркивали решающую роль жизненных фактов в формировании их мировоззрения. Н. Н. Колодкевич заявил: «Не нигилист-студент, не запрещенная брошюрка, напечатанная где-то за границей, не цензурная какая-либо книга, осторожной предусмотрительностью, в смысле уловления и пресечения, изъятая потом из употребления, натолкнула меня на эти вопросы, а жизнь, и только жизнь, с ее ужасами в борьбе за существование вечно голодного труженика..»¹⁶. Можно было бы привести и другие аналогичные высказывания, размышления, наблюдения. Обобщая опыт своих товарищей по революционной борьбе, О. В. Аптекман писал: «Это не было так просто, как другие себе представляют: прочла-де молодежь одну-другую полдюжины тенденциозных книжек, наслушалась призыва Бакунина и Лаврова и пошла в народ. Нет! То была подлинная драма растущей и выпрямляющейся души, то были муки рождения больших дум и тревожных запросов сердца»¹⁷.

¹⁶ Из народовольческих автобиографических документов. (Показания Н. Н. Колодкевича, Ю. Н. Богдановича, С. С. Златопольского). — «Красный архив», 1927, т. 1 (20), с. 209.

¹⁷ Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924, с. 91.

Но именно потому, что народники были убеждены в решающем влиянии условий жизни на сознание, они считали, что книга, которая, правдиво освещая невыносимо тяжкую жизнь трудового народа, объясняет причины бедственного положения, выражает уже существующее в народе недовольство, указывает выход, рисует идеал будущего справедливого социального строя,— идеал, близкий, как они полагали, понятиям крестьянина-общинника, может дойти до ума и сердца труженика.

Однако единого мнения о возможностях «книжной пропаганды» у народников не было. Задаваясь вопросом, может ли печать воздействовать на почти сплошь неграмотные, задавленные нищетой и непосильным трудом крестьянские, а также рабочие массы России, они его решали по-разному. Так, В. К. Дебогорий-Мокриевич в спорах с «чайковцем» М. В. Куприяновым доказывал, что бесполезно печатать книги для неграмотного народа¹⁸. А бакунист Н. К. Судзиловский утверждал, что литература для народа и самая грамота бесполезны и даже вредны: грамотный народ, читая газеты, заразится буржуазными предрассудками, «тлетворным влиянием старого мира»¹⁹.

¹⁸ См.: Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. Вып. 1. Париж, 1894, с. 25.

¹⁹ Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Т. 1. Берлин, 1923

Возможность влияния книги на народные массы отрицал бланкистский орган «Набат». В «Письме в редакцию», печатавшемся в двух номерах этого журнала (публикация не была завершена), неизвестный автор утверждал: «И уж пусть ясно видит тогда всякий, что книжки читать мужику некогда, что его задушили работой и ему не до книг, что всякий, кто истинно любит народ, должен стараться не о том, чтобы ему, работающему изо дня в день, измученному, скорей истерзанному, книжки давать, а о том, чтобы скинуть с него значительную часть несомых им трудов»²⁰.

²⁰ Шансы книжной пропаганды в России. (Письмо в редакцию).— «Набат», 1878, б.н., с. 23.

Но в предшествовавшем номере журнала тот же автор отметил различные возможности воздействия книги на разные слои населения: «...пропаганда книгами имеет большой смысл в городах, некоторый смысл в промышленных селах и на сельских фабриках и заводах и имеет весьма мало значения в среде крестьян, хотя некоторое, небольшое значение иметь может»²¹, Таким образом, здесь поставлен вопрос о дифференциации читателей по социальному признаку, и вместе с тем — о дифференциации самой «книжной пропаганды».

²¹ «Набат», 1877, № 3—6, с. 14—15.

П. Л. Лавров, много размышлявший о формах и методах пропаганды, писал: «Деятельность в народе имеет ту особенность, что при этом словесная пропаганда должна составлять главный элемент, печатная же, вследствие малого числа грамотных, может служить лишь подспорьем»²².

²² «Вперед!», 1876, № 39, 15 (3) авт., с. 495.

Действительно, в пропагандистской деятельности народников, как будет показано далее, распространение литературы постоянно сочеталось с беседами и пояснениями.

Каковы бы ни были теоретические разногласия о возможностях «книжной пропаганды», сама практика революционной борьбы потребовала создания литературы, обращенной к читателю из народа. Не случайно первыми начали ее издание революционные организации, которые первыми же приступили и к пропаганде среди крестьян и рабочих,— «долгушинцы» и «чайковцы».

«Долгушинцы» решили обратиться к пропаганде среди крестьян еще в

конце 1872 г.— примерно за полтора года до Массового «хождения в народ». Летом 1873 г. они организовали примитивную нелегальную типографию (сначала в деревне Сареево, Звенигородского уезда Московской губернии, а затем в Москве в квартире Л. А. Дмоховского), в которой напечатали две брошюры для народа²³ и листовку, обращенную к интеллигенции²⁴. Издательская деятельность «долгушинцев» была оборвана, не успев развернуться. Уже в августе 1873 г. были обнаружены прокламации и последовали аресты²⁵. Немногочисленный кружок, не выработавший системы конспирации, не мог длительное время заниматься тайным печатанием и распространением литературы.

²³ См.: [Долгушин А. В.] Русскому народу. (СК 509). (Берви-Флеровский В. В.]. Как должно жить по закону природы и правды. (СК 173, 174).

²⁴ См.: СКЛ 112.

²⁵ См. : Итенберг Б. С. Движение... с. 158—172; Кункль А. А. Долгушинцы. М., 1932, с. 87—156.

Однако издания «долгушинцев» не погибли вместе с кружком. Корреспондент «Вперед!» привел высказывание «одного очень солидного чина» по поводу их процесса: «...Всех свидетелей, представивших прокламации, набралось около 10 человек, а у каждого из распространителей было по 60 штук каждой. Где же остальные? — Ведь они где-то в народе несомненно?»²⁶ Со словами высокопоставленного чиновника перекликается свидетельство из революционного лагеря: «При всех многочисленных обысках захвачено всего 70 прокламаций „Русскому народу“, 64 — „Как должно жить“ и 20 — „К интеллигентным людям“. Остальные экземпляры, значит, гуляют по России. А что они действительно пришились по душе тем, для кого назначались, я имею факты. Вот выписка из письма одного корреспондента из деревни: „...я работаю здесь открыто и до сих пор имею счастливые успехи. Книжка „К русскому народу“ была читана в 8 деревнях и сильно трогает за мягкие струны сердец, особенно с объяснениями. За некоторые несправедливости у нас священника чуть не убили и с нетерпением ждут часа рокового“»²⁷.

²⁶ Процесс.— «Вперед!», 1874, т. 3, отд. 2, с. 240

²⁷ Из закулисной стороны долгушинского дела. — «Вперед!», 1875, № 13, 15 (3) июля, с. 402.

Гораздо больший размах и значение в истории революционного движения приобрела издательская деятельность кружка «чайковцев». Они начали свое «книжное дело» с распространения среди учащейся молодежи (а впоследствии также с издания) легальных книг для самообразования, главным образом по общественным наукам, способствовавших формированию революционного мировоззрения. «Книжное дело» не только

служило пропаганде, оно стимулировало организацию революционных кружков, установление взаимных связей между ними и тем самым "Стало средством организационного сплочения молодежи"²⁸.

²⁸ Революционное народничество... Т. 1, с. 213-216, 226-228; Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды. Саратов, 1963, с. 13, 53—54; Итенберг Б. С. Движение... с. 139—140.

По мере нарастания революционных настроений легальная литература перестала удовлетворять передовую молодежь: она требовала произведений, не только посвященных мировоззренческим проблемам, но и отвечающих на конкретный практический вопрос: что делать? Это побудило «чайковцев» перейти от распространения легальных книг к нелегальному издательству.

Весной 1871 г. кружок отправил за границу В. М. Александрова для закупки нелегальной литературы и организации ее издания. В Цюрихе — за пределами досягаемости русской полиции — была основана типография, которая опиралась на революционную организацию в России, имевшую опыт полулегального и нелегального распространения литературы. В 1872 г. типография из-за преследования цюрихских властей была переведена в Женеву²⁹. В 1871—1872 гг. в ней было напечатано пять книг для революционной интеллигентной молодежи, из которых наибольшее значение имела книга К. Маркса «Гражданская война во Франции»³⁰.

²⁹ См.: Троицкий Н. А. Указ, соч., с. 16.

³⁰ См.: СК 977.

В 1873—1874 гг. деятельность типографии значительно расширилась, а главное — изменилось ее направление. За два года было напечатано 15 книг и среди них — 10 агитационно-пропагандистских брошюр, обращенных к крестьянам и рабочим. Сама практика революционной борьбы потребовала такой перемены «читательского адреса». В 1872 г. «чайковцы» начали вести пропаганду среди петербургских рабочих, которая скоро стала важнейшим делом кружка. В 1873 г. Н. А. Чарушин объехал провинциальные кружки и убедился, что везде стремились перейти от пропаганды среди интеллигенции к революционной деятельности среди трудовых масс. В связи с этим возникла потребность в литературе, пригодной для читателя из народа³¹. «Чайковцы» приступили к изданию такой литературы. Напечатанные ими брошюры — «Сказка о четырех братьях»³², «История одного французского крестьянина»³³, «Сборник новых песен и стихов»³⁴, «Стенька Разин»³⁵, «Чтой-то, братцы...»³⁶ — составили основной литературный арсенал революционеров, обратившихся к народу в 1874—1875 гг.

³¹ См.: Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 125—129, 141—165; Итенберг Б. С. Движение... с. 186—189.

³² СК 1764.

³³ Переработка романа Э. Эркмана и А. Шатриана «История крестьянина 1789 г.» СК 631. Анализ этого издания см.: Захарина В. Ф. Роман Эркмана и Шатриана «История крестьянина» и его переделка в революционной народнической пропаганде. — «Рус. литература», 1964, № 2, с. 117—125.

³⁴ СК 1576.

³⁵ СК 1607а.

³⁶ СК 2187.

Осенью 1874 г. «чайковцы» решили на базе своей женеvской типографии основать популярную газету «Работник»³⁷. Конечно, это не была рабочая газета: под работниками народники подразумевали трудящихся вообще. Издание было предпринято в тяжелое для кружка время: многие его члены были арестованы, московское, киевское, одесское отделения фактически перестали существовать³⁸. Но «чайковцы» не сложили оружия и, более того, решили путем выпуска газеты придать своей издательской деятельности большую систематичность и широкий размах. Осуществить выпуск газеты только своими собственными силами они не могли и прибегли к сотрудничеству эмигрантов-бакунистов: З. К. Ралли-Арборе, В. А. Гольштейна, А. Л. Эльсница и Н. И. Жуковского, которые составили костяк редакции. Для участия в ней «чайковцы» отправили из России в Швейцарию Н. А. Морозова, но он участвовал в редактировании только первых двух номеров, весной 1875 г. вернулся в Россию³⁹. После разгрома «чайковцев» (конец 1874 г.) газету поддерживала «Всероссийская социально-революционная организация», сложившаяся в конце 1874 г.⁴⁰ Однако направление газеты определяла зарубежная редакция. Связи с Россией были слабыми. Корреспонденции почти не поступало: их писали в Женеве по рассказам приезжавших из России или скупым сообщениям в письмах⁴¹.

³⁷ СК 2331 «Работнику» посвящено специальное исследование: Панухина Н. Б. Газета «Работник» — первое русское революционное издание для трудящихся. — «Труды Гос. ист. музея». Вып. 45. М., 1974, с. 64—84. См. также: Захарина В. Ф. Голос революционной России, с. 127—133.

³⁸ См.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1928, с. 268—272.

³⁹ См.: Морозов Н. А. Указ. соч. Т. 2 М. 1928 с 46—56.

⁴⁰ См.: Панухина Н. Б. Указ. соч., с. 67; «Вперед!», 1873—1877. Т. 2, Дортрехт, 1870, с. 279.

⁴¹ См.: Вереvкин Б. П. Русская нелегальная революционная печать 70—80-х годов XIX века. М., 1960, с. 51—53.

В 1875—1876 гг. редакция «Работника», кроме 15 номеров газеты, выпустила девять книг, в том числе — пять брошюр для народа.

Издание «Работника» прекратилось в марте 1876 г., вскоре после разгрома «Всероссийской социально-революционной организации». Таким образом, деятельность зарубежного издательского кружка приобрела

сравнительно широкий размах и известную устойчивость благодаря связям с российским революционным подпольем. А когда российские организации были разгромлены, замерла и деятельность эмигрантов.

В изданиях «чайковцев», вышедших до основания «Работника», название типографии не указывалось. Но в газете типография была уже названа, в первых номерах она именуется «Славянской», а с № 4 появляется марка: «Типография „Работника"». По свидетельству Н. А. Морозова⁴², которое подтверждается анализом, шрифтов, произведенным при составлении «Сводного каталога»⁴³, это была все та же типография «чайковцев».

⁴² Морозов Н. А. Указ. соч. Т. 2. М., 1928. с. 15, 21—22.

⁴³ Шрифтологический анализ произведен Л.Н. Петровой.

В 1874 г. литературу для народного читателя стала выпускать группа эмигрантов во главе с П. Л. Лавровым. Свою издательскую деятельность она начала в 1873 г. выпуском журнала «Вперед!»⁴⁴. Это издание, обращенное к революционной интеллигенции, приобрело большое влияние. Группа «Вперед!» весной 1873 г. основала в Цюрихе типографию, а в феврале—марте 1874 г. перенесла свою деятельность в Лондон⁴⁵. Летом 1874 г., когда «хождение в народ» достигло высшей точки, она напечатала написанную в России популярную брошюру В. Е. Варвара «Хитрая механика», которая в течение двух с половиной лет выдержала восемь изданий под разными заглавиями, например «Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки», «Рассказы бывалого человека» и др.⁴⁶ Ее переиздавала не только группа «Вперед!», но и редакция газеты «Работник», что говорит о большом успехе брошюры. Вслед за «Хитрой механикой» были напечатаны еще четыре произведения, из которых «Сказка о Мудрице Наумовне» С. М. Степняка-Кравчинского издавалась под разными заглавиями⁴⁷.

⁴⁴ См.: СК 2271, 2272.

⁴⁵ См.: «Вперед!» 1873—1877. Т. 1. Дордрехт, 1970, с. 108; Т. 2. Дордрехт, 1970, с. 38—39, 41, 61, 83, 87, 100—103, 269, 275, 302—304; П. Л. Лавров — годы эмиграции. Т. 1. Дордрехт, 1974, с. 57, 80.

⁴⁶ См.: СК 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 257, 266.

⁴⁷ См.: СК 1669, 1699, 1701.

По мере развертывания массовой пропаганды в народе литература, изданная за рубежом, не могла уже обеспечить потребности нараставшего революционного движения. «Чайковцы», не удовлетворяясь зарубежными изданиями, напечатали литографским способом брошюру «Слова верующего к народу» (произведение французского христианского социалиста Ф. Р. Ламенне, переработанное С. М. Степняком-Кравчинским)⁴⁸.

⁴⁸ См. СК 879. Историю издания см.: Таратута Е. А. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973, с. 45—53.

В 1874 г. видный деятель «хождения в народ» И. Н. Мышкин организовал нелегальное печатание революционной литературы в принадлежавшей ему легальной типографии в Москве. Продукцию его типографии составляли перепечатки произведений, которые уже ранее публиковались и обращались в революционной среде. Из популярных брошюр он переиздал «Историю одного крестьянина» (под заглавием «История одного из многострадальных») и «Чтой-то, братцы...» Большинство изданий И. Н. Мышкина попало в руки полиции и не получило распространения⁴⁹.

⁴⁹ См.: Антонов В. С. Революционная типография И. Н. Мышкина в Москве. — «Вопр. истории», 1974, № 12, с. 200—204.

Главное содержание пропагандистских брошюр составляли картины социально-экономического положения народа, призывы к борьбе за его улучшение, за создание справедливого, социалистического строя. Чтобы обосновать правомерность и необходимость народного восстания, авторы брошюр обращались и к современной действительности, и к революционным событиям прошлого — к восстаниям Разина и Пугачева, к Великой французской революции.

Авторы агитационно-пропагандистских произведений, сами участвовавшие в пропагандистской деятельности, упорно и настойчиво искали форму изложения, соответствовавшую уровню развития читателей, к которым они обращались. Они излагали свои идеи в бытовых зарисовках, очерках, диалогах и в форме народной сказки. Стремясь к максимальной доходчивости изложения, они писали народным языком, широко применяли фольклорные формы.

Обращаясь к труженикам, воспитанным в духе покорности повиновения властям, народники стремились замаскировать «крамольный» характер распространяемой ими литературы, что бы она, по крайней мере своим внешним видом, не отпугивала читателя. В заглавиях брошюр, изданных для народа, нет слова «революция», которое часто встречалось в книгах для интеллигенции. Ни в одной популярной брошюре не указана революционная издательская организация или зарубежная типография⁵⁰.

⁵⁰ Только в газете «Работник» обозначено место издания — Женева, но газета по самому своему характеру обращена к читателям, уже приобщившимся к революционному движению.

Большинство брошюр, изданных «чайковцами» в 1873 г., не имеет выходных данных. Так как законы о печати требовала указания сведений о происхождении книги, то само отсутствие этих сведений, а вместе с ними и

цензурного разрешения был серьезным нарушением закона и свидетельствовало о революционном характере книги. В дальнейшем «чайковцы» и другие народнические издательские организации стали печатать так называемые замаскированные издания, которым придавался облик легальных книг. Революционные произведения печатали в виде лубочных брошюр (например, разные издания «Сказки о Мудрице Наумовне» С. М. Степняка-Кравчинского), церковных поучений (его же брошюра «О правде и кривде», изданная под заглавием «Слово на великий пяток», под именем епископа Тихона Задонского, канонизированного православной церковью)⁵¹; иногда для маскировки использовались обложки распространенной в то время серии «Народные чтения в Соляном городке», причем псевдонимами служили имена благонамеренных авторов, участвовавших в этой серии. На титульных листах и обложках замаскированных изданий печатались вымышленные названия и адреса типографий, цензурные разрешения, заглавия, ничего общего не имевшие с содержанием книги, но придававшие ей благонамеренный облик.

⁵¹ См.: СК, 1682.

Всего за четыре года — 1873—1876 — было напечатано 22 произведения, обращенных к народу (в том числе — два сборника песен)⁵². Из них шесть выдержали по два-три издания, а «Хитрая механика» — даже восемь. Необходимость создания комплекса популярной агитационно-пропагандистской литературы, как уже было сказано, обусловлена самим «хождением в народ». Недаром брошюры для народа печатали почти все издательские группы народников — «долгушинцы», «чайковцы», редакция газеты «Работник», группа «Вперед!». Подводя итоги «хождения в народ», Д. А. Клеменц и А. Д. Михайлов отметили тысячи и десятки тысяч изданных и распространенных книг⁵³. По далеко не полным данным Л. Б. Гольденберга, заведывавшего в 1873—1876 гг. типографией «чайковцев» и «Работника», общий тираж популярной литературы, вышедшей из этой типографии, составил 79 тыс. экз.⁵⁴

⁵² В сборник «Агитационная литература русских революционных народников» включены, кроме опубликованных, также некоторые произведения, оставшиеся в рукописях. Привлекает такие произведения в своем исследовании и В. Ф. Захарина (Голос...). Для изучения идеологии народничества это необходимо. Но поскольку целью данной статьи является исследование взаимодействия определенного книжного репертуара и читателей, для которых он предназначался, рукописные произведения нами не рассматриваются.

⁵³ См.: [Клеменц Д. А. Передовая статья]. — «Община», 1878, № 1, с. 4; Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Пг.—М., 1925, с. 101.

⁵⁴ См.: Лавров — годы эмиграции. Т. 2. Дордрехт, 1974, с. 253.

Впервые в истории освободительного движения революционные брошюры получили распространение в народной среде — в деревнях, фабричных поселках, на рабочих окраинах городов. Газета «Вперед!» писала о широком обращении «вредных книг»: «Они есть во всех губернских городах. Их можно встретить в центральных губерниях даже между сельскими учителями. В Военный суд в Петербурге представлено дело из Сибири по поводу того, что между тамошними солдатами нашли „Историю французского крестьянина"»⁵⁵.

⁵⁵ «Вперед!», 1875, № 9, 15 (3) мая, с. 263.

Несмотря на широкий размах нелегального издательства, литературы постоянно не хватало. Один из корреспондентов газеты «Вперед!» сообщал из Южной России: «Везде я слышал жалобы на невозможность достать книги, на незнание, куда обратиться, где купить. Потребность в них сильная и несомненная, а взять негде, до того негде, что в ** некоторые статьи перепечатывали по доморощенному способу»⁵⁶.

В апреле—мае 1875 г. в редакцию «Вперед!» поступили письма с просьбой напечатать 10 тыс. экз. «Хитрой механики». В тот момент редакция еще имела 1 тыс. экз., напечатанных ранее а 2 тыс находились в Кенигсберге, в ожидании контрабандной доставки в Россию⁵⁷. Тем не менее требование российских подпольщиков, как и корреспонденция из Южной России свидетельствуют не только об огромных трудностях распространения нелегальной литературы, но и о большой нужде в ней.

⁵⁷ См.: «Вперед!», 1873—1877. Т. 2. Дордрехт, 1970, с. 281, 284

Масштабы распространения революционной литературы в народе испугали царизм. Иронические заглавия статей «Государство в опасности!», «Документы правительственной паники»⁵⁸ очень выразительно характеризуют реакцию властей на народническую пропаганду. В крупнейших политических процессах народников-пропагандистов — «процессе 50-ти» и «процессе 193-х» — основным «составом преступления» было признано распространение революционной литературы⁵⁹. Корреспондент «Times», присутствовавший на «процессе 193-х», заявил защитникам: «Я присутствую здесь вот уже два дня и слышу пока только, что один прочел Лассаля, другой вез с собой в вагоне „Капитал" Маркса, третий просто передал какую-то книгу своему товарищу. Что же во всем этом политического, угрожающего государственной безопасности?»⁶⁰.

⁵⁸ «Вперед!», т. 3, 1874, отд. 2, с. 240; «Вперед!», 1875, № 8, 1 мая (19 апр.), с. 234.

⁵⁹ См.: Процесс пятидесяти, сужденных за социально-революционную пропаганду в Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве и Москве. Вып. 1. Лондон, 1877; Процесс 193-х. С предисл. В. Каллаша. М., 1906.

⁶⁰ Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933, с. 308.

Угрозу самодержавному строю царские власти увидели в распространении среди народных масс идеи социальной революции, которую пропагандировали народнические брошюры.

Как же влияла народническая литература на трудящиеся массы, для которых она предназначалась? Были ли прочитаны и восприняты эти книги, за распространение которых пропагандисты поплатились многими годами тюрьмы, каторги, ссылки? Ведь рассказал же Н. А. Морозов о том, как неграмотный крестьянин попросил у него «Сказку о четырех братьях» и тут же изорвал ее на сигарки⁶¹.

⁶¹ См.: Морозов Н. А. Указ. соч. Т. 1. М., 1928, с. 156—157.

Проблема восприятия книги читателем наиболее сложна даже для современных исследований, основанных на строго научной методике, в которых статистический анализ обширных репрезентативных данных сочетается с непосредственными наблюдениями, беседами, психологическими экспериментами. Тем сложнее решать ее ретроспективно.

В начале 70-х гг. XIX в. изучение народного читателя в России делало лишь первые шаги. Просветители-культурники, которые играли основную роль в этом деле, не ставили, да и не могли поставить вопрос о чтении нелегальной революционной литературы⁶².

⁶² См.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1989, с. 62—66, 70—84, 172—174.

Лучше всего могли судить о восприятии этой литературы народом революционеры-пропагандисты. Они непосредственно соприкасались с народной аудиторией, беседовали с читателями и слушателями, которых было гораздо больше, чем читателей, наблюдали их реакцию. Но наблюдения и впечатления пропагандистов дошли до нас не в записях, сделанных в ходе беседы или непосредственно после нее, а в мемуарных произведениях разных жанров. Многие участники «хождения в народ» были разочарованы результатами своей деятельности⁶³, и это разочарование отразилось в мемуарах, написанных через много лет.

⁶³ См.: Филиппов Р. В. Из истории народнического движения... с. 289-294.

За проникновением революционной печати в народную среду пристально следили полицейские органы самодержавия. Материалы сотен дознаний по поводу распространения литературы обобщены в обвинительных актах процессов 193-х и 50-ти. В неопубликованной ведомости, составленной в III отделении, анализируются 2564 дела о революционной пропаганде с 1873 по 1879 г., в основном заведенные на лиц, участвовавших в «хождении в народ» и в пропаганде среди рабочих⁶⁴. В жандармских документах имеются многочисленные свидетельства распространения книг — кто, когда, кому передал то или иное произведение. Но на самый важный вопрос — были ли книги прочитаны и как они были восприняты, эти документ» не отвечают. Е. А. Таратута стремилась выяснить, как вели пропаганду среди крестьян С. М. Кравчинский и Д. М. Рогачев, когда они зимой 1873 г., еще до массового «хождения в народ», отправились в качестве пильщиков в Тверскую губернию. Исследовательница интересовалась содержанием бесед пропагандистов с крестьянами и отношением крестьян к беседам. Она изучила десятки «дел», заведенных жандармами на пионеров «хождения в народ». Из них удалось узнать многое, даже темы пропагандистских бесед. Но об их содержании исследовательница пишет: «К сожалению, перепуганные неграмотные крестьяне не могли, конечно, толком рассказать об этих беседах, а полуграмотные жандармы не могли толком записать их рассказы»⁶⁵.

⁶⁴ Итенберг Б. С. Движение... с. 374; см. также: Кармалина В. П., Лященко К. Г. Обзор документальных материалов ЦГАОР СССР по истории Революционного народничества первой половины 70-х гг. XIX в.—В кн.. революционное народничество... Т. 1, с. 433—480.

⁶⁵ Таратута Е. А. Указ, соч., с. 62.

Исследование Е. А. Таратуты позволяет судить об общем характере материалов жандармских дознаний. К ее выводу можно добавить, что дело не в одном лишь недостатке грамотности, в неумении рассказать и записать содержание бесед (и — добавим — литературы). Как показывают приведенные далее факты, главное, что снижает ценность этих документов, заключается в том, что люди, привлеченные к дознаниям, не раскрывали перед властью имущими свой внутренний мир, стремились утаить свои подлинные мысли, переживания. Таким образом, ни воспоминания революционеров, ни жандармские документы не могут дать целостного и истинного представления о восприятии революционных произведений рабочими и крестьянами. Но можно привести факты, которые свидетельствуют о том, что пропагандистская литература оставила след в народе, содействовала формированию революционного сознания.

Народники в своей пропагандистской литературе обращались к «работающему люду», объединяя этим понятием к рабочих, и крестьян. Но в практике пропаганды они убедились, что революционное слово встречало

различное отношение в разной социальной среде.

В неграмотной крестьянской массе авторитет книги, печатного слова был чрезвычайно высоким. Е. К. Брешко-Брешковская рассказала в своих воспоминаниях, написанных под свежим впечатлением, опубликованных в 1878 г., что, когда летом 1874 г. на Украине она в беседах с крестьянами подтверждала свои доводы печатным словом, ее слушатели «окончательно складывали оружие». Слух об имеющихся у нее «грамотах» распространился и возбудил интерес у крестьян. При ее аресте (24 сентября 1874 г.) становой в присутствии крестьян-понятых читал найденные у нее рукописные прокламация. Впоследствии в тюрьме, встречаясь с арестованными жителями окрестных сел, Брешко-Брешковская убедилась, что они знали об ее аресте и чуть ли не дословно пересказывали содержание прокламаций⁶⁶.

⁶⁶ См.: [Брешко-Брешковская Е. К.] Воспоминания пропагандистки. (Одной из осужденных в каторгу).— «Община», 1878, № 6—7, с. 25, 28, 29, № 8—9, с. 13—14. Характерно, что на допросах крестьяне отрицали знакомство с противоправительственной литературой.

По воспоминаниям другой пропагандистки — А. В. Якимовой, которая в 1873 г. работала учительницей в с. Камешница Орловского уезда Вятской губернии, крестьянская молодежь охотно читала нелегальную литературу⁶⁷.

⁶⁷ См.: Якимова А. В. Большой процесс 193-х — «Каторга и ссылка», 1927, № 8 (37), с. 21.

По свидетельству А. И. Иванчина-Писарева, в тех случаях когда пропагандисты длительное время действовали в одной местности, среди грамотных крестьян вырабатывались сознательные пропагандисты, или, как их называли, «внушители»⁶⁸. Н. А. Морозов, который сам занимался пропагандой в имении А. И. Иванчина-Писарева, конкретизирует его рассказ. В этом имении десятков молодых парней, работавших в столярной мастерской, перечитали все нелегальные пропагандистские брошюры и выражали полное сочувствие революционерам. Для одного крестьянина А., И. Иванчин-Писарев выхлопотал разрешение на торговлю книгами, и тот в своем коробе под «божественными» книжками прятал зарубежные революционные издания и распространял их среди народа⁶⁹.

⁶⁸ См.: Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.—Л., 1929, с. 12—13, 19.

⁶⁹ См.: Морозов Н. А. Указ. соч. Т. I. М., 1928, с. 63—64, 66—67.

В отдельных случаях интерес к правдивому революционному слову был настолько острым, что и неграмотные знакомились с нелегальной книгой. Встречались даже неграмотные пропагандисты. Один из корреспондентов «Вперед!» писал: «Столкнулись мы с одним небогатым

крестьянином, чрезвычайно умным парнем. Несмотря на свою неграмотность, он знает наизусть почти все книжки вроде „Хитрой механики" или «Четырех братьев" и чрезвычайно деятельно ведет пропаганду»⁷⁰.

⁷⁰ «Вперед!», 1876, № 33, 15 (3) мая, с. 293

Однако в целом низкий уровень грамотности ослаблял влияние печатной пропаганды. Бывало, что среди косного, поголовно неграмотного населения вообще невозможно было распространять литературу⁷¹.

⁷¹ См.: Морозов Н. А. Указ. соч. Т. 1. М., 1928. с. 74.

А. И. Иванчин-Писарев отметил: то, что воспринималось при громком чтении с пояснениями пропагандистов, оказывалось непонятным, когда крестьянин, даже грамотный, оставался наедине с книгой⁷².

⁷² Иванчин-Писарев А. И. Указ, соч., с. 273—274.

О. В. Аптекман рассказал, что, читая крестьянам нелегальную литературу, он предварительно сам ее внимательно перечитывал, переделывал отдельные места, исключал то, что могло покоробить слушателей, а чтение сопровождал обширными пояснениями⁷³. Устное слово пропагандиста как бы прокладывало мост от книги к сознанию неграмотного и малограмотного читателя.

⁷³ Аптекман О. В. Общество «Земля и воля»... с.170—171.

Для оценки восприятия литературы особенно важны сведения о реакции на отдельные произведения в различных аудиториях. В корреспонденции из Киева газета «Вперед!» сообщила: «Кстати, относительно книжечек. „Хитрая механика и „Сказка о четырех братьях" идут хорошо; „Емельян Пугачев" ⁷⁴ тоже нравится. „Самарский голод" ⁷⁵ идет между более грамотным людом»⁷⁶.

⁷⁴ СК 1771.

⁷⁵ СК 858.

⁷⁶ «Вперед!», 1875, № 14, 1 авг. (20 июля), с. 436.

Народная аудитория отнюдь не была единодушной в своих оценках. Брошюру «Емельян Пугачев», пользовавшуюся успехом в Киеве, О. В. Аптекман читал крестьянам Пензенской губернии. Он предполагал, что брошюра произведет сильное впечатление на крестьян, среди которых еще живы были воспоминания о «Пугаче», но ошибся. Его слушатели поняли смысл и значение пугачевского восстания только тогда, когда пропагандист

обрисовал картину крестьянской жизни при Екатерине II; особенно глубоко поразили их факты раздаривания земли «господам». (Напомним, что вместе с землей помещики получали во владение ранее свободных крестьян.) Аптекман, как и Брешко-Брешковская, подтвердил свой рассказ ссылкой на печатное слово но он обратился не к тоненькой брошюрке, а прочитал своим слушателям выдержки из солидного труда А. В. Романовича-Славатинского «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» (Спб., 1870) ⁷⁷

⁷⁷ См.: Аптекман О. В. Указ, соч., с. 171.

«Сказку о четырех братьях» в чтении Аптекмана слушали охотно, но воспринимали именно как сказку, не имеющую отношения к реальной жизни ⁷⁸. Свидетельство Аптекмана подтверждает Н. К. Бух, который читал ее в крестьянской семье. Слушатели отозвались: «Сказка, как сказка»; другие поняли, что это нечто вроде притчи, но в целом впечатление было слабым ⁷⁹. Н. А. Морозов рассказывает, что грамотный крестьянин, сочувственно отнесшийся к революционной пропаганде, вообще отказался читать сказку: его оттолкнула сама форма, пригодная, по его понятиям, только для детей ⁸⁰.

⁷⁸ См.: Там же.

⁷⁹ Бух Н. К. Воспоминания. М., 1928, с. 91, 159—160.

⁸⁰ Морозов Н. А. Указ. соч. Т. 1. М., 1928, с. 162

Между тем сказка получила очень широкое распространение. Ее читали крестьянам не одни только пропагандисты-интеллигенты. Так, в селе Мураевне Данковского уезда Рязанской губернии молодые крестьяне М. И. Маркин и Р. Ф. Травин, получив ее от студента С. И. Сергеева, читали ее вслух своим односельчанам, а кое-кому давали читать ⁸¹.

⁸¹ См.: Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 2. Штутгарт, 1904, с. 428—429.

Большой популярностью у различных читателей и слушателей пользовалась агитационная брошюра Л. Э. Шишко «Чтой-то, братцы...» Ее, в частности, охотно прочитал и похвалил тот самый крестьянин, который отверг «Сказку о четырех братьях» ⁸². По свидетельству С. С. Синегуба и Н. А. Чарушина, она пользовалась большим успехом также в рабочих кругах ⁸³. И рабочие, и крестьяне высоко оценили «Хитрую механику».

⁸² См.: Морозов Н. А. Указ. соч. Т.1. И., 1928, с. 162.

⁸³ См.: Синегуб С. С. Записки чайковца. М.—Л. 1929, с. 272.; Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1973, с. 166.

М. Р. Попов рассказал: «В первый раз в деревне Соляное Озеро (вблизи Астрахани.— С. Л.) я читал в крестьянской избе „Хитрую механику“. Злобой дня в деревне в это время был недавно введенный налог на соль, чем деревня была возмущена, ибо добыча соли была воспрещена, почему нас и слушали с напряженным вниманием, понимали без всяких разъяснений и вполне соглашались с автором, что правительство действительно подвело хитрую механику»⁸⁴. В этом эпизоде особенно отчетливо сказалось влияние жизненных условий на восприятие литературы. Корреспондент газеты «Вперед!» сообщил, что «Хитрая механика» читается «нарасхват», особенно рабочими. В той же корреспонденции приведен отзыв извозчика: «Вот она, голубушка наша просветительница; прочитавши ее, видишь как божий день, как объегоривает нашего брата всякий, кому под руку подвернешься»⁸⁵. Другой корреспондент подслушал слова рабочего, который в вагоне разговаривал об этой книге с попутчиками: «Он здесь всю правду, как на ладони выложил. Просто золото, а не книга»⁸⁶.

⁸⁴ Попов М. Р. Указ. соч., с. 77.

⁸⁵ «Вперед!», 1875, № 9 15 (3) мая, с. 269.

⁸⁶ «Вперед!», 1876, № 36 1 июля 19 июня, с. 404.

Сама разноречивость и даже противоречивость оценок литературы говорит о самостоятельности суждений, основанных на жизненном опыте, об усиленной работе пробужденной мысли. Меры, принятые правительством против распространения революционной литературы, подчас усиливали ее влияние. Преследования одних запугивали, но у других вызывали обостренный интерес и заставляли задумываться о причинах гонений. Характерный разговор привел М. Р. Попов. Деревенская старуха, узнав об аресте пропагандистов, обращается к знакомому: «За что же то их, барин, арестовали?...— А за то... что они читали книжку, где про вас, крестьян, написано.—Отто ж! Чи вжеж, барин, про нас и в книжках писать нельзя?...— Выходит, значит, бабушка, что нельзя»⁸⁷.

⁸⁷ Попов М. Р. Указ, соч., с. 70—71.

Становые и исправники требовали, чтобы крестьяне при появлении «вредных книг» немедленно доносили об этом и отдавали их властям. Но крестьяне делали вывод: «...Не из добра ищут: коли эти *ироды* так схватились, *значит для нас* что-либо хорошее». В результате у крестьян возникало желание получить те книжки, которые «по народу пущены и для нашей пользы написаны, а их отбирать велено»⁸⁸.

⁸⁸ «Вперед!», 1875, № 24, 31 (19) дек., с. 757.

Революционные народники сосредоточили свои главные усилия на пропаганде среди крестьян. К рабочим они обращались, чтобы выработать в

них качества пропагандистов, способных поднять на борьбу крестьянство. Но именно в рабочей среде народники добились наибольших успехов, хотя их пропаганда охватила узкий круг рабочих. В. И. Ленин писал: «Семидесятые годы затронули совсем ничтожные верхушки рабочего класса. Его передовики уже тогда показали себя, как великие деятели рабочей демократии, но масса еще спала»⁸⁹.

⁸⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 72.

Среди рабочих, особенно фабричных, как и среди крестьян, преобладали неграмотные. Однако сами условия рабочего быта — скопление народа в казармах, в фабричных поселках — способствовали тому, что литература доходила даже до неграмотных рабочих.

Освещая влияние революционной литературы на «рабочий народ» (под которым он, наряду с фабричными рабочими, подразумевает также ремесленников) Западной Белоруссии, корреспондент «Вперед!» А. Либерман отметил, что нелегальные Книжки читаются с увлечением. «...Кто сам неграмотен,—тот просит других прочитать ему. В одном месте книжки стали настолько *необходимостью*, что с презрением смотрят на того, кто не знаком с содержанием наиболее ходких из них»⁹⁰.

⁹⁰ «Вперед!», 1876, № 27, 15(3) февраля, с. 82

О том, как неграмотные рабочие приобщались к революционной книге, дает наглядное представление жандармское следствие, предпринятое в феврале 1876 г. на фабрике Н. Коншина в Серпухове. В ходе следствия жандармы установили, что по просьбе неграмотного рабочего А. Е. Брагина ученик фабричной школы Репин читал в рабочей казарме «Хитрую механику». Взрослые, присутствовавшие при чтении, утверждали, что они ничего не поняли и все позабыли. Но тринадцатилетний чтец чистосердечно признался, что Брагин позвал его читать книжку «очень интересную»; читал он дважды; мальчик толково изложил основные идеи брошюры и отметил, что слушателям она понравилась, вызывала смех, одобрительные реплики⁹¹.

⁹¹ ЦГАОР СССР, ф 112, оп. 1, 1876 г., д. 182, л. 4-10.

Стремясь воспитать рабочих сознательными революционерами-пропагандистами, народники начинали с элементарного обучения грамоте. Они: учили чтению, письму, арифметике, истории, географии, а вместе с тем знакомили своих учеников с историей европейских революций и народных движений в России, с европейским рабочим движением, особенно с деятельностью Международного товарищества рабочих⁹². Читались пропагандистские брошюры, причем были разработаны вопросники, подводившие слушателей к революционным выводам. В кружках, основанных «чайковцами», читались рукописи еще неопубликованных

брошюр. Этим достигалась двойная цель: слушатели усваивали пропагандистские произведения до их публикации и нелегального распространения, а авторы имели возможность проверить реакцию аудитории⁹³.

⁹² См.: История рабочего класса России. М., 1972, с. 87, 102; Троицкий Н. А. Народническая организация так называемых «чайковцев» и революционная пропаганда среди рабочих России в начале 1870-х годов — «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Т. 187. М. 1962 с. 105-144.

⁹³ Корнилова-Мороз А. И. Софья Перовская и кружок «чайковцев». М., 1929, с. 47—53.

Рабочая масса не была однородной, и народническая пропаганда встречала различное отношение. Так, Л. Г. Дейч рассказал о неудачной попытке вести занятия с рабочими экипажной мастерской в Киеве осенью 1874 г. Лишь немногие рабочие согласились заниматься. Дейч читал им книгу Н. И. Наумова «Сила соломѹ ломит»⁹⁴, но после нескольких занятий остался всего один слушатель⁹⁵. А по воспоминаниям другого пропагандиста — Н. Левенталья, в том же Киеве рабочие, по-видимому, более активные и развитые, чем ученики Дейча, охотно учились грамоте и даже предлагали вознаграждение учителям. Левенталь назвал ряд запрещенных книг, которые пользовались популярностью у киевских рабочих⁹⁶.

⁹⁵ Дейч Л. Г. За полвека. Т. 1. Берлин, 1923, с. 71—73.

⁹⁶ Левенталь Н. Накануне хождения в народ. М., 1927, с. 7—9.

Рабочие, усвоившие революционные идеи, стремились их пропагандировать. Об этом рассказал, один из таких, рабочих — В. Г. Герасимов. Условия жизни убедили его в несправедливости самодержавно-капиталистического строя. Он искал знакомства с революционерами, в 1873 г. пытался связаться с «чайковцами», но этому помешал арест С. С. Синегуба. А в 1874 г. Герасимов встретился с революционером-пропагандистом В. М. Дьяковым. «Я быстро усвоил идеи социалистов и горячо отдался их делу», — писал он⁹⁷. Вместе со своим другом Д. А. Александровым он стал читать и раздавать рабочим фабрики Чешера и солдатам Московского лейб-гвардейского полка нелегальные брошюры — «Чтой-то, братцы...», «Сказку о четырех братьях», «Хитрую механику» и др.⁹⁸ Спустя полвека Д. А. Александров вспоминал, что брошюры производили глубокое впечатление на солдат⁹⁹. За свою пропагандистскую деятельность В. Г. Герасимов и Д. А. Александров заплатились многолетней каторгой.

⁹⁷ Герасимов В. Г. Жизнь русского рабочего. М., 1959, с. 47.

⁹⁸ См.: Государственные преступления в России. Т. 1, с. 579—626.

⁹⁹ См.: Воспоминания Д. А. Александрова.— «Каторга и ссылка», 1926, № 4 (25), с. 129—131.

Рабочий Г. Ф. Крылов отправился по деревням в качестве офени с коробом, наполненным нелегальными брошюрами. Арестованный в 1874 г., он умер в тюремной больнице в 1876 г. ¹⁰⁰ Неграмотный московский рабочий Н. Васильев, вовлеченный в революционное движение П. А. Алексеевым, стал умелым пропагандистом нелегальной литературы. Он хорошо знал ее содержание, а главное — психологию рабочих. Благодаря этому он подбирал для каждой артели наиболее подходящие брошюры, различая их по внешнему облику¹⁰¹.

¹⁰⁰ См.: Чарушин Н. А. Указ, соч., с. 132.

¹⁰¹ См.: Лукашевич А. О. «В народ!» (Из воспоминаний семидесятника).— «Былое», 1907, № 3, с. 9, 29.

«Великие деятели рабочей демократии»¹⁰² были в то же время выдающимися читателями. Отличительная особенность их чтения — связь книги с жизнью. Замечательным читателем, для которого книга стала необходимым орудием революционной борьбы, был С. Н. Халтурин. Г. В. Плеханов, хорошо знавший его, писал: «Читал Степан так, как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал, зачем именно раскрывал такую-то книгу... Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождающегося русского рабочего движения. О чем бы ни читал он, — об английских ли рабочих союзах, о великой ли революции, или о современном социалистическом движении, — эти нужды и задачи никогда не уходили из его поля зрения»¹⁰³.

¹⁰² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 72

¹⁰³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. М., 1924, с. 197.

О начитанности П. А. Алексеева, об умении связать жизненные факты со знаниями, почерпнутыми из литературы, свидетельствует его знаменитая речь на суде¹⁰⁴. Она основана на личных переживаниях, но когда Алексеев говорил о своем знакомстве «с рабочим вопросом наших братьев-западников», о «так называемой всесословной воинской повинности», о газетной клевете на рабочих, о народном разочаровании в крестьянской реформе, перед судам предстал не темный труженик, а просвещенный человек, знакомый с публицистикой своего времени. П. А. Алексеев четко сформулировал и несколько раз повторил мысль о том, что крепостное право в пореформенной России сохранено. Он аргументировал фактами рабочей жизни, но само обобщение было выработано революционно-демократической публицистикой, начиная с «Разбора нового крепостного права» Н. П. Огарева. С огромным возмущением П. А. Алексеев говорил о

лубочной литературе, издававшейся «для народного чтения». В резком осуждении этой литературы сказалась свойственная ему жажда знания и забота о просвещении всех рабочих.

¹⁰⁴ См.: Революционное народничество... с. 363—367.

Современники отмечали высокий уровень развития передовых рабочих, интерес к серьезной книге. Корреспондент «Вперед!» сообщал, что на одном заводе рабочие читали книгу, не легко написанную, «толковее многих студентов, выжимая из каждой фразы все ее последствия»¹⁰⁵. Некоторые рабочие самостоятельно читали Чернышевского, Лассаля¹⁰⁶. Им были знакомы также имена Бокля, Милля, Дрэпера¹⁰⁷.

¹⁰⁵ «Вперед!». 1874, т. 3, отд. 2, с. 282

¹⁰⁶ См.: Шишко Л. Э. Собр. соч. Т. 4. Пг.—М., 1918, с. 145.

¹⁰⁷ См.: Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 145.

С начала 70-х гг. русские рабочие стали знакомиться с произведениями Маркса. В библиотеке рабочего кружка на Выборгской стороне в Петербурге было 14 экземпляров книги «Гражданская война во Франции»¹⁰⁸. В 1873 г. С. М. Степняк-Кравчинский излагал петербургским рабочим содержание «Капитала», незадолго до того появившегося в русском переводе¹⁰⁹. В 1875—1876 гг. М. Р. Попов организовал в Колпине рабочий кружок для изучения экономического учения Маркса, Он частично использовал популярное извлечение из «Капитала», составленное И. Мостом, но многие главы «Капитала» оказались доступны рабочим в изложении самого Маркса¹¹⁰. При аресте членов «Южнороссийского союза рабочих» Н. Б. Наддачина и П. Г. Сикачина была обнаружена записная книжка с перечнем книг, среди которых был «Капитал»¹¹¹.

¹⁰⁸ См. Процесс 193-х. М., 1906, с. 24.

¹⁰⁹ См.: Таратута Е. А. Указ соч.. с. 40.

¹¹⁰ Попов М. Р. Указ, соч., с. 60.

¹¹¹ См.: Итенберг Б. С. Южнороссийский союз рабочих. М., 1974, с. 122.

Как же относились к пропагандистской народной литературе передовые рабочие, которые уже приобщились к серьезной научной книге? На вопрос: «Какие книги больше всего читались в рабочей среде?» — [Г. В. Плеханов, основываясь на личных воспоминаниях, категорически ответил: «Во всяком случае не те революционные брошюры — сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрица Наумовна и пр., которые в особенности предназначались революционерами для народа». По наблюдениям Г. В. Плеханова, грамотные рабочие одобряли только «Хитрую механику» и книгу

«Сытые и голодные»¹¹². И далее Г. В. Плеханов пишет: «Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально для „народа“, способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным... Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести... Такие рабочие охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции»¹³³

¹¹² СК 1452.

¹¹³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. М., 1924, с. 141—142.

Было бы, однако, неверно распространять наблюдения Г. В. Плеханова над передовыми рабочими на всю рабочую массу. Он сам признавал, что брошюры, которые не удовлетворяли передовых рабочих из-за бедности своего содержания, годились как «пробный камень» для новичков¹¹⁴. А ведь «новичков» на всех этапах рабочего движения, а особенно в 70-е гг., было значительно больше, чем сознательных революционеров.

¹¹⁴ Там же.

О том, что популярная народническая литература находила отклик у революционных рабочих 70-х гг. свидетельствует круг чтения членов «Южнороссийского союза рабочих». Участники этой первой рабочей организации читали и распространяли газету «Работник», разные издания «Хитрой механики», «Сказку о Мудрице Наумовне», «Сказку о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского¹¹⁵, «Сказку о четырех братьях», «Историю одного крестьянина», «Сборник новых песен и стихов» и другие брошюры, изданные для народного читателя¹¹⁶.

¹¹⁵ СК 1700.

¹¹⁶ См.: Процесс «Южнороссийского рабочего союза». Обвинительный акт.— «Вперед!», 1877, с. 5, отд. 2, с. 145—158.

Отмечая успехи народнической пропаганды среди рабочих, В. В. Берви-Флеровский писал: «...рабочие, которых касалась пропаганда, стали делиться на две категории: одни стояли, так сказать, на уровне сказки, для них и писались сказки, но из них выходило мало толку; другие с первого приема презирали сказки и всякое беллетристическое изложение, они прямо требовали серьезного чтения, серьезных знаний и идей»¹¹⁷.

¹¹⁷ Берви-Флеровский В. В. Три политические системы. [Берлин], 1897, с. 319.

В этом свидетельстве авторитетного современника рабочие-читатели рассматриваются в статике. Между тем для рабочих школа революционной борьбы была в то же время школой духовного и интеллектуального роста, и

те, кто в начале жизненного пути стоял «на уровне сказки», со временем начинали читать серьезную научную литературу и становились людьми, владеющими знаниями. Наглядным примером подобного развития может быть читательская — и одновременно революционная — биография корифея рабочего движения П. А. Моисеенко, одного из немногих рабочих, которые, начав революционную деятельность в 70-е гг., пройдя через тюрьмы и ссылки, дожили до Великой Октябрьской социалистической революции.

Переломным моментом своей жизни П. А. Моисеенко считал первое знакомство с нелегальными пропагандистскими брошюрами. Произошло это в захолустном Зуеве, по-видимому, в 1874 г., насколько можно судить по датам издания названных им брошюр: «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Сказка о копейке», «Революционный песенник»¹¹⁸. «О, что было тогда — вспоминал он. — Мы с товарищем зачитывались, в то же время не веря себе: Как это можно, неужели это правда все то, что написано в этих книжках?»¹¹⁹

¹¹⁸ Это был один из двух сборников, изданных «чайковцами» в Женеве в 1873 г. — «Песенник» (СК 1258) или «Сборник новых песен и стихов» (СК 1576).

¹¹⁹ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966, С. 15.

Испытав на себе воздействие революционных сказок, П. А. Моисеенко и его товарищи впоследствии пользовались ими как средством агитации. В 1877 г. в Петербурге на Новой Бумагопрядильне рабочий хоровой кружок инсценировал эпизоды из «Сказки о четырех братьях».

П. А. Моисеенко с 13 лет работал на фабриках и не получил школьного образования. Но участвуя в революционном движении, он упорно и настойчиво учился. «С декабря 1876 года до весны 1877 года пришлось приналечь на самообразование», — писал он. Самообразованием П. А. Моисеенко занимался в тюрьме, по дороге в ссылку, в ссылке. В рабочем революционном кружке под руководством Г. В. Плеханова он изучал «Податной вопрос» Н. В. Шелгунова. «Благодаря Плеханову я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе.» Моисеенко с благодарностью упоминает и других интеллигентов-революционеров, которые в тюрьме и ссылке читали лекции товарищам, делились своими знаниями. Но учился Моисеенко не столько из лекций, сколько читая книги. Книга стала для него потребностью. Характеризуя «убийственный режим» в тюрьме, он прежде всего отметил не материальные лишения, а отсутствие книг. Когда в 1886 г. во время суда над морозовскими стачечниками сочувствующие интеллигенты предлагали рабочим деньги, Моисеенко просил не денег, а книг. К тому времени — через 12 лет после первого знакомства с революционной литературой — систематическое самообразование наложило отпечаток на весь облик рабочего-революционера, и, выступая на суде, он произвел на публику впечатление интеллигента. Среди прочитанных им

книг — «История России» С. М. Соловьева, исторические труды Н. И. Костомарова, «Политическая экономия» Дж. С. Милля с примечаниями Н. Г. Чернышевского. В 1889 г. в Пинеге Архангельской губернии он изучал «Капитал» К. Маркса и одновременно — сочинения Ф. Лассаля. Первый том «Капитала», подаренный ему товарищем по ссылке П. С. Кравченко, сопровождал его в скитальческой жизни¹²⁰.

¹²⁰ См.: Моисеенко П. А. Указ. соч., с. 20—21, 48, 55, 59, 126, 18, 52-53, 59, 40; 112, 116; 48, 119, 132, 139.

Книга, прочитанная и усвоенная П. А. Моисеенко, становилась его постоянным спутником, и мысли автора входили в его сознание, чтобы всплыть на поверхность в подходящий момент. Так, при первом чтении драматической хроники А. А. Навроцкого «Стенька Разин»¹²¹ П. А. Моисеенко был поражен тем, что Разин, которого предавали анафеме в церквях как разбойника, на самом деле был борцом за народную свободу. Огромное впечатление произвела на «его сила убежденности Разина. Его слова «На слово словом, на силу силой только можно отвечать, а нам ее не занимать,— с избытком есть» прочно врезались в память Моисеенко и приходили ему на ум и в размышлениях о своей собственной жизни борца, и в агитационной беседе с рабочими Морозовской фабрики¹²².

¹²¹ См.: «Вестник Европы», 1871, № 5. Как известно, эта хроника послужила основой нелегального произведения «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин» (СК 1109).

¹²² См.: Моисеенко П. А. Указ. соч., с. 48, 60, 77.

Книга влияла на читателей, а читатели способствовали распространению книги, расширению ее влияния. Чтобы систематически использовать литературу как орудие революционной пропаганды, рабочие создавали нелегальные библиотеки.

Уже в 1872 г. в Петербурге участники рабочих кружков, в которых вели пропаганду «чайковцы», организовали библиотеку. К марту 1874 г., когда начались аресты рабочих, в ней насчитывалось до 200 экз. книг. О ее составе можно судить по тем 40 книгам (31 название), которые были захвачены при обыске 17—18 марта 1874 г. у одного из хранителей библиотеки, рабочего Семянниковского завода К. Адамова. Здесь были сочинения Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова, В. В. Берви-Флеровского, П. Л. Лаврова, «История цивилизации в Англии» Бокля, литература по истории революций в Европе, по политической экономии, о европейском рабочем движении, художественная литература на историко-революционные и социально-политические темы. Особо следует отметить наличие в библиотеке словаря иностранных слов — необходимого пособия при серьезном самообразовательном чтении.

В библиотеке преобладали легальные книги. Самодержавие так

страшилось «соединения знания с рабочим людом»¹²⁴, что рабочим приходилось и легальные книги прятать от бдительного ока полиции. Но были в рабочей библиотеке и нелегальные издания: вышедшие за рубежом книги Н. Г. Чернышевского, журнал «Вперед!» (т. 1 и 2), «Издания социально-революционной партии», пропагандистские брошюры — «Сказка о четырех братьях», «История одного крестьянина» и др.¹²⁵ Рабочий С. И. Виноградов приобрел для библиотеки четыре, а студент А. В. Низовкин — десять экземпляров «Гражданской войны во Франции» К. Маркса¹²⁶.

¹²³ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2, ч. 1. М., 1950 с. 441—442.

¹²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 80.

¹²⁵ См.: Рабочее движение в России в XIX веке Т. 2 ч. 1. М., 1850, с. 443—444; «Вперед!», 1875, № 3, 15 (3) февр., с. 76.

¹²⁶ См.: Процесс 193-х. М., 1906, с. 24.

Для покупки книг была создана, библиотечная касса, первым кассиром которой был избран В. П. Обнорский. Взносы в кассу составляли 2% заработка. На сходке 31 декабря 1873 г. рабочие учредили «кассу борьбы», или как ее называли — «кассу противодействия». Было решено в каждую кассу вносить 1% заработка. Библиотека была разделена на три части, переданные трем кружкам — Васильевскому, Выборгскому и Невскому¹²⁷. Библиотека, основанная рабочими, содействовала сплочению кружков, побуждала вырабатывать зачаточные формы организации. В дальнейшем все рабочие союзы, общества, кружки создавали нелегальные библиотеки, которые служили базой их агитационно-пропагандистской деятельности. Достаточно напомнить библиотеки «Южнороссийского рабочего союза» (1875) и «Северного союза русских рабочих» (1878—1879)¹²⁸, «Товарищества Санкт-Петербургских мастеровых» (социал-демократической группы П. В. Точисского, 1886—1888) и социал-демократической организации М. И. Бруснева (1889—1892)¹²⁹ — вплоть до социал-демократических рабочих библиотек начала XX в., о которых И. В. Бабушкин писал, что в них «...мало книг, но зато все книги на подбор и постоянно читаются»¹³⁰.

¹²⁷ См.: Рабочее движение в России в XIX веке Т. 2. ч. 1 с. 441—446, 457.

¹²⁸ См.: Федоров Л. К. Нелегальные библиотеки с начала 70-х годов до второй половины 90-х годов прошлого столетия. — В кн.: Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. М., 1956, С. 23—27.

¹²⁹ Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х гг. Л., 1960, с. 65—69, 149—151.

¹³⁰ [Бабушкин И. В.] В защиту Иваново-Вознесенских рабочих. [Мюнхен, 1901], с. 12.

Таким образом, можно считать доказанным, что одним из результатов «хождения в народ» было приобщение трудящихся к революционной книге. Уже на том этапе освободительного движения, когда «...в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться»¹³¹, наиболее активными читателями нелегальной революционной литературы оказались не крестьяне, а рабочие. От участников первых пропагандистских кружков революционные произведения в течение десятилетий, вплоть до пролетарского периода революционного движения, переходили из рук в руки.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

И. М. ПОЛОНСКАЯ
старший научный сотрудник,
кандидат педагогических наук

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ И С АВТОГРАФАМИ Ф. В. КАРЖАВИНА В СОБРАНИИ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ

Прогрессивный русский деятель XVIII в. Федор Васильев Каржавин (1745—1812) — составитель и издатель ряда книг — был владельцем значительного для того времени книжного и гравюрного собрания. После смерти Каржавина его библиотеку постигла судьба многих русских собраний XVIII в. — она рассеялась. Из рассказа Я. Ф. Березина-Ширяева¹ известно, что большое число книг, рукописей и архивных материалов Ф. В. Каржавина было куплено Березиным-Ширяевым и Н. П. Дуровым в 1870 г. при распродаже библиотеки А. И. Сулакадзева (ум. 1830) в книжных лавках Апраксина двора. Отдельные части библиотеки А. И. Сулакадзева в 1870 г. поступили к М. И. Семевскому, кн. Вяземскому и в Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев, к А. Н. Пыпину².

¹ См.; Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров (Из воспоминаний библиофила). — «Библиограф», 1887, № 1, с. 3.

² См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в Россия. Спб., 1912, с. 51, № 1111.

Мы не будем пересказывать хорошо известные подробная распродажи 1870 г., а ограничимся лишь двумя уточнениями. Во-первых, по записям Сулакадзева, сделанным на некоторых рукописях Каржавина³, устанавливается время поступления его собрания в собственность Сулакадзева. Это произошло непосредственно после смерти Каржавина, в 1812—1813 гг. Во-вторых, вопреки мнению некоторых исследователей⁴, распродажа библиотеки Сулакадзева началась задолго до 1870 г. Интересная

информация об этом содержится в письме И. П. Сахарова к М. П. Погодину 1843 г.: «Силокадзиева (!) библиотека продается. Цена ужасная — тринадцать тысяч. Баба с ума сошла. Вокруг ее увивается Кастерин и Кузьмин. Она сама недоступная. Апраксинцы-книгопродавцы — верные слуги Кастерика, надували ее несколько раз, и вот она подозревает целый свет... Из ее библиотеки Полторацкий купил Ведомости петровских времен. Виельгорский покупал много мистических книг — говорят, так, а я сам не знаю»⁵. Информация И. П. Сахарова подтверждается архивными данными. 6 марта 1838 г. С. Д. Полторацкий купил непосредственно у вдовы Сулакадзева два тома «Ведомостей» за 1703—1720, 1721—1727 гг.⁶ В сентябре 1837 г. и феврале-марте 1838 г. он приобрел несколько книг, принадлежавших Ф. В. Каржавину, частично через книгопродавца Ф. А. Эттингера⁷.

³ См.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей (далее: ГБЛ, ОР), ф. 96, № 46, 47, 51.

⁴ См.: Берков П. Н. О людях и книгах. (Из записок книголюбца). М., 1965, с. 36—43.

⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. Спб., 1893, с. 247.

⁶ ГБЛ, ОР, ф. 233, карт. 5, № 66.

⁷ Там же, карт. 29, № 15, л. 1—2.

После смерти Н. П. Дурова (1879 г.) и Я. Ф. Березина-Ширяева (1898 г.) книги Каржавина, находившиеся в их библиотеках, подверглись еще одной распродаже⁸. В результате отдельные экземпляры его книг оказались за границей⁹. Наряду с этим происходила и кумуляция каржавинских материалов в государственных книго- и архивохранилищах. По данным «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800» (Т. 1—5. М., 1962—1967)¹⁰, отчетам библиотек и информации, содержащейся в литературе о Каржавине, книги с автографами и владельческим штемпелем Ф. В. Каржавина находятся во всех крупнейших библиотеках Советского Союза и в Центральном государственном архиве древних актов¹¹. Его собрание эстампов было приобретено П. Ф. Карабановым, а затем, в составе коллекции последнего, поступило в Эрмитаж¹².

⁸ Библиотека первого распродана в 1881 г. через В. Г. Готье. (См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России.— «Рус. библиофил», 1911, № 7, с. 80). Библиотека второго была продана с аукциона в 1905 г. Остатки ее были приобретены книгопродавцами П. П. Шибановым и А. И. Долиным-Иванским (Чернь, Тульская губ.). См.: Иваск У. Г. Подробный каталог домашней библиотеки. М., 1910, с. 3, № 2.

⁹ См.: Foster L, Simmons J. S. G. Two western books of Russian provenance: Castiglione's 11 Cortegiano: Le Courtisan (1585) and J. H. Ott's Annales Anabaptistici (1672). — «The Yearbook of English studies», 1972, vol. 2,

р. 112— 114.

¹⁰ Далее сокращенно: СК.

¹¹ См Долгова С. Р. Судьба библиотеки Федора Каржавина. — В кн.: Альманах библиофила, 1975, вып. 2, с. 168; ее же. Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф. В. Каржавина. (По материалам ЦГАДА);—В кн.: Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград. 13—15 октября 1976 г. Тезисы докладов. Л., 1976, с. 58—59.

¹² См.: Ровинский Д. А. Полный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. 1. Спб., 1895, стб. 301.

О библиотеке Каржавина мы можем судить только по тем отдельным экземплярам, которые находятся в поле нашего зрения, по упоминаниям книг в его собственных трудах и статьях исследователей, но и этого достаточно, чтобы охарактеризовать ее как библиотеку человека энциклопедических интересов. В ней были представлены сочинения по филологии, географии, русской и западноевропейской истории, архитектуре, сельскому хозяйству, медицине, алхимии, теологии, произведения художественной литературы, масонская литература, а также книги и периодические издания, трактующие актуальные экономические и политические вопросы XVIII в. Каржавин собирал книги на русском, латинском, французском, итальянском, греческом языках. В его собрании были инкунабулы, палеотипы, книги второй половины XVI—XVIII вв., французские рисунки XVII в.¹³, гравюры, рукописи.

¹³ См.: Lugt F. Les marques de collection de dessins et d'estampers... Supplement. La Hage, 1956, p. 219.

Книги Каржавина изобилуют текстовыми и немymi (нотабене, крестики, звездочки, подчеркивания, скобки на полях) пометками, сделанными, им при чтении. Многие пометки носят библиофильский характер, содержат сведения о редкости и стоимости экземпляров. В иностранных изданиях он намечает материал для перевода, в справочных целях кратко формулирует на полях содержание отдельных отрывков текста, видимо, предполагая еще раз вернуться к их чтению. В маргиналиях он выражает свои мысли более откровенно, чем в печати, остро полемизирует с авторами. Книги с его автографами — ценный источник для характеристики идейных позиций Каржавина.

Все это говорит в пользу реконструкции библиотеки Ф. В. Каржавина и описания книг с его автографами. В качестве первого опыта мы предлагаем эту статью. Мы ограничимся рассказом только о печатных изданиях¹⁴ и будем вести его в хронологической последовательности приобретения Каржавиным отдельных книг. Это позволит нам проследить развитие интересов и взглядов Каржавина во времени.

¹⁴ Большой материал о рукописной части библиотеки Ф В Каржавина

содержится в подготовленном к изданию справочнике «Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. I» и в «Описи собрания рукописных книг Н. П. Дурова. Фонд 96. Сост. Л. В. Тиганова. М., 1964 ГБЛ, ОР, Машинопись.

* * *

Основание своей библиотеке Каржавин положил в юношеские годы в Париже, куда он был отправлен отцом в 1753 г. для обучения иностранным языкам, чтобы «способнее был к купеческой коммерции»¹⁵. За 13 лет жизни во Франции он собрал много книг, преимущественно на французском и латинском языках, и в 1765 г. привез их в Россию. Перед отъездом из Парижа 16 апреля 1765 г. он писал отцу: «...что касается моей библиотеки, я привезу с собой много французских и латинских книг; бессмысленно брать с собой немецкие книги, так как я не знаю немецкого языка и, кроме того, если у меня будет в них нужда, я их выпишу в Россию из Германии. Русские книги у меня просил г-н Вовилье, королевский профессор греческого языка, мой старый учитель, так как он изучает русский язык, и я не мог ему в этом отказать, не нарушив правила чести и признательности»¹⁶.

¹⁵ Пекарский П. П. Известия о братьях Каржавиных (1753—1760 годов). Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. — «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Акад. наук», 1872, т. 9, с 408.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 93. оп. 2, № 100, л. 51 об. Оригинал на франц. яз. Все выдержки из писем на французском языке и цитаты из иностранных книг приводятся в переводе на русский язык, автографы Каржавина — на языке оригинала.

Книг из этой части собрания Ф. В. Каржавина мы пока не обнаружили в фондах Библиотеки им. В. И. Ленина. Зато интересными изданиями представлен в отделе редких книг следующий период жизни Каржавина — 1765—1776 гг. В эти годы, находясь в России и во Франции, он ищет свое место в жизни

В числе книг этого периода в первую очередь следует назвать его подборку¹⁷ из 43 печатных единиц (215 страниц текста): два номера журнала «Примечания на Ведомости», шесть — «Прибавлений» к «Санктпетербургским ведомостям» и 35 — «Прибавлений» к «Московским ведомостям». В ней преобладает материал за 1769 г.—35 ед.; 1739 г. представлен 3 ед., 1764 г.— 1 ед., 1768 г.—3 ед., 1770 г.— 1 ед. На верхней крышке конволюта рукой Каржавина написано: «Годы 1789—1769. Более реляции и известия». На первой печатной единице и в конце восьмой поставлен черной пастой владельческий штампель — «Theodore Karjavine». Конволют был составлен Каржавиным не ранее 1789 г.: на форзацном листе хорошо просматривается водяной знак с этим годом. На внутренней стороне крышки переплета указана рукой Каржавина его цена: «Переплет 30 [коп.]». Имеющиеся в конволюте многочисленные пометы были сделаны Ф. В.

Каржавиным, по-видимому, в 1768—1770 гг. по свежим следам событий. В этом нас убеждает помета Каржавина на объявлении о продаже имп. Воспитательным домом «гипсов и эстампов» (Прибавление к № 78 «Московских ведомостей» от 26 сентября 1768 г.): *«Продается по четверткам после обеда»*.

¹⁷ Инв. МК III —2298.

Состав конволюта отражает разносторонние интересы его владельца. Здесь представлены материалы международной политики (русско-турецких войн 1735—1739 гг. и 1768—1774 гг.), внутренней политики (работа Комиссии о сочинении проекта нового уложения), статьи по философии и естествознанию из частей 88—90 «Примечаний на Ведомости» («О различии между разумом и рассуждением», «О достойных примечания переменах, которым поверхность земли от времени до времени подвержена бывает»), сообщения для любителей «свободных искусств» (упоминавшийся выше каталог «гипсов и эстампов», в котором отмечена работа Г. И. Скородумова, и письмо о пожертвовании библиотеке Московского университета «дактилотеки Липперта» — 3000 слепков с древних резных камней), сведения о деятельности Академии наук (планы работы оренбургской и астраханской научных экспедиций), Московского университета (описание публичного собрания 30 июня 1769 г. со списками студентов и учеников), Вольного экономического общества (о конкурсной задаче), ведомость товарам, провезенным через Ладожский канал в 1763 г., и др.

подавляющее большинство материалов (26 ед.) относится к русско-турецким войнам. Подчеркивания текста, звездочки и нотабене свидетельствуют о том, что Каржавин был внимательным читателем. Его интересовали природные условия тех мест, в которых проходили военные действия, успехи русского оружия (храбрость сражавшихся, взятые трофеи), участие в сражениях служителей культа, судьба польских конфедератов, сущность политики царского правительства. Так, Каржавин отмечает нотабене ту часть реляции (Прибавление к № 67 «Московских ведомостей» от 21 августа 1769 г.), где говорилось, что кабардинцы по договору 1739 г. «признаны были народом вольным и ни от кого не зависимым». Сообщение же о том, что при приближении русских войск «кабардинские владельцы», ранее ориентировавшиеся на Турцию, «почти со всем народом признали себя тотчас подданными ея имп. величества», он комментирует лаконично — *«поневоле»*, уничтожая тем верноподданнический дух всей реляции.

Особый интерес представляют пометы Каржавина на «Прибавлениях» к «Московским ведомостям», посвященных деятельности Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Торжественное открытие Комиссии состоялось 30 июля 1767 г. Ее созыв преследовал политические цели. Екатерина II стремилась завоевать авторитет просвещенной монархини, которая печется о всеобщем благе и желает узнать «нужды и чувствительные недостатки» народа, открыть «дорогу к достижению правосудия».

Братъ по слову человека Дедушкина, по неимению имени
г. Дедушкина и имени Фадеев, избраннаго отъ уполномоченныхъ
справлено было, что означеннаго же избраннаго Фадеева за-
писки и по нему для подачи оныхъ записокъ дано было
время, кои и приказы были для передачи папу комиссий.

Двадцатая депеша оной : комиссия упрямилась къ
выборъ кандидатовъ и къ подачу записокъ въ частную
комиссию.

Тридцатого оной : по собраніи о кандидатахъ во все
частныя комиссии записокъ г. Маршалъ объявлялъ, что не
доставлено еще къ некоторымъ изъ записокъ кандидатовъ ;
по чему и дано было время, въ которое г. Депутаты эти
записки и подавали. Пошлимъ сказано, что эти поданные
записки печатинахъ реестръ, и въ следующемъ собраніи объ-
явлено будетъ, кому по большому числу записокъ доста-
вится быть въ членъ трехъ человекъ въ Депутатской въ
частной комиссии.

*распутавши домой!
вздыхая...
стихъ менте...
твоей смерти и въ славу...
я то заболтались...
...эти избранные по своему...
и тина... и...*

Автограф Ф. В. Каржавина на Прибавлении к № 28
«Московских ведомостей» от 7 апреля 1769 г. с сооб-
щением о роспуске Комиссии о сочинении проекта
нового уложения. ГБЛ

Материалы, находящиеся в каржавинском конволюте, относятся к последнему периоду деятельности Комиссии, когда острота социальных противоречий сделала для Екатерины II нежелательной дальнейшую работу Комиссии и присутствие в столице депутатов с мест (их было более 500), в числе которых находились депутаты государственных черносошных, приписных крестьян, пахотных солдат, казаков, однодворцев. Эти депутаты выражали интересы не только свободных, но и крепостных крестьян, не допущенных к участию в Комиссии. Их поддерживали отдельные передовые представители дворянства. Крестьянский вопрос в Комиссии специально не ставился, но он неоднократно возникал при обсуждении прав купечества и дворянства, «законов о юстиции». К тому же, пользуясь своим присутствием в столице, депутаты начали выступать в качестве ходатаев по общественным нуждам, что вызвало даже специальный указ (ПСЗ 13135) от 19 июня 1768 г., запрещающий им эту деятельность. Начало войны с Турцией послужило удобным поводом для временного роспуска Комиссии, о повторном созыве которой Екатерина II и не помышляла. Лицемерная политика Екатерины II не обманула Каржавина, о чем говорят его рукописные пометы.

В «Московских ведомостях» за 1768 и 1769 гг. было напечатано 30 прибавлений, содержащих «дневные записки» о деятельности Комиссии (см. СК IV, №16, 17). Из них в каржавинском конволюте находятся четыре прибавления: два к №87 от 28 октября 1768 г., содержащие «дневную записку» за июнь и июль 1768 г., и два других к №28 и №29 от 7 и 10 апреля 1769 г. со сведениями о работе Комиссии в декабре 1768 и январе 1769 гг.

В первом из этих Прибавлений сообщается, что в Комиссии «происходило чтение касающихся до юстиции указов» и заслушивались устные и письменные мнения депутатов относительно этих указов. Ко всей этой протокольной записи Каржавин сделал лаконичное примечание: *«Пыль в глаза»*. В тексте «дневной записки», посвященной большому собранию Комиссии 10 июля, на котором был зачитан «проект правам благородных или дворян», Каржавин выделяет подчеркиванием и звездочкой на полях слова о том, что, намереваясь сочинить и издать новое законоположение, Екатерина II преследует «блаженство всех и каждого». Подтекст этого подчеркивания все тот же — «пыль в глаза».

22 декабря 1768 г. маршал Комиссии генерал А. И. Бибиков огласил указ Екатерины II «о увольнении г. депутатов к своим должностям», т. е. о роспуске Комиссии. В «дневных записках» за последующие числа — 23, 29 и 30 декабря — сообщалось, что депутаты были заняты выборами (по три человека сверх полного числа членов) в частные комиссии, которые должны были работать над отдельными вопросами законодательства после роспуска общего собрания. Каржавин подчеркивает в тексте фразу о роспуске депутатов и раздражается тирадой, свидетельствующей: о том, что он хорошо понимал истинную причину роспуска Комиссии: *«Распускают домой! Выгоняют вон! Чем меньше их будет, тем скорее их сломают: а то заболтались. Из десяти выберут по одному и прикажут им молчать»*.

Следующий номер Прибавлений к «Московским ведомостям» (к № 29

от 10 апреля 1769 г.), посвященный результатам выборов в дирекционную, экспедиционную и частные комиссии, а также церемонии роспуска общего собрания, буквально испещрен подчеркиваниями и маргиналиями Каржавина. Он выделяет имена депутатов, избранных в дирекционную (Михаил Мордвинов, князь Михаил Щербатов, граф Петр Панин) и экспедиционную (Григорий Политика, Георгий Глебов, Всеволод Всеволодский) Комиссии и восклицает с неодобрением: «Уж люди!» Речь маршала собрания А. И. Бибикова в той части, где он говорит о временном роспуске депутатов, комментируется одним словом: «обман!» Далее Каржавин выделяет ту часть речи Бибикова, где он напоминает депутатам, что они «имели щастие быть руководимы» Екатериной II. «То-то и глупо» — замечает Каржавин, осуждая депутатов за нерешительность действий. Призывы Бибикова к депутатам быть для сограждан примером добродетели, смягчать советами и делами «вредную суровость и ожесточение, вкоренять во всех человеколюбие и просвещение», вызывают сомнение в искренности их. «То ли у вас на уме?» — записывает Каржавин на полях. К заключительной фразе маршала Комиссии, в которой он поручал себя благосклонности депутатов и желал им достичь обещанного Екатериной II «блаженства всех и каждого», Каржавин приписывает нецензурное выражение, которое то ли адресует А. И. Бибикову, получившему известность жестокого усмирителя народных движений, то ли от его лица напутствует им депутатов. И, как бы подводя итоги показной шумихе, устроенной Екатериной II вокруг Комиссии, Каржавин резюмирует: «Пустили пыль в глаза; и только всего будет».

Эти пометы Ф. В. Каржавина сделаны по свежим следам событий. Они интересны как отражение горячих споров, которые, по-видимому, велись вокруг работы и роспуска Комиссии в среде, к которой принадлежал Каржавин. Напомним, что с 1767 по сентябрь 1769 г. он преподавал французский язык в Троице-Сергиевой семинарии, а в декабре 1769 г. был принят по протекции В. И. Баженова в ведомство Кремлевской экспедиции архитекторским помощником 2-го класса.

Не случайно в конволют включено Прибавление к № 38 «Московских ведомостей» от 12 мая 1769 г., озаглавленное Каржавиным: «О механике Кулибине». В нем помещен рассказ талантливого самоучки, выходца из купеческой семьи И. П. Кулибина о своей жизни и изобретениях, а также сочиненные им канты и ода. Сообщение о пожаловании Кулибину Екатериной II 1000 рублей не вызывает восторга у Каржавина. «Это ли награда?» — записывает он на полях книги.

Его критическое отношение к порядкам, царившим в России, проявляется и в ремарке на объявлении Коммерц-коллегии (Прибавление к № 88 «Московских ведомостей» от 3 ноября 1769 г.) о том, что наказан за обман в торговле один иностранный купец. Он подчеркивает в тексте слова «открылось плутовства» и пишет на -полях: «N. Вене. Одно ли оно есть у нас на Руси».

Пространное письмо полномочного министра в Вене Д. М. Голицына о

пожертвовании денег на обучение медицине русских юношей в одном из иностранных университетов (Прибавление к № 41 «Московских ведомостей» от 21 мая 1770 г.) с подобострастными комментариями от имп. Воспитательного дома вызывает сомнение у Каржавина. Он приписывает в конце текста: «*Хорошо все сие; умеете вы размазывать; но исполняете ли вы*»,

К материалам, находящимся в конволюте, Каржавин возвращался в 1790-х гг. Идея «о переменах земли», отмеченная им в «Примечаниях на Ведомости» (ч. 89 и 90 1739 г.), получила подробное развитие в «Разговоре XVIII» составленных Каржавиным «Французских, российских и немецких разговоров в пользу начинателей» (Спб., 1791, с. 148—156).

Конволют Ф. В. Каржавина поступил в Библиотеку Румянцевского музея, судя по печати, в первые годы Советской власти, но лишь несколько лет тому назад был обнаружен нами среди дефектных экземпляров, не подлежащих включению в действующий фонд отдела.

Значительный материал для размышлений Ф. В. Державину давал «*Journal encyclopedique*», издававшийся с 1756 г. по 1793 г. Это был один из наиболее последовательных органов французских просветителей, выходивший два раза в месяц. Он редактировался П. Руссо при участии А. Брета, Ж. Кастийона, Н. Шамфора, Л. Р. Дюрифле и др. Журнал откликался на все наиболее существенные литературные, научные, политические события Франции и других стран (в том числе и России).

В отделе редких книг хранятся комплекты этого журнала за 1765 и 1775 гг., принадлежавшие Каржавину¹⁸.

¹⁸ *Journal encyclopedique. Bouillon, de l'imprimerie du Journal, 1765, t. 1—8 janvier-septembre.* Инв. МК IX-6360- 6373. Старый шифр: Е 29/43. Номера за октябрь — декабрь 1775 г отсутствуют, но у Каржавина они были, о чем свидетельствует слепой зеркальный оттиск с владельческого штампа Каржавина на последней странице оглавления, перешедший с титульного листа следующей части журнала.

На титульных листах журнала за 1765 г. Каржавиным сделаны владельческие записи: «*Karjavine. Каржавин*» (с. 1, ч. 1), «*Karjavine*» (т. 6, ч. 3), «*Ф: К:*» (т. 7, ч. 1), «*Theodorus Karscnawinus*» (т. 8, ч. 2); на титульных листах всех частей журнала за 1775 г. проставлен его владельческий штамп: «*Theodore Karjavine*». Неустоявшаяся форма владельческих записей на номерах журнала за 1765 г. говорит о том, что они делались по мере получения отдельных частей журнала и относятся к 1765 г. Штамп «*Theodore Karjavine*» был заказан им при возвращении в Россию в 1788 г., что, однако, не исключает возможности покупки журнала в том же 1775 г., о чем в ряде случаев свидетельствует характер выделенных им материалов. Так, он отмечает нотабене несколько пунктов из новых, утвержденных в августе 1775 г. правил, определяющих взаимные обязанности пассажиров, отправителей грузов и администрации французских почтово-пассажирских

бюро (1775, т. 6, с. 561—565),— материал, который мог представлять для него интерес только в 1775— 1776 гг., до его отъезда на Мартинику.

В 1765 и 1775 гг. в «Энциклопедическом журнале» постоянно публиковались рецензии на новые книги и театральные постановки, литературные и политические новости; в 1775 г. наряду с этим большое место уделяется также сообщениям о деятельности академий и научных обществ, новым открытиям и изобретениям в области науки и ремесел, информации о необычных происшествиях и природных явлениях.

В 1765 г. в форме писем в журнале публиковались статья Ж.-Ж. Руссо, Ф. М. Вольтера, Ж. д Аламбера, Ж. Ф. Мармонтеля; имеется ряд откликов на нашумевшее дело жертвы религиозного фанатизма Ж. Каласа.

Первые четыре тома журнала за 1765 г. не имеют никаких помет; наибольшее же их число — в седьмом томе. Видно, что Каржавин возвращался к чтению журнала в разное время. Вполне определенно можно сказать, что пометы в рецензии на отдельные тома «Естественной истории» Ж. Л. Бюффона были сделаны Каржавиным значительно позже, а именно в 1795— 1796 гг., когда он составлял описания четвероногих животных, птиц и рыб для «Собрания любопытства достойных предметов для юношества и любителей естественной истории» (Спб., 1795— 1796) ф. Ю. Бертуха. Ф. В. Каржавин активно использовал в этом «Собрании» свой американский опыт очевидца, сведения русских (Н. Я. Озерецковского) и западноевропейских ученых (Ж. К. Вальмона де Бомара, Г. Х. Раффа, П. Беллона, Н. Лемери, Ж. Л. Бюффона). *Заимствования из Бюффона особенно заметны, если сравнить сделанное Бюффоном описание мангуста в «Энциклопедическом журнале» (1765, т. 7, ч. 2, с. 29) с пометой Каржавина «враки», касающейся неправильных сведений у других натуралистов, и соответствующим описанием в «Собраний любопытства достойных предметов» (т. 1, № 43, § 3). Диапазон интересов Каржавина велик: его внимание привлекают как конкретные факты и события текущей общественной жизни, так и общеполитические проблемы. Так, он отмечает для себя сообщения о новом географическом открытии в Тихом океане (т. 5, ч. 1, с. 167), о захвате французского корабля английским корсаром (т. 6, ч. 3, с. 147), о жалобах американских подданных английскому королю на высокие налоги и об их неудовлетворенном желании иметь в английском парламенте своих представителей (т. 6, ч. 3, с. 166). Его интересуется происхождение бумаги (т. 1, ч. 2, с. 126—129), различные алфавиты (т. 7, ч. 2, с. 133—134), шарлатанство и новое в медицине (т. 7, ч. 2, с- 131, 138), литературные и политические новости, касающиеся России, в частности, послание И. И. Шувалова Вольтеру и ответ ему Вольтера (т. 7, ч. 1, с. 121—124).*

Для отношения Каржавина к вопросам познания мира симптоматично выделение фразы — «Первое из удовольствий — удовольствие знать» (т. 7, ч. 2, с. 104) — и характеристики, данной Р. Декарту в похвальном слове А. Л. Тома, как просветителю и мыслителю, главной жизненной целью которого был поиск истины. Не оставляют равнодушным Каржавина

проблемы религиозного фанатизма (т. 7, ч. 1, с. 39—41, ч. 2, с. 3—24). Для характеристики общественно-политических взглядов Каржавина существенно его отчеркивание в ответе редакторов журнала на письмо критика, в котором они формулируют свое принципиальное отношение к рабству, выражающееся в том, что «любовь подданных к их государю — самое прочное *основание* монархического правления, что рабство — цепь, тем более ненадежная, чем она *тяжелее*, что государя, царствующего над рабами, нельзя назвать в полном смысле государем» (т. 8, ч. 2, с. 61). Эти идеи привлекают внимание и вызывают одобрение Каржавина и в «Опыте о просвещении» И. П. Пнина (см. ниже, | с. 157).

Размышления об общественном положении писателя проявляются в отчеркивании соответствующих мест в рецензиях на сочинения Л. Эйлера и Д. Свифта. В первой из них выражено негодование по поводу того, что ежегодно печатается и продается множество плохих книг, а готовое к печати сочинение Л. Эйлера об интегральном исчислении, «написанное для всего мира и для всех народов», остается в рукописи, не находя себе издателя (т. 7, ч. 1, с. 22); во второй — лесть и угодничество перед сильными мира сего клеймятся как позор для писателя (там же, с. 99).

Следы чтения Каржавина в комплекте журнала за 1775 г. весьма многочисленны. Можно насчитать около 300 его отчеркиваний на полях, нотабене, текстовых помет.

Каржавина интересуют сочинения на медицинские темы, способы лечения болезней людей и домашних животных. Для удобства он выносит на поля «предметные» слова и словосочетания: *желтуха* (т. 2, с. 519), *жар* (т. 3, с. 208), *от каменной болезни* (т. 3, ч. 214), *пиявицы*, *ласточки* (т. 4, с. 34) и т. п.; по поводу неправильного лечения обмороженного восклицает: «в *снег бы его*» (т. 3, с. 218); рядом с описанием способов лечения от угара (т. 3, с. 145) и сибирской язвы (т. 2, с. 114—И") делает помету: «*перевесть*». Его привлекают самые разнообразные естественнонаучные сведения — о затмении солнца (т. 1 с. 192—193), об экзотических животных (т. 1, с. 221), о металлических сплавах (т. 2, с. 17—18), об опытах с водой (т. 2, с. 137), о кометах (т. 2, с. 461—462), об археологических находках (т. 3, с. 173—174), о новых электрических опытах (т. 3, с. 529), о гибриде, названном Каржавиным «свиокло-морковь» (т. 4, ч. 517), наблюдения Франклина над плавающими телами (т. 3, с. 385—389) и т. д. Он не остается равнодушным к новым изобретениям, будь это использование в медицине нового лекарственного средства (т. 1, с. 154), новое приспособление «от *пожарного огня*» (т. 1, с. 332—333), новый экономный рецепт приготовления хлеба (т. 1, с. 151), секрет изготовления нового сорта фарфора (т. 2, с. 519), средство уничтожения волков (т. 3, с. 517—519. «*Перевесть всио*», — помечает Каржавин) и т. д. Вопросы сельского хозяйства привлекают его внимание как с практической (например, агротехника — т. 1, с. 137, 142—143; сельскохозяйственные вредители — т. 1, с. 155), так и с социальной точек зрения. Он выделяет мысль о том, что земледелие является основой благосостояния общества: «Если <бы у меня >был человек, который мог бы

вырастать два колоса вместо одного,— сказал некий монарх (или скорее Свифт его устами), я предпочел бы его всем политическим тениям. Покровительствовать искусствам и пренебрегать земледелием — все равно, что извлекать камни из фундамента пирамиды для возведения ее *вершины*» (т. 3, с. 490). Он задерживает свое внимание на объяснении причин слабости сельского хозяйства, которое предлагает в своем «*Essai patriotique*» (Paris, 1775) барон Скотт. Автор видит их в скоплении в больших городах слуг, нищих, бесполезных людей, в огромных налогах, лишаящих земледельца *заинтересованности в результатах* труда, полном отсутствии какой-либо поддержки со стороны правительства (т. 3, с. 267).

Просветительские идеи журнала находят живой отклик у Каржавина. Он отмечает рассуждение о *том, что государство*, в котором царствует невежество, преследуется мыслящий человек, боятся просвещения, неизбежно будет свергнуто в руины вместе со своим деспотом (т. 6, с. 507).

Он согласен с автором, который утверждает, что наличие в государстве большого числа служителей *культа* — *признак* плохого их выбора (т. 5, с. 197).

Каржавин размышляет над материалами, публикуемыми в журнале под рубрикой «Черты благоденствий, справедливости и гуманности». По поводу заявления архиепископа Тулузы о своем намерении раздать личное имущество крестьянам, разоренным падежом скота, Каржавин замечает: «*пример нашим архиреям*» (т. 1, с. 522). Комментируя сообщение о том, что один французский врач назначил часы бесплатных консультаций для неимущих пациентов, редакция журнала выражает *надежду*, что его примеру последуют другие врачи, в результате чего уменьшится число больных и погибающих без помощи и в результате невежества.

К этим комментариям Каржавин добавляет, *основываясь* из собственном опыте: «*ou n'ayant pas 2 [r], a dormir pour la consultation*» (или не имея 2 [руб.], чтобы дать их за консультацию, т. 1, с. 524).

Неизменно привлекают Каржавина описания природы, нравов, обычаев, политического устройства различных стран и народов. Тяга к знаниям и путешествиям сопутствовала ему всю жизнь. Каржавин выделяет политические события, касающиеся России: захват в Ливорно графом А. Г. Орловым самозванной княжны Елизаветы (т. 3, с. 558—559), *создание новой Азовской губернии* и отдача ее под управление Г. А. Потемкина (т. 4, с. 360) и т. п.

В 1775 г. в «Энциклопедическом журнале» регулярно печатаются сообщения об американской революции: о работе 1-го Континентального Конгресса, его попытке найти пути примирения с Англией, о первых военных столкновениях американских колоний с войсками английского короля в районе Бостона, об избрании Вашингтона главнокомандующим Континентальной армией, о противоречиях в английском парламенте и протесте английских купцов против ограничений торговли с колониями. Публикуются рецензии на книги, в которых ставится вопрос о причинах разногласий американских колоний с метрополией и обсуждаются пути их

решения. Можно считать, что Каржавин как активный читатель этого журнала накануне своего американского путешествия был в курсе того, в каком направлении развивались события в этой стране. Пометы Каржавина свидетельствуют о том, что он пытался их осмыслить. В январском номере журнала в рецензии на книгу английского экономиста, одного из предшественников Адама Смита, Д. Тукера (J. Tucker) «Four tracts together with two sermons on political and commercial subjects» (London, 1774) он выделяет изложение содержания 4-го трактата, в котором автор рассматривает пять различных способов решения проблемы американских колоний. Единственно верным и полезным способом автору представляется отделение Великобритании от американских колоний, безоговорочное объявление их жителей народом свободным и независимым (т. 1, с. 216—217). В мартовском номере Каржавина заинтересовала рецензия на анонимную политическую брошюру «A speech never intended to be spoken» (London, 1774) противника американских колоний, пытавшегося доказать необоснованность отказа американских колоний от уплаты налогов. Каржавин выносит на поле цифры, характеризующие народонаселение Англии и американских колоний (т. 3, с. 539). В политическом исследовании, рассматривающем ошибки и злоупотребления великобританских властей, Каржавин выделяет отрывок, разоблачающий пагубные последствия торговли должностями, образное сравнение администраторов с «политическими садовниками», которые «культивируют плохие, паразитарные растения и выкорчевывают наиболее полезные», и выражает свое полное согласие с автором: «золотые слова» (т. 4, с. 36—37). В августовском номере он делает для себя помету «*nota, всю перевесть-*» (т. 5, с. 443) рядом с рецензией на книгу А. Бернеби (A. Burnaby) «Travels through the middle settlement in North America» (Londres, 1775), в которой автор, побывавший в этих краях в 1759—1760 гг., описывает Виргинию, Пенсильванию, Массачусетс и другие английские колонии. Автор — противник независимости Америки, он считает, что американцы должны быть подданными, если не Англии, то Франции, Голландии или другой морской державы. В сентябрьском номере журнала Каржавин отмечает сообщение о том, что в Америке все, независимо от возраста, охвачены желанием встать под знамена свободы, что там формируются отряды ополчения (т. 6, с. 566).

Таким образом, журнал представлял противоположные точки зрения на взаимоотношения американских колоний с метрополией.

Каржавин не остался в этом споре сторонним наблюдателем. В сентябре 1776 г. он отправляется на Мартинику, а в мае 1777 г. в разгар борьбы американцев за свою независимость — в Виргинию, где становится непосредственным участником этой борьбы на стороне Соединенных Штатов Америки, провозгласивших себя независимым государством¹⁹.

¹⁸ См. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775—1783. М., 1976, с. 209—224.

Часть помет в комплекте журнала за 1775 г. сделана Каржавиным, видимо, по возвращении в Россию. К их числу следует отнести все пометы, связанные с отбором материала для перевода: «перевестъ» (т. 1, с. 301, 397; т. 2, с. 114, 134, 319; т. 3, с. 137, 145, 166), «перевестъ, но не всио» (т. 1, с. 486), «всио перевестъ» (т. 3, с. 517, т. 5, с. 443). К концу века относятся его карандашные пометы в рецензии на драму Б. Ф. Розуа «Henri IV» (Paris, 1774). Рецензент, между прочим, утверждает, что французский народ проявляет к *Людовику XVI ту же любовь*, что и к первому Бурбону. Каржавин отмечает скобкой этот отрывок и пишет рядом: «не то».

Оба годовых комплекта «Journal encyclopedique» поступили в Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в составе коллекции С. Д. Полторацкого, который приобрел их, в свою очередь, в 1837 г. через книгопродавца Ф. А. Эттингера²⁰.

²⁰ ГБЛ ОР ф. 233, карт. 29, № 15, л. 1—2.

В 1773 г. Ф. В. Каржавин купил в Париже первое издание латинского неканонического перевода Библии²¹ Себастьяна Шатейона (Chateillon Sebastien, 1515—1563). Французский теолог-протестант, знаток еврейского, греческого и латинского языков, Шатейон любил изысканный стиль и не стремился к дословному переводу Библии. Его критиковали за то, что, заставив евангелистов и апостолов говорить языком Катулла и Тибулла, он «ослабил силу их мыслей»²². Особенно далеко заходили в его критике кальвинисты, возмущенные тем, что он выступал против их основных доктрин. Они обвиняли переводчика в том, что он потешается над священным писанием и «служит орудием сатаны».

²¹ *Biblia, interprete Sebastiano Cattalione Una cum eiusdem annotationibus. Basileae per Joannem Oporinum, [1551], {12} p. 582, 576, 298, 202 col. 2°*. Инв. МК VII—11984. Старый шифр: J 15/11.

²² Simon R. *Histoire critique des versions du Nouveau testament*. Rotterdam, 1690, p. 274—275.

На титульном листе владельческий штемпель «*Theodore Karjavine*», оттиснутый дважды, и запись рукой Каржавина: «*Сия Библия напечатана в 1551-м году*». На последней странице владельческий штемпель, обрамленный фигурными скобками, и записи рукой Каржавина автобиографического характера: «*Natus Petroburgo 20 jam. 1745 ami, 1802-o Anno dedit Deus vivere*» (т. е.: рожден в Петербурге 20 января 1745 года, бог дал дожить до 1802 года). Здесь же запись: «*Сия Библия печатана в Базеле, у Якова Парка иждивением Ивана. Опарина, в лето господне 1551-е в марте месяце. Принадлежит с 1778-го года по 1796-й год русскому американицу Федору Каржавину. Цена ей 125 к. (редка)*». На внутренней стороне верхней крышки коричневого кожаного переплета XVIII в. по канту запись о цене и

редкости книги: «Переплет 90 [коп.] книга 41 [коп] = итого 125 [коп] она стоит за редкость свою: неканонные книги в ней». В тексте посвящения и предисловия имеется ряд отчеркиваний и нотабене на полях; на с. [12] перевод заглавий книг Ветхого Завета на русский язык, заметки на с. 576 (3-й паг.), с. 6, 138, 202 (5-й паг.). О критическом изучении Каржавиным текста этого издания Библии свидетельствует ссылка на него как на один из примеров научной тер микологии²³.

²³ См.: Бертух Ф. Ю. Собрание любопытства достойных предметов... [Перевод Ф. В. Каржавина]. Спб., 1796, т. 1, № 19.

Кроме помет Каржавина в книге на титульном листе имеются записи, говорящие о предыдущем («Bibliothecae Colbertinae») и последующем («Ex lib. com. Mich. Wielhorski») владельцах книги. Экземпляр происходил из библиотеки французского министра и ревностного библиофила Ж. Б. Кольбера де Торси (1619—1683), отданной в продажу его наследниками в 1728 г.²⁴ Не все 60 тыс. томов этой библиотеки сразу нашли новых владельцев; часть книг и в 1770-х гг. можно было еще найти у книгопродавцов, обосновавшихся на ул. св. Якова, хорошо известной Каржавину.

²⁴ См.: Bibliotheca Colbertina. [Vol. 1]. Paris, apud Gabrielem Martin, via Jacobea, ad insigne Stellae. Franciscum Montalant, ad ripam Augustinianorum, 1728, p.5, № 68.

Как видно из записей Каржавина, в 1802г. книга еще была в его распоряжении. К известному библиофилу М. Ю. Вильегорскому (1788—1856) она поступила скорее всего уже после смерти Каржавина, а в фонды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — в 1866 г., когда большая часть библиотеки Вильегорского была пожертвована его наследниками в Московский публичный и Румянцевский музеи²⁵.

²⁵ См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя.— «Русский библиофил», 1911, № 4, с. 52—53, № 236.

В 1773—1776 гг., живя в Париже и слушая лекции по медицине и физике, Каржавин обзавелся толковым медицинским греко-латинским словарем, изданным в Париже в 1564 г.²⁶ Его автор — Жан Горри (1505—1577) — медик и знаток греческого языка. В свое время этот труд рассматривался как незаменимое пособие для тех, кто хотел заняться изучением медицины.

²⁶ Gorris Jean de. *Jo. Gorraei, Parisiensis, Difinitionum medicarum libri XXIII literis Graecis distincti. Lutetiae Parisiorum [Paris], apud Andream*

На верхней крышке желтого пергаментного переплета книги и на титульном листе дважды оттиснут штемпель «*Theodore Karjavine*». На титульном листе — ряд заметок Каржавина. Сделан перевод заглавия на русский язык: «*Горреев Толковой словарь, состоящий из 24 книг или Врачебной толковой словарь парижского доктора Ивана Горрея 1564-го года*». Имеются примечания библиофильского характера: «*Редкая книга*»; «*С заметками Федора Каржавина*». К адресу типографии, находящемуся в выходных данных («*in vico Beltovaco*»), Каржавин добавляет пояснение, чему этот адрес соответствует в современном ему Париже: «*(au fauxbourg de Beatais; c'est oï est la rue de St. Jean de Beauvais, et le College de ce nom)*».

Многочисленные маргиналии Каржавина (преимущественно на русском, иногда на французском языке) свидетельствуют о том, что он внимательно читал книгу. Большинство его помет носит характер перевода на русский язык греческих терминов, реже это — краткое содержание статьи или критические замечания, вызванные ее чтением. К словарной статье об алмазе (л. 4), в которой говорилось о его, якобы, волшебных свойствах, он приписывает: «*это сказки, старинные враки*». В статье, посвященной половым органам (л. 253), он выделяет фразу, говорящую о том, что в них заключена главная способность к размножению, и вольно переводит ее, придавая ей материалистическое и атеистическое звучание: «*Они суть орудия вечности, в них одних содержится начало человекопроизводства*». Не удерживается он от критического замечания в адрес служителей культа: «*Божественный фимиам кифи из 16 вещей составленный; его жрцы египетские всякой вечер жгли не токмо в честь богам, но и для своего здоровья** (л. 192 об.).

В комментариях Каржавина можно обнаружить заметки автобиографического характера. Читая статью о льне (л. 22), он вспоминает: «*Я от Пр. Ак. Демидова отвозил холст к штатгалтеру голандскому 1773 года*». В них отразился его американский опыт. К статье о грецком орехе (л. 159) он делает примечание: «*<z в Америке английским называется >*; к статье о кедровое масле (л. 165) — «*в Америке делают же Cedar-oil наипаче в Бермудах*»; к статье о кедровом дереве — «*cedar-tree, что в Америке <в строение корабельное употребляется, но есть род кипариса, cyprossus*» (л. 165 об.). Можно даже предположить, что книга совершила с ним путешествие в Америку. Его внимание привлекает статья о «морских сухарях» (л. 46), о способах транспортировки больных (л. 165 об.), т. е. то, что могло иметь практическое значение, когда он был аптекарем на Мартинике (в 1780 г.), лекарем на испанском корабле, на Кубе и в Америке (в 1782—1786 гг.)²⁷.

²⁷ См.: ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 100, к. 7, 8 об.—9 об.

Интересна отсылка Каржавина, в связи с толкованием старых мер, к

редкому амстердамскому изданию «Космографии» Л. Апиануса 1545 г. (л. 307). Возможно, эта книга тоже принадлежала ему.

Книга поступила в Библиотеку Румянцевского музея в 1919 г.

В 1776 г. при отъезде Ф. В. Каржавина на Мартинику в собственность его перешел экземпляр лондонского издания 1700 г. молитвы «Отче наш» на ста языках²⁸, приобретенный Ж. Л. Барбо в том же 1776 г. при распродаже библиотеки Ле-марье в Париже²⁹. О происхождении книги Каржавин сделал две записи на форзацных листах. Первая запись гласит: «*a la vente de la bibliotheque de feu, Mr. ie Marie en 1776 vendredy 16 a Paris, l'otche nous a ete vendu 15 [liv.]*». Вторая запись читается частично: «*...bibliotheca Dmni Barbeau. Parisiis A°. 1776 (N. B.)...*» (Две строки в начале записи закрашены черными чернилами, последняя строка стерта.) Рядом с этой второй записью, за фигурной скобкой приписано: «*cum profiscissebar in Martinicam in insulam americanam*».

²⁸ *Oratio dominica. Πολύ γλωττω, πολυ μορφω.. Nimirum, plus centum linguis, versionibus, out characteribus reddita et expressa. Editio novissima, speciminibus variis quam priores comitator. Londini, prostant apud Dan. Brown et W. Keblewhite, 1700. [8], 70 p. 4°. Инв. 4709.*

²⁹ См.: Catalogue des livres de feu M. Lemarie, esuyer, ancien conceiller au Chatelet; dispose et mis en ordre par Quillaume De Bure fils aine. Paris, G. De Bure, 1776. Молитва «Oratio dominica» занесена в этот аукционный каталог под № 3. В экземпляре ГБЛ возле каждой из 1903 книг от руки проставлена цена. Интересующей нас книге была назначена цена 17 ливров, 19 су.

Жан Луи Барбо де ла Брюер (Jean Louis Barbeau de la Bruyere, 1710—1781)³⁰ — писатель, историк, географ — был известен Ф. В. Каржавину с юношеских лет, со времени его учебы в Париже. Сын купца, он предпочел коммерции поприще литературы и науки. Следует особо отметить его интерес к русской истории³¹, а также транскрипции русских слов во французских изданиях³², что должно было способствовать его сближению с Е. Н. и Ф. В. Каржавиными. В Париже Ф. В. Каржавин пользовался библиотекой Ж. Л. Барбо³³. От него-то он и получил в подарок «Отче наш».

³⁰ См.: Hoefler F. Nouvelle biographie universelle. T. 4. Paris, 1853, col. 431.

³¹ Известен его французский перевод книги Р. И. Strahlenberg «Description historique de l'Empire Russien» (Vol. 1—2, Amsterdam, 1757).

³² Его записку «Memoire d'observations sur quelques lettres russiennes a rendre exactement en Frangois», поданную в 1762 г. во Французскую академию, Каржавин опубликовал в исправленном виде в своем издании «Remarques sur la langue russe et sur son alphabet». (Saint — Petersbourg. 1791, тетр. 17, с. 5—8, тетр. 18, 19, с. 1—2).

³³ В его библиотеке он обнаружил стихи Ги де Марсей (Guis de

Marseille) по случаю фейерверка, устроенного И. И., Шуваловым в честь имп. Елизаветы в 1755 г. Каржавин напечатал их и преподнес Шувалову (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, №103, л. 109, 111).

На шмуцтитуле Каржавин дает перевод заглавия на русский язык и примечание о редкости издания: *«Молитва господня отче наш, здесь видима на сте языков, переводов или букв изображенная. Сия книга наиредчайшая печатана в Лондоне 1700-го года»*. В предисловии (с. 7) им выделена и переведена фраза о том, что *«ни за какие деньги первого издания не достать»*. Большинство автографов Каржавина представляет собой русский перевод латинских наименований языков. В ряде случаев они сопровождаются пояснениями, где говорят на том или ином языке или наречии: например, *«древний язык рунической во Швеции»* (с. 22), *«по-малабарски в Азии»* (с. 27), *«по-берриски во Франции. Берра, город в Провансии»* (с. 39), *«по-карнийски, что в Албании»* (с. 41) и т. п. На с. 24 и 59 молитва «Отче наш» напечатана кирилловским и глаголическим шрифтами. Каржавин отмечает способ транскрипции (*«Legendum est modo Anglico»*) и определяет его как *«чтение ложное»*. В написание молитвы *«по-далматски»* и *«по-сербски»* (с. 40, 41) внесены исправления.

В конце книги на свободный форзацный лист наклеена печатная таблица, содержащая буквы русского алфавита, их французскую транслитерацию и названия. Рукой Каржавина приписано: *«печатал француз Mahon»*. Магон — имя печатника, ранее работавшего в Америке, а в 1791 г. нанятого в Париже для типографии Горного училища³⁴. Их встреча состоялась в том же году.

³⁴ Ленинградское отделение Института истории АН СССР (далее: ЛОИИ), кол. 238, оп. 2, № 146/26, л. 52 об.

В своих филологических работах Каржавин дважды использует это издание. В *«Remarques sur la langue russienne»* (Saint-Petersbourg, 1791, livr. 22, p. ([1]) он печатает текст молитвы «Отче наш» на русском языке гражданским шрифтом с транскрипцией средствами орфографической системы французского языка и делает примечание о том, что в издании 1700 г. транскрипция дана неправильно, *«даже при чтении на английский манер»*. О глаголической азбуке он замечает, что в России мало кто ее знает. В *«Вожаке»* (Спб., 1794, с. 281) он ссылается на издание при доказательстве близости славянских языков.

Кроме маргиналий Ф. В. Каржавина в книге имеются пометы ее последующего владельца — А. И. Сулакадзева — библиографического и лингвистического характера: сделаны ссылки на многоязычные издания «Отче наш» XVI—XIX вв., приведены тексты на ряде языков народов России, а также «по-малтийски» (см. чистые листы в начале книги и с. 22, 24, 28). На шмуцтитуле поверх зачерненного автографа Каржавина читаем:

«Александр Сулакадзева. № 3811». Все следы принадлежности книги Каржавину (его штемпели на титульном листе и на предисловии) Сулакадзев скрыл черной краской. В отдел редких книг книга поступила из отдела рукописей в 1935 г.

* * *

В 1776—1787 гг., несмотря на участие в войне за независимость Соединенных Штатов Америки и частую смену мест жительства (о-в Мартиника, Америка, Куба), Каржавя продолжает собирать книги. Они сопровождают его в опасных морских путешествиях иногда как товар, который может найти сбыт, иногда как необходимые справочные пособия, например, в его медицинской практике. Так, отправляясь в 1776 г. на Мартинику, Каржавин среди прочих товаров вез с собой книги и картины, которые продал с выгодой³⁵. В феврале 1782 г. американский корабль, на котором Каржавин плыл из Мартиники в Виргинию, был захвачен в плен англичанами. Каржавин потерял при этом весь свой багаж, кроме книг и лекарств³⁶.

³⁵ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 100, л. 7 об

³⁶ Там же. л. 9.

Американский период жизни Ф. В. Каржавина представлен в Библиотеке им. В. И. Ленина двумя изданиями. Во-первых, это палеотип — популярный трактат о земледелии средневекового автора, адвоката Пьетро Кресченци (1230 — ок. 1326)³⁷. Написанный в 1304—1309 гг., впервые изданный в 1471 г., он был первой печатной книгой на данную тему и только в течение XV в. выдержал 13 изданий на латинском, итальянском, французском и немецком языках.

³⁷ *Crescentiis Petrus de. Il Libro della agricultura. Venetiis, [A. Bindoni]. 1519. 235, (6) f. 4°.* Деф.: нет л. 1. Инв. 2059.

На последнем листе книги рукой Каржавина сделана запись биографического характера: «Федор Каржавин: американской житель; парижской воспитанник; петербургской уроженец, в родине не свой; в сем мире чужой, в боге упокоюсь аминь». Запись завершает концовка — масонский знак в виде шестиугольной звезды. Экземпляр заключен в коричневый кожаный переплет XVIII в., раскрашенный под мрамор, с золототисненной линейной рамкой на крышках и орнаментальным тиснением по кантам. На внутренней стороне передней крышки переплета наклеен экслибрис, атрибуты которого указывают на то, что до Каржавина, которому книга, видимо, досталась как военный трофей, она принадлежала кавалеру английского ордена Подвязки из герцогского рода³⁸. Под рисунком экслибриса рукой Каржавина вписано имя нового владельца: «Феодора

Каржавина». Все остальное свободное место заполнено им же сведениями о книге: «LX [коп.] Сия книга подписана превосходител{ь}ному князю господину Карлу 2-му по милости божией королю Цицильскому и Иерусалимскому (стр. 1), О простом земледелии 12 книг Петра Кресишентия, гражданина Болонсаго; 1519-го года». Еще одна запись такого же характера с указанием на редкость книги находится на чистом форзацном листе: «Сия книга о земледелии, напечатана в Венеции, в день 9-й месяца июля лета господня 1519-аго. Зри листок 235 на обороте. Ф:К: (Редкая)». На л. 51, 52, 53, 83, 116, 119, 124, 124 об., 125, 134 об., 135, 137—отчеркивания на полях, которыми выделены отрывки текста, говорящие главным образом о приготовлении настоев, лечебных свойствах бузины, чеснока, аниса, укропа, арбуза и т. п. На чистый форзацный лист вынесено указание, на каких страницах рассказывается об уксусе, чечевице, анисе. Это говорит об использовании Каржавиным книги в практических целях.

³⁸ Два овальных щита с изображением львов поддерживаются слева львом, справа дикарем с дубинкой. Щиты увенчаны орлиными крыльями, львом и герцогской короной. Вокруг левого щита — девиз ордена Подвязки, в основании щитов — девиз владельца: «Pie reponete: aut vincam, aut peribo».

Книга поступила в Библиотеку им. В. И. Ленина в 1931 г. из собрания Общества истории и древностей российских при Московском университете, которому была подарена И. П. Каратаевым 3 декабря 1847 г. (Об этом на книге сделана запись секретарем Общества О. М. Бодяским.)

Из американского путешествия Ф. В. Каржавин привез альбом архитектурных рисунков собора святого Петра в Риме³⁹. Рисунки и планы были сделаны с натуры в 1659 г. французским архитектором Жаком Тарада (Jacques Tarade, 1640 — ок. 1720). Вышли в свет после 1713 г.⁴⁰ в виде цельногравированного издания, состоящего из 15 листов планов и фронтисписа — портрета автора рисунков. Под портретом подпись гравера — «J. A. Seupel delin. et sculp.» под заглавным листом и листами 14 и 15 — «Gravée par C. Inselin» и «C. Inselin sculpsit».

На заглавном листе владельческий штампель — «Theodore Karjavine». Заглавие, подпись под портретом и все подписи к планам переведены Каржавиным на русский язык. Сделан также перевод французских масштабных мер в русские. На обороте заглавного листа Каржавиным оставлена запись о времени и месте перевода: «Федор Каржавин; архитектуры помощник, 1787-аго года. Переведено в городе святого Петра, что в Мартинике, одном из американских сахарных островов».

³⁹ *Desseins de toutes les parties de l' Eglise de Saint Pierre de Rome, la première et la plus grande de toutes les églises du monde chrestien, levé exactement sur les lieux par Jacques Tarade architecte et ingénieur ordinaire du rôti en l année 1659... La beauté et la grandeur de cette édifice à engagé le dit Sr. Tarade de faire graver tous les desseins par le Sr. Marot mais les grandes*

occupations... ne luy ont pas permis de les faire mettre au jour plustot. S. l. s. a. 15 f., front. (portr.). Fol.

⁴⁰ См.: Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der bildenden Kunstler. Bd. 32. Leipzig, 1938, S. 438.

В Библиотеку им. В. И. Ленина альбом поступил в 1929 г. в составе библиотеки бывшего Генерального штаба ⁴¹.

⁴¹ Экземпляр хранится в отделе рукописей ГБЛ, ф. 68, № 465.

При своем вторичном возвращении в Россию в 1788 г. Каржавин оставляет в Париже у жены собранную им за годы жизни за границей библиотеку и архив. В письмах к жене в 1788—1791 гг., особенно в связи с революционными событиями во Франции, он проявляет беспокойство о целостности и сохранности своего собрания: «Позаботься о моих книгах и бумагах»,— просит Каржавин жену в письме от 22 октября 1788 г. ⁴² «Позаботься о моих книгах, упакуй и помести их в сухом месте, не потеряй письма из маленькой зеленой папки Шарлотты Рамбур»,— снова напоминает он жене 4 ноября 1788 г. ⁴³ «Мой книги, эстампы и мой архив, в безопасности ли они?» — спрашивает Каржавин жену 22 декабря 1789 г. ⁴⁴

⁴² ЛОИИ, кол. 238, оп. 2, № 146/9, л. 14.

⁴³ Там же, л. 15, об. Ш. Рамбур — девичья фамилия жены Каржавина. Видимо, речь идет о ее письмах к нему 1774 г., хранящихся ныне в ИРЛИ (ф. 93, оп. 2, № 100, л. 118—137).

⁴⁴ Там же, л. 32.

Жена Каржавина не только сохранила книжное собрание своего мужа, но и пополнила его французскими революционными, преимущественно периодическими, изданиями. «Я храню для тебя все наши общественные документы, особенно брошюру „Révolutions de Paris"» ⁴⁵, — пишет Каржавина 22 октября 1789 г. «Она очень интересная и хорошо написана. Я думаю, что подборка их доставит тебе удовольствие.» ⁴⁶

⁴⁵ Еженедельный журнал, издававшийся с 12 июля 1789 г. по февраль 1794 г. Л. М. Прюдомом и подробно освещавший события революции.

⁴⁶ ЛОИИ, кол. 238, оп. 2, № 146/13, л. 19 об.

В ноябре 1789 г. она сообщает Каржавину, что в Париже есть масса произведений в его вкусе, например жизнеописания многих великих людей, они недороги, но у нее нет денег, чтобы купить их ⁴⁷.

⁴⁷ Там же, л. 24.

29 апреля 1791 г. среди прочих дорожных наставлений Каржавина жене, собравшейся ехать в Россию, находим упоминание и о его библиотеке: «Привези все мои книги и эстампы хорошо упакованными»⁴⁸. В июле 1791 г. жена Каржавина приезжает в Россию, а с нею прибывает «парижская» библиотека Каржавина. Она объединяется с «русской» частью собрания Каржавина, которая бережно им хранилась в самые трудные для него годы. «Он живет один как медведь, никого не видит или видит очень редко, ничего не имеет, кроме книг и чернил...» — так о себе пишет жене Каржавин в 1791 г.⁴⁹

⁴⁸ Там же, № 146/9, письмо № 20.

⁴⁹ Там же, № 146/13, письмо от 13 марта 1791 г., л. 55.

«Русская» часть библиотеки Каржавина, формировавшаяся в 1788 г. — начале XIX в., представлена в отделе редких книг шестью изданиями.

Филологическими интересами Ф. В. Каржавина объясняется наличие в его библиотеке 5-томных «Аналогических таблиц»⁵⁰ — предварительного словника «Словаря Академии Российской» (ч. 1—6. Спб., 1789—1794) — первого толкового словаря русского языка. Таблицы содержат более 100000 слов организованных в алфавитном порядке. Они были напечатаны ограниченным тиражом 100—130 экз. и предназначались для раздачи членам Российской академии с целью собрать дополнения и критические замечания.

⁵⁰ *Аналогические таблицы. Ч. 1—5. [Спб., тип. Акад. наук, 1784—1787].* 4°. Без тит. л. Инв. 14564—14568. Старый шифр: А 26/35.

К Каржавину экземпляр словника мог попасть, скорее всего, от В. И. Баженова, члена Российской академии с 1783 г.⁵¹ На титульных листах каждой части проставлено по два владельческих штемпеля Каржавина красной краской: «Theodore Karjavine» и более крупный — «Karjavine». В тексте словника много помет, сделанных рукой Каржавина, содержащих перевод русских слов на французский язык. Системы в выборе слов Для перевода не наблюдается. Кроме того Каржавиным внесено в текст словника 36 слов, из которых 15 вошли затем в состав «Словаря Академии Российской». В основном он вписал слова, представляющие собой новые заимствования из иностранных языков и элементы городского просторечия.

Каржавинский экземпляр «Аналогических таблиц» поступил в Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в составе собрания Н. П. Румянцева, о чем свидетельствует его печать и старый шифр. Это единственный полный из трех известных экземпляров⁵².

⁵¹ См.: Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 1. Спб., 1874, с. 17; вып. 8. Спб., 1888, с. 54—67, 381.

В 1789 г. Ф. В. Каржавин выпустил в свет одно из своих сочинений с замаскированными выходными данными⁵³. Для знакомства его с русскими замаскированными изданиями характерно наличие в его библиотеке брошюры «Представление его папскому святейшеству Пию VI»⁵⁴. На титульном листе ее сохранены выходные сведения немецкого оригинала: «Вена, 1782»⁵⁵. Русский перевод, судя по русской бумаге (фабрики П. К. Хлебникова) и шрифтам, напечатан в Петербурге в типографии Государственной военной коллегии. Книга, видимо, вышла с ведома властей. Основная ее идея — папа Пий VI должен признать главенство светской власти, «ибо не государство есть в церкви, а церковь в государстве» (с. 17). В этом отношении книга была в русле политики Екатерины II, которая еще в 1773 г. стремилась показать, что не признает власти папы, не разрешив обнародовать буллу Климента XIV об уничтожении ордена иезуитов. Каржавина, известного своим свободомыслием в вопросах религии и пренебрежительным отношением к церковной обрядности, эта книга должна была привлечь резкой критикой католической церкви за «сребролюбие», нетерпимость в вопросах веры (здесь обличались инквизиция и иезуиты), злоупотребления «милостью божьей» (торговля индульгенциями), проповедь суеверий и т. п.

⁵³ См.: Полонская И. М. Издательская деятельность Ф. В. Каржавина. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М, 1976, с. 163—168.

⁵⁴ Делорье. *Представление его папскому святейшеству Пию VI. С французского рукописно сочинения, недавно умершаго господина Де Лори Лориера, переведено Ф. Раутенштраухом. Вена, 1782. 30 с. 8°.* На тит. л. эпиграф: «Difficile est veritatem non dicere. То есть: Трудно не сказать правды». Инв. 11675. Старый шифр: Р 39/136.

⁵⁵ См.: Delaurier. *Vorstellung an se pabstliche Heiligkeit Pius den VI. Aus dem franzosischem Manuscript des Herrn D. von Rautenstrauch. Wien, 1782.*

На титульном листе книги рукой А. И. Сулакадзева написано: «Из книг Каржавина».

В Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев поступила из дублетов имп. Публичной библиотеки (на титульном листе ее печать).

В числе книг, посвященных русской истории, в собрании Ф. В. Каржавина находилось 12-томное издание «Деяний Петра Великаго» И. И. Голикова⁵⁶. На внутреннем канте переплета 1-й части хранящегося в отделе редких книг экземпляра Каржавина его рукой сделана запись о стоимости 12 частей без «Дополнений»: «22 г. 80 с. les 12 vol. sans continuation. 22 r. les 12 volumes et 80 с.» Переплет — коричневая кожа с накрапом. Чтобы придать многотомнику единообразный вид, корешки всех 12 частей оклеены в XIX в. красной кожей с золотым тиснением, имитирующим банты. На нижнем поле

всех корешков вытиснены инициалы нового владельца: «К. М. Б.» Им был Константин Матвеевич Бороздин, с семьей которого Каржавин поддерживал дружеские отношения еще в конце XVIII в. (см. ниже, с. 161—162). На титульных листах ч. 1—5, 7, 8 — владельческий штампель «*Theodore Karjavine*», ч. 9—12 — «*Karjavine*» (более крупный). Часть шестая экземпляра Бороздина Каржавину ранее не принадлежала.

⁵⁶ Голиков И. И. *Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенные по годам, Ч. 1—12. М., Унив. тип., у Я. Новикова, 1788—1789. 8° Инв. 2921—2932. Старый шифр: А 134/29.*

Интерес к русской истории определился у Каржавина по возвращении его в 1765 г. в Россию. В 1773 г. мы находим его в числе подписчиков на «Древнюю российскую библиофику» Н. И. Новикова. К этому времени относится приобретение им рукописи «О зачатии и рождении вел. государя имп. Петра Перваго, самодержца всероссийского». Имея намерение опубликовать эту рукопись⁵⁷, Каржавин особенно внимательно читал параграфы «Деяний», относящиеся к первым годам жизни Петра (ч. 1, с. 138, 139, 140—143, 145, 146 с его пометами)⁵⁸, в которых И. И. Голиков неоднократно использовал летопись П. Н. Крекшина «О зачатии и рождении государя», и параграфы, касающиеся болезни и смерти Петра I (ч. 9 с. 147 164-166, 193, 211-212, 216, 238, 239).

⁵⁷ В одной из записей на рукописи на французском языке он сообщает, что запрещено ее печатать и даже иметь у себя под страхом смерти. По своему существу утверждение это, не соответствует действительности: в 1787 г. было опубликовано два списка сочинения П. Н. Крекшина на эти темы (см. СК II, № 3299).

⁵⁸ Ряд рукописных помет в экземпляре принадлежит последующим владельцам; мы останавливаемся только на пометах Каржавина.

Каржавин в четырех случаях уточняет или критикует текст Голикова. Так, рассказ о том, как трехлетний Петр отреагировал на подаренную ему купцом саблю, Каржавин сопроводил одним словом — «*баснь!*» (ч. 1, с. 138). Он уточнил, что Лефорт набирал в регулярное войско иностранных «*офицеров, а не солдат*» (ч. I, с. 237). К политическим причинам, приведенным Голиковым для объяснения, почему Петру I не удалось сосватать свою дочь Елизавету за французского короля Людовика XV, Каржавин добавляет мотив личного порядка: «*потому, что была рыжая, и Луд[овик] XV ее не полюбил на портрете*» (ч. 7, с. 279). В связи с упоминавшем строительства Сухаревой башни замечает: «*и теперь еще существует*» (ч. 1, с. 249).

Каржавин отмечает такие политические события, как стрельецкие бунты, заговор царевны Софьи, взятие Азова, строительство флота, а также

отрицательную реакцию знати и духовенства на намерение Петра I ехать за границу, окончание Северной войны и т. п. (ч. 1, с. 154—155, 158, 162, 185, 195, 220, 221, 242, 243, 249, 254, 265, 279, 280, 282, 303, 309, 321, 328; ч. 7, с. 342, 345; ч. 9, с. 43).

Обличение злоупотреблений властью всегда было в духе Ф. В. Каржавина. И здесь он отмечает ответ генерал-прокурора П. И. Ягужинского на распоряжение Петра I издать жестокий указ против воровства: «Мы все воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой» (ч. 8, с. 330).

Каржавин согласен с мыслями Петра I о том, что перевод на русский язык должен быть не дословным, а «внятным» (ч. 8, с. 63), что переводчики «должны разуметь науки, о коих они переводить будут» (ч. 9, с. 63), что легче переводить с иностранного на родной язык, чем наоборот (там же). Каржавин выделяет слова Петра о том, что источники древней русской истории находятся повсюду в России, а особенно в монастырях (ч. 8, с. 113).

Интерес Каржавина к вопросам издательской деятельности (в 1789—1790-х гг. он был у Каржавина повышенным)⁵⁹ проявляется в подсчете, на какое число экземпляров подписались читатели «Деяний» Голикова и какова их общая стоимость: «650 *souscriptions à 12 Roubles sont 7800 Roubles*» (ч. 12, с. 19 списка подписчиков).

⁵⁹ См.: Полонская И. М. Указ, соч., с. 174—178.

В первой части экземпляра Каржавина вплетены четыре гравюры резцом: портреты Петра I, царя Иоанна Алексеевича, царевны Софьи Алексеевны и медаль «На рождение Петра I Великого»⁶⁰.

⁶⁰ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1. Спб., 1886, стб. 273, № 56; т. 2. Спб., 1887, стб. 1027, № 6; т. 3, Спб., 1888, стб. 1636, № 374, стб. 1947, № 21.

Книга поступила в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в 1862 г. в составе собрания К. М. Бороздина⁶¹.

⁶¹ На принадлежность книги к этому собранию указывает ее старый шифр: А 134/29.

В 1790 г. в собственности Ф. В. Каржавина находился палеотип⁶² — сборник сочинений Жиля Коррозе (1510—1568), Клода Шампье (р. ок. 1520) и Симфорьена Шампье (1472—1533), содержащий краткое описание городов, рек, источников, достопримечательностей «трех Галлий». Владельческие записи Каржавина находятся на внутренней стороне крышки переплета («*Carjavine*») и на обороте титульного листа («Ф. Каржавин. С. П. Б. 1790»).

⁶² *Corrozet Gilles, Champier Claude, Champier Symphorien. Le catalogue des villes et cites assises es trois Gaules, avec ung traicte de fleuves et fontaines, illustré de nouvelles figures. Paris, par Antoine Bonnetnere, 1540. [16] p., 71 f.16°. Инв. 1903.*

Отрывок из этой книги «О городе Парисе» с русским переводом Каржавин привел в качестве примера французского языка XVI в. в «Вожаке» (Спб., 1794, с. 225—227, 238—239). На соответствующих листах палеотипа (л. 7 об.— л. 8) он отчеркнул этот отрывок и на полях выписал на русском языке сведения о времени основания Парижа и его различные наименования. Каржавина привлекли также сведения о некоторых достопримечательностях, описание герба и знамени Франции (л. 58 об., 67 об., 68). На последней странице книги Каржавин выделяет красными линейками выходные сведения и приписывает: «*Deus fine corona opus*».

На книге оставили свои автографы предшествующие владельцы. На форзаце владельческая запись: «Marguerite Fleury. N 218». Другой рукописный экслибрис 1696 г. на титульном листе неразборчив⁶³.

⁶³ Его можно прочесть как «Matueef». Не является ли он автографом русского дипломата петровского времени А. А. Матвеева?

В Библиотеку имени В. И. Ленина книга поступила в 1929 г. в составе библиотеки бывшего Генерального штаба.

Свидетельством того, что Ф. В. Каржавин собирал литературные сочинения русских писателей, может быть комедия поэта и драматурга Николая Петровича Николева (1758— 1815) «Приказчик»⁶⁴. На титульном листе нашего экземпляра оттиснут красной краской владельческий штампель — «Theodore Karjavine»; рукой Каржавина написан перевод заглавия на французский язык: «Le commis, bagatelle drammatique, composée à Moscva».

⁶⁴ *Николев Н. П. Приказчик драматическая пастельга с голосами в одном действии. Сочинена в Москве. Музыка г. Дарсиза М Унив. тип., у Я. Новикова, 1781. 24 с. 8°. Инв, 2027. Старый шифр: E42/9.*

Экземпляр поступил в Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в составе собрания С. Д. Полторацкого.

Заметки Ф. В. Каржавина на экземпляре изданного в 1804 г. «Опыта о просвещении относительно к России»⁶⁵ чрезвычайно интересны в связи с особым местом этого сочинения в истории русского просветительства. Это — основное программное произведение одного из «радищевцев», русского просветителя Ивана Петровича Пнина (1773—1805).

⁶⁵ *Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России. Соч. Ивана Пнина. Спб., тип. Ив. Глазунова, 1804. 147 с. 12°. Инв. XIX—6065. Обложка: мраморная бумага, наклейка в виде сердца с заглавием, написанным*

чернилами рукой Каржавина: «О просвещении России. Сочинение Пнина. 1804. Спб.» На тит. листе красной краской оттиснут владельческий штемпель: «Theodore Karjavine». Заметки чернилами на внутренних сторонах обложки и карандашом на с. 7—11, 18, 19, 22, 24, 26, 27, 30—35, 37, 90, 91, 93—96.

Как отмечалось исследователями ⁶⁶, Пнин ставил вопрос о просвещении широко — в социально-политическом плане, связывал его с общим вопросом о путях дальнейшего исторического развития России. В этом сочинении нашли отражение как прогрессивные, так и консервативные черты его мировоззрения.

⁶⁶ См., напр.: Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. Изд. 2-е. М., 1953, с. 172.

Общий характер заметок Каржавина критический. Критике подвергнуты, в первую очередь, консервативные оценки, данные Пниным якобинской Конституции 1793 г. и французской буржуазной революции в целом.

Пнин считает, что французская «революционная конституция» зажгла «пламень раздоров» и что виноваты в этом законодатели — «сословие мужей, известных своею ученостию и просвещением» (с. 21), которые исходили из ошибочных принципов, положив в основу Конституции права человека, вольность, равенство и лишь затем собственность. Он полагает, что не только народ, но и сами французские законодатели плохо понимали Конституцию. Каржавин возражает Пнину: «*Dixi, раздор не бывает без цели, так и законодатели*» (с. 22). Этой репликой он защищает и творцов якобинской Конституции, и революционные действия народа, предусматривавшиеся статьей 35-й Декларации прав человека и гражданина. Пнин дважды ссылается на текст этой Конституции (с. 27, 33)⁶⁷, критикуя ее принципы «вольности» и «равенства», выводимые из естественных прав человека. Пнин не согласен с 3-й статьей Декларации, провозгласившей равенство всех людей от природы и перед законом. «Откуда призвали они сие равенство, сие исчадие раздоров? Я не нахожу оного ни в истории протекших веков, ни в недрах природы. Какой счастливейший народ по их мнению управляется безначалием?» — вопрошает Пнин и пытается доказать, что общество произошло от неравенства человеческих сил. «*He понял сам, а пишет*» (с. 34), — так Каржавин перечеркивает критику Пнина и вместе с тем обнаруживает хорошее знание якобинской Конституции 1793 г., установившей во Франции республиканский строй.

⁶⁷ Из-за цензурных соображений он ссылается на текст этой Конституции, опубликованной в качестве приложения в т. 5 сочинения J. V. Delacroix «Constitutions des principaux états de l'Europe, et des Etats-Unis de l'Amerique» (Paris, 1793, p. 327—362).

5. Запрещена.

Создатель
Иванъ Пнинъ
пободной свѣтъ
Кн. Репнина,
умеръ въ 17-й день
6-го Сентября 1805.
года.

Муза, свѣтское
изданіе 1796. года,
есть плодъ его
пера.

О П Ы Т Ъ
О
П Р О С В ѣ Щ Е Н І И
О Т Н О С И Т Е Л Ь Н О
К Ѣ
Р О С С І И.

Соч: Ивана Пнина.

L' instruction doit être modifiée
selon la nature du gouvernement qui
régit le peuple. J. A. Chaptal.

Съ дозволенія С. Петербургскаго
Гражданскаго Губернатора.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,
Въ Типографіи Ив. Глазунова,
1804 года.
THEODORE
KARJAVINE

Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России. Спб., 1804.
Экземпляр с владельческим штемпелем и автографами
Ф. В. Каржавина. ГБЛ

Иллюстрация:

Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России. Спб., 1804. Экземпляр с владельческим штемпелем и автографами Ф. В. Каржавина. ГБЛ

«Бешенство и неистовство» революционных событий настолько пугают Пнина, что он предлагает изобразить их в «летописях мира» «кровавыми чертами» (с. 26). «Обыкновенно весьма»,— пишет Каржавин, соглашаясь с тем, что «бешенство и неистовство» сопутствуют революциям (сам он был тому свидетелем). Но для него картина революции не сливается в одно кровавое пятно и поэтому он добавляет: «только *та же картина выделана разными мастерами*» (с. 26).

Пнин считает, что тот путь, который избрали французские «законодатели» (читай: революционеры), провозгласив свободу и равенство, «никогда не доведет до дверей храма, где царствует истина...» Каржавин же допускает возможность торжества истины таким путем, но исторический опыт буржуазных революций XVIII в. говорил ему о недолговечности этого торжества: «а где же она и владычествует и вскоре изгоняется» (с. 27). На замечаниях Каржавина лежит печать неудовлетворенности общественным положением и личной судьбой. Выходец из купеческой среды, человек с европейским образованием и незаурядными способностями, он оказался вне основных сословий Российской империи в незавидной роли разночинца. Философские рассуждения Пнина о том, что «от общественных законов стали зависеть гражданственное благосостояние и твердость», заставляют Каржавина воскликнуть: «*Я! вот*» (с. 37).

Пнин выдвигает в «Опыте» свою весьма ограниченную социально-экономическую программу: необходимость сохранения сословного государства, в котором все, «начиная от земледельца до Монарха необходимо нужны, поелику каждое из оных есть не иное что, как звено, государственную цепь составляющее» (с. 37). «Сей общественный узел рассекать опасно»,— резюмирует Пнин, а Каржавин приписывает: «*так же как я и ты*» (с. 37). Он переводит, как нам представляется, разговор из области общественно-политических идей в сферу личной практики. Он сближает в этой ремарке свою судьбу с судьбой Пнина — незаконнорожденного сына кн. Н. В. Репнина: оба они, исторгнутые из своей социальной среды, не нашли места в обществе, основанном на неравенстве.

Пнин призывает к законодательному «искоренению злоупотреблений власти помещиков над их крестьянами и к утверждению и охранению собственности сих последних» (с. 56). Он видит в этом необходимую предпосылку просвещения и возлагает особые надежды на Александра I. Каржавин обходит молчанием этот пункт положительной программы Пнина. Есть, однако, основания полагать, что он не разделял его иллюзий. Он отмечает нотабене сентенции Пнина о том, что Россия имела «многих обладателей, но правителей мало», что повелевать государством и управлять

народом не одно и то же (с. 7), что «Доминианы и Калигулы повелевали Римом, но Ликурги и Солоны управляли Спартою и Афинами» (с. 8). Надеясь Петра I громкими эпитетами «великий», «бессмертный», «отец Отечества», «премудрый», Пнин отмечает все же, что «гений сего премудрого государя ..желая вдруг образовать Россию во всем ее пространстве, предпринимал для сего нередко такие меры, которые не только не произвели желанных успехов, но впоследствии показали даже в некоторых случаях совсем тому противное» (с. 10). Каржавин вскрывает противоречивость минской характеристики Петра I: «Где же мудрость, гении и проч.?» — спрашивает он. Отказывая в этих качествах Петру I, вряд ли он их видел в Александре I.

На вопросы Пнина, заготовленные для «нравственного устава» земледельцев, «какие суть еще учрежденные власти или начальства в России» и «посредством чего оные действуют» (с. 91), Каржавин многозначительно отвечал: «золото и...», «именными и...», подчеркивая злоупотребления и произвол, царившие в России.

60-летний Каржавин не разделял иллюзий 33-летнего Пнина на счет реальности воплощения в жизнь его проекта дозированного просвещения каждого из сословий (земледельческого, мещанского, дворянского и духовного) в соответствии с его основными «добродетелями», «из круга коих не должно оно выходить» (с. 57). «Определив таким образом обязанности, права, собственность земледельцев, нужно наипаче внушать им пользы и счастье, сопряженные с трудолюбивою и трезвою жизнью» (с. 93). Именно эти две добродетели, по мнению Пнина, должны быть присущи земледельцам. «На бумаге красно», — иронически замечает Каржавин. Пнин предлагает дать в уставе определение, что значат земледельцы в государстве, и обучать крестьян чтению по этому уставу (с. 94). Каржавин предсказывает результат этого проекта: «как скоро узнают оне, что значат, то ни один работать не будет» (с. 90) *Они перестанут пахать»* (с. 94). «Жребий земледельцев есть трудиться и обрабатывать землю...» — пишет Пнин. «А не учиться», — приписывает Каржавин. Критикуя идеи Пнина, Каржавин сам остается в плену сословных представлений. «Словом: земледельца должно обучать земледелию», — резюмирует Пнин (с. 95—96). «И гнать из городов», — предлагает Каржавин.

Намерение Пнина дать земледельцам «чистое понятие о боге, о вере и должностях христианина» (с. 93) не оставляет Каржавина равнодушным. Он отвергает его с присущим ему вольнодумством: «Они лучше знают бога толкование».

Каржавин был знаком не только с текстом произведения Пнина, но и с судьбой этого произведения и ее автора. «Опыт» вышел в свет без каких-либо цензурных осложнений, но в том же году нераспроданная часть тиража была конфискована. Подготовленное автором тем временем второе издание с пополнениями было запрещено цензурой как сочинение, возбуждающее крестьян против помещиков.

На внутренней стороне обложки нашего экземпляра читаем записи

Каржавина: «5 р. Запрещена. Сочинитель Иван Пнин побочной сын кн. Репнина, умер в 17-день в сентябре 1805-го года. Муза, ежемесячное издание 1796-го года, есть плод его пера»⁶⁸. «Просвещение должно быть образовано на сущности правительства, управляющего народом, требующим просвещения (Шапталъ)⁶⁹. Иван Петрович Пнин был кол. советником. Умер на 33-м году. Зри Северный вестник ч. VIII стран. 86 и 87»⁷⁰.

⁶⁸ Сведения Каржавина об этом журнале ошибочны. Он издавался И. И. Мартыновым. (см. СК, IV, № 186).

⁶⁹ Это перевод с французского языка эпитафия, помещенного на титульном листе. Эпитафия взят из сочинения видного французского ученого и политического деятеля Ж. А. Шапталя (J. A. Chaptal) «Rapport et projet de loi sur l instruction publique» (Paris, 1801).

⁷⁰ Ф. В. Каржавин ссылается на информацию о заседании Санктпетербургского Общества любителей словесности, наук и художеств от 20 сентября 1805 г. с сообщением о смерти и биографией И. П. Пнина («Сев. вестник», 1805, ч. 8, с. 86—87).

В фонд отдела редких книг книга поступила в 1937 г.

* * *

Кроме книг из библиотеки Ф. В. Каржавина в собрании отдела редких книг находятся три книги с его дарственными надписями —И. П. Кутайсову, М. К. Бороздину и Ж. Ф. Вовилье. Они вводят нас в круг знакомств Ф. В. Каржавина, его Деловых и дружеских связей.

В 1794 г. вышла в свет книга Каржавина, которую он назвал «Вожак»⁷¹. Автор умело использовал форму учебника французского языка для пропаганды своих просветительских взглядов. Правила произношения и написания французских слов, тексты на французском и славянском языках, выписанные из книг, изданных в XVI—XVIII вв., искусно маскируют его общественно-политические взгляды. Они «спрятаны» в параграфах «Примеры для чтения», «Чтение историческое», «Разные мысли», «О иносказательном, загадочном или шуточном писании французского языка», «Речения односложные». Иносказания, игра слов, недомолвки — его обычные приемы. «Просвещенный человек,— пишет он,— он может сказать все, что знает, и он видит, что остается еще много сказать после него; вот почему он молчит...» (с. 262—263).

⁷¹ Каржавин Ф. В. Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских. *Le guide fransais. Par Theodore Karjavine. Во граде св. Петра, у И. К. Шнора, 1794. [4], 286, [2] с. 8°.* На тит. л. эпитафия: «Le veritable honneur est d'etre utile aux hommes» (т. е.: истинная честь быть полезным людям). Инв. 10483. Старый шифр: № 28/109.

Мы не согласны с В. И. Рабиновичем, называющим книгу Каржавина

«манифестом революционной пропаганды в России конца XVIII в.»⁷², усматривающим в ней призыв к соотечественникам вступить на путь революционной борьбы. Каржавин предлагает в качестве программы государственного устройства конституционную монархию. «Горе тому народу, — утверждает Ф. В. Каржавин, — который отказывается от повиновения своему государю, судьям и законам под видом вольности, коя не находится нигде на земли» (с. 172). При этом он имеет в виду, что и тот и другие должны действовать по законам, установленным в интересах народа. «Подчинение закону — обязанность: полная независимость — глупость и несбыточная мечта», — выделяет он курсивом (с. 262). За плечами у Каржавина был опыт двух буржуазных революций, не принесших народу ни вольности, ни «полной независимости». Однако и эта умеренная программа после расправы с А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым, на фоне наводнивших русский книжный рынок сочинений, оплакивающих «несчастливого» Людовика XVI, могла показаться слишком смелой. Видимо, не случайно мы не нашли ни одного объявления о продаже «Вожака» в «Санктпетербургских ведомостях» за конец 1793 г. и весь 1794 г. За этим фактом могли крыться цензурные осложнения. Есть основания полагать, что книга вышла в свет в конце 1794 г., уже после контрреволюционного переворота 9 термидора, которым завершилась французская буржуазная революция. Одна из учениц Каржавина, родственница его друга Фекла Москвина упоминает в письме от 26 февраля 1795 г.⁷³ «Вожака» как книгу, которую он велит ей читать «для забавы», и делится с ним своими первыми впечатлениями. Видимо, она была получена ею совсем недавно.

⁷² Рабинович В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966, с. 47.

⁷³ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 100, л. 224—225.

Наш экземпляр «Вожака» был подарен Ф. В. Каржавиным камердинеру вел. кн. Павла Петровича Ивану Павловичу Ку-тайсову (1759—1834), в прошлом пленному турку, в будущем — всеильному фавориту имп. Павла I, оберштаб-майстеру и графу. На форзацном листе рукой Каржавина сделана дарственная надпись: «*Милостивому государю моему Ивану Павловичу его в. б. Кутайцову: от сочинителя; Коль не в пользу, так в забаву, сия детская книжка, для детей, с усердием приносится 1794*». Сыновьям Кутайсова Павлу и Александру было в 1794 г. соответственно 14 и 10 лет. Однако дар был сделан не только и не столько для их «забавы», как ради возможной «пользы». Каржавин был одним из самых активных деятелей из окружения В. И. Баженова, ориентировавшегося на наследника императорского престола. В его книге настойчиво развивалась идея о том, каким должен быть мудрый правитель. Это понятие, с точки зрения Каржавина, включало в себя: управление по законам в интересах своих подданных, забота о их благосостоянии, веротерпимость, правосудие, поддержание мира, покровительство наукам и искусствам, человеколюбие и доступность,

умеренность в личных потребностях. Курсивом выделяет он изречение, смысл которого — государь — слуга народа: «Потребность народа — часы государей; в какой бы час подданные их не потребовали, надо быть на часах» (с. 262). В уста «китайского императора» он вкладывает предупреждение правителям забывающим это золотое правило. Он сравнивает государя, с судом, а народ с водой, которая может или поднять, или потопить его (с. 202). С этой же целью Ф. В. Каржавин неоднократно затрагивает тему французской буржуазной революции, не высказывая, однако, до конца своего отношения к ней особенно интересно «Проречение» о судьбах этой революции: (с. 260). Это французское шестистишие сверстано таким образом, что его можно принять также за два шестистишия, напечатанные, в два столбца. В первом варианте возвеличивается король, предсказывается возврат к прежнему, государственному строю Франции, во втором, скрытом варианте предсказывается победа народа, выражающаяся в уничтожении деспотизма, установлении государственного строя, основанного на законе. Каржавин был бы не прочь, чтобы через Кутайсова, пользовавшегося влиянием у наследника, его идеи стали известны последнему и принесли свою «пользу».

Книга поступила в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев через А. Н. Неустроева.

М. К. Бороздину Каржавин подарил вышедшую в 1795 г. трехтомную «Историю Елисаветы, королевы аглинской» Г. Лети⁷⁴, в издании которой принимал непосредственное участие. На форзаце тома 1-го сделана надпись рукой Каржавина: «*Милостивому государю моему Матфею Корнельичу его высокоблагородию господину Бороздину; в знак почтения и благодарности; издатель Ф: К:»*

⁷⁴ *Лети Г. История Елисаветы королевы аглинской, переведения с Французского языка к. с. Андреем Рознотовским. Изд. 2-е, с прибавлением истиннаго характера сея королевы и ея фаворитов. Т. 1—3. Спб., печ. иждивением И. К. Шнора, 1795. Инв. 8248—8250. Старый шифр: А 137/92.*

Матвей Корнильевич Бороздин (1753—1817), в прошлом — капитан артиллерии, в 1790-х гг. был председателем 2-го департамента Санкт-Петербургского верхнего земского суда⁷⁵. Одним из заседателей этого суда в то время был муж сестры Каржавина обер-секретарь Сената Иван Сергеевич Ананьевский, впоследствии сотрудник А. Н. Радищева⁷⁶ по Комиссии, Для составления законов Российской империи. В 1792 г. Ф. В. Каржавин подавал апелляцию в этот суд в связи с тяжбой с братом по разделу оставшегося после смерти отца и матери наследства. Решение по этой апелляции было на редкость беспристрастным: обе стороны были оштрафованы за нарушение законов об оформлении крепостных записей, имущество предписано разделить поровну, с зачетом полученных ранее Ф. В. Каржавиным 10 тыс. руб., а дом утвердить по купчей за братом его Матвеем⁷⁷, М. К. Бороздин был

известен своей благотворительностью и беспристрастностью в качестве судьи. Возможно, что эти качества Бороздина Каржавин испытал лично на себе и имел основания выражать ему свое «почтение и благодарность». В 1797 г. он был в дружеских отношениях как с М. К. Бороздиным, так и с его братом — Василием Корнильевичем (1744—1805), который после длительной опалы был вызван Павлом I в Петербург и назначен подполковником в кавалерию. В письмах к жене Ф. В. Каржавин упоминает несколько раз Бороздиных: передает ей от них привет, сообщает о здоровье М.-К. Бороздина, о новом чине, полученном старшим братом, о том, что его дом в Петербурге находится рядом с баженевским, в котором живет Каржавин⁷⁸.

⁷⁵ См.: Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето... 1790. Спб., [1789], с. 126.

⁷⁶ Посредство Ананьевского — один из возможных путей установления личных связей Каржавина. С Радищевым.

⁷⁷ ИР Л И, ф. 93, оп. 2, № 100, л. 267—270 об.

⁷⁸ Там же, л. 81—82, 84, 87.

Книга поступила в Библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев в 1862 г. в составе библиотеки сына М. К. Бороздина — Константина Матвеевича (1781—1848), любителя отечественной истории, сенатора⁷⁹.

⁷⁹ ГБЛ, ОР, ф. 218, № 1320/1, Каталог библиотеки тайного советника Константина Матвеевича Бороздина, л. 19, № 366.

Третья книга — сочинение Е. Н. Каржавина о русском языке в переработке Ф. В. Каржавина⁸⁰ подарена последним восемь лет спустя после ее издания, в 1799 г., Ж. Ф- Вовилье. Надпись на переднем форзацном листе гласит: «*A monsieur Vauvilliers, de la part de l'éditeur. 1799 à Saint-Pétersbourg. Pour lui aider à connaître un peu la langue slavono-russienne laquelle n'est pas aussi sauvage comme quelques étrangers se le sont imaginé*». На заднем форзацном листе помещена любопытная заметка о том, что известный наш книгопродавец, впоследствии составитель «Опыта российской библиографии» В. С. Сопиков, в лавке которого продавалась книга Каржавина, говорит по-французски: «*ce livre se vend aux grandes boutiques, perspective du couvent Néovski, chez Mr, Sopikove, libraire, à gauche de la grande porte, en venant de la grande perspective; ce libraire parle français*».

⁸⁰ Каржавин Е. Н. *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet avec des pièces relatives à la connaissance de cette langue. Publiées et augmentées par Pheodore Karjavine, ancien interprète pour le roi à la Martinique. A Saint-Pétersbourg, [mun. Горного училища], 1791. [210] с. 8°.* Инв. МК III-739.

Жан Франсуа Вовилье (Jean François Vauvilliers, 1737—1801) — сын учителя Ф. В. Каржавина — Жана Вовилье, которому он оставил русские книги, уезжая в 1765 г. из Парижа. Эрудированный эллинист, служащий Королевской библиотеки, затем профессор греческого языка в Коллеж де Франс, член Академии надписей и художественной литературы, комментатор и издатель древних греческих рукописей Королевской библиотеки Ж. Ф. Вовилье в 1789 г. оказался в гуще революционных событий. Он был избран президентом Сент-Женевьевского района Парижа, помощником депутата Учредительного собрания; в качестве члена Парижского муниципалитета принимал активное участие в борьбе с голодом в 1790 г. Однако по мере развития революционных событий все более проявлялась его буржуазная ограниченность и умеренность в политических и философских взглядах, приведшая его в конечном счете в роялистский лагерь. При Директории он был избран членом Совета пятисот, но вскоре включен в проскрипционный список (4 сентября 1797 г.), эмигрировал в Швейцарию, а оттуда по приглашению Павла I в 1798 г. прибыл в Россию и был назначен им членом имп. Академии наук⁸¹. Здесь в Петербурге он вновь встретился с Ф. В. Каржавиным, и тот подарил своему старому знакомому эту книгу, «чтобы помочь ему немного узнать славяно-русский язык, который не так дик, как представляют себе некоторые иностранцы».

⁸¹ См.: Hoefler F. Nouvelle biographie générale. Т. 45. Paris 1866, col. 1039—1041; Nova acta Academiae scientiarum imperialis Petropohtanae. Т. 15. Petropoli, 1806, p. 12.

Книга поступила в Библиотеку им. В. И. Ленина в 1963 г. в составе библиотеки В. А. Десницкого.

В отделе редких книг имеется еще один экземпляр этой книги из библиотеки Ф. В. Каржавина с его владельческим штемпелем, оттиснутым на титульном листе красной краской. Книга поступила в Библиотеку Московского публичного и Ру-мянцевского музеев через А. Н. Неустроева⁸².

⁸² Инв. 15752. Старый шифр: Е 92/86.

* * *

В общей сложности мы рассмотрели 14 книг, два годовых комплекта журнала, один конвюлт, составленный Ф. В. Каржавиным,— почти все с его автографами. Разнообразие источников поступления этих книг в Библиотеку им. В. И. Ленина (Н. П. Румянцев, К. М. Бороздин, С. Д. Полторацкий, М. Ю. Виельгорский, А. Н. Неустроен, библиотека бывшего Генерального штаба, Имп. публичная библиотека, Общество истории и древностей российских, В. А. Десницкий) говорит⁰ чрезвычайно высокой степени рассредоточения книг Ф- В. Каржавина. Вместе с тем, откровенный характер его заметок на книгах

— веский аргумент в пользу их привлечения в качестве неперменного источника для характеристики философских и политических взглядов Каржавина. Только поставив в один хронологический ряд рукописные заметки Каржавина по поводу работы и роспуска Комиссии о сочинении проекта нового уложения 1768—1769 гг. с трезвой и резкой критикой политики Екатерины II; завуалированно выраженные в печатном тексте «Вожака» надежды найти в наследнике престола Павле Петровиче просвещенного монарха, правящего по законам, установленным в интересах народа, письма к жене 1799 г.⁸³, свидетельствующие о быстром разочаровании в правлении Павла I, заметки на полях «Опыта о просвещении» И. П. Пнина с критикой консервативных взглядов Пнина на французскую буржуазную революцию и слабых мест его просветительской программы и, наконец, распространение накануне вторжения в Россию Наполеона и собственной смерти «подметного» письма⁸⁴ Александру I с требованием «заняться исправлением монархии и критического ее положения» под угрозой вступления «сынов отечества» в столицу для перемены правления,— только с учетом всего этого можно составить правильное представление об эволюции взглядов Каржавина.

⁸³ ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 100, 1799, 31 окт., л. 92—92 об.

⁸⁴ См.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 1. London, 1859, с. 42-45.

Реконструкция библиотеки Каржавина — дело сложное, но она обещает интересные находки, которые помогут уяснить нам, в какой социальной среде и в какой форме находили отклик и сочувствие идеи и деятельность Н. И. Новикова и А. Н. Радищева.

*Т. И. КОНДАКОВА,
старший научный сотрудник*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИИ ИЗДАТЕЛЯ В РОССИИ В XVIII в.

Вопрос о формировании профессии издателя в России в XVIII в. весьма важен, так как он тесно связан с проблемой создания репертуара русской книги того времени. Развитие издательской деятельности в России, профессионализация ее повлияли на количественные и качественные перемены в деле производства книги. Появление в общественной жизни России, второй половины XVIII в. такой новой фигуры как издатель содействовало постановке всего дела производства книги на профессиональный уровень.

Участие частных лиц в производстве книги, нарушение монополии

государства в этой сфере — характерная черта русской общественной жизни второй половины XVIII в. Причем процесс возникновения частных издателей-профессионалов опередил и, по-видимому, во многом подготовил процесс возникновения частных типографов. В несомненном влиянии их вкусов, интересов, целей на характер издаваемой продукции того времени часто скрыто объяснение причин выхода в свет тех или иных книг.

Несмотря на очевидную важность проблемы, в специальной книговедческой литературе до сих пор не существует четкого определения понятия «издатель» применительно к условиям XVIII в.; полностью отсутствуют объективные критерии для выделения имен русских издателей XVIII в. из общей массы имен деятелей книги того времени; нет терминологической точности.

Поставленная проблема сложна по своей многоаспектности. Изучение ее немислимо без системного подхода к материалу, предполагающего установление взаимосвязи отдельных элементов книжного дела в России в XVIII в., без изучения фактов в социальном аспекте (в синхроническом и диахроническом временных срезах).

Сложность подобного исследования заключается также в трудности сбора информации. Часто документы безвозвратно потеряны для науки (так архив Московского университета почти полностью сгорел в 1812 г.). Недостающие звенья в цепи исследования приходится восстанавливать с помощью книговедческих методов.

Сам процесс формирования профессии издателя в России в XVIII в., происходивший в разных социальных сферах, также был весьма сложен.

В качестве возможных путей развития этой профессии в указанных исторических условиях гипотетически можно указать следующие: книгопродавец —> издатель; типограф —> издатель; литератор, просветитель —> издатель. Предполагается, естественно, что это только схематичное выражение множества возможных реальных вариантов.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать первые два пути формирования профессии издателя в России — из среды книгопродавцев и из среды типографов.

Среда книгопродавцев была особенно благоприятна для формирования издателя-профессионала. Хорошо зная книжный рынок, книгопродавцы могли дать наиболее трезвую оценку экономическим перспективам книгоиздательского дела. Кроме того, они по роду своей деятельности были постоянно связаны с типографиями, а также с авторами и переводчиками, искавшими возможность издать свои сочинения.

Типографы, являясь техническими исполнителями заказов издателей-профессионалов, в свою очередь, проходили «школу» такого рода деятельности и сами начинали заниматься ею.

Данное исследование построено на анализе материала, связанного с деятельностью в этих двух областях Христиана Ридигера и Христофора Клаудия, известных главным образом в качестве арендаторов типографии Московского университета. Длительность их деятельности (для Ридигера —

40, для Клаудия — 20 лет) дала возможность проследить их профессиональную эволюцию. Связь обоих с крупнейшими просветительскими учреждениями России (Московским университетом, Петровским театром) позволила вписать их историю в широкий контекст культурной жизни России того времени. Выбор подобного объекта изучения объясняется также и тем, что нам удалось обнаружить большой фактический материал о них как об издателях-профессионалах в их обширной книготорговой рекламе в газете «Московские ведомости».

Книготорговая и издательская деятельность Христиана Ридигера в 1763—1793 гг. Книготорговая деятельность Христиана Ридигера началась в 60-х гг. XVIII в. Важнейшим событием внутривосточной жизни России этих лет был дворцовый переворот 1762 г., следствием которого явилось воцарение императрицы Екатерины II. После двух лет правления Петра III, проводившего пропрусскую внешнюю политику, подавлявшего рост национальной русской культуры, новое царствование воспринималось как положительный сдвиг в социальной сфере.

Императрица щеголяла на первых порах своим либерализмом и даже некоторым свободомыслием. В 1767—1768 гг. была созвана Комиссия для составления нового Уложения. Комиссия должна была руководствоваться в своей работе Наказом, составленным Екатериной II на основании широкого использования сочинений передовых мыслителей XVIII в. И хотя это был лишь более тонкий, чем прежде, метод укрепления феодально-крепостнического строя, воспринималось все сначала как несомненное свидетельство социального прогресса. Оживление общественной жизни России в 60-е гг. XVIII в. повлекло за собой увеличение выпуска печатной продукции. Это, естественно, стимулировало книжную торговлю, обусловило приход в нее новых людей.

Именно в эти годы (8 августа 1763 г.) скромный университетский переплетчик Христиан Ридигер дает свое первое объявление в газете «Московские ведомости»¹ — по поводу завершения дел умершего переплетчика Христиана Готлиба Гекеля. Видимо, уже в этом, 1763 г. Ридигер торговал: в списке подписчиков на книгу Р. Г. Дильтея «Первые основания универсальной истории» (ч. 2, М., 1763) значится, что «господин Ридигер, Моск. Имп. университета переплетчик, взял 12 экземпляров». Такое большое число было явно взято для торговли².

¹ Далее название газеты «Московские ведомости» будет даваться в сносках в сокращении: «Моск. вед.».

² Ридигеру было в это время 37 лет. Родился он в 1726 г.: при его вступлении в «Общество на смертные случаи» в 1775 г. ему было 49 лет (Грот И. Х. Учреждение на смертные случаи общества. Спб., 1780, с. 18, № 206). Родом он был из Саксонии, что стало известно из объявления в «Моск. вед.» (1766, 7 янв., № 5) по поводу его намерения «для исправления необходимых надобностей на некоторое время... отъехать в свое отечество в

Саксонию...»).

В 60-е—начале 70-х гг. Ридигер торговал в основном иностранными книгами. Известен целый ряд каталогов его книжной лавки этих лет: «Catalogue de livres français, italiens, allemands, latins et russes...» (1765 г., 44 с.); «Catalogue de livres français, latins et allemands...» (1767 г., 40 с.); «Catalogue de livres français, allemands, latins et russes...» (1768 г., 40 с.); «Catalogue des livres français et italiens...» (1772 г., 56 с.); «Catalogue de livres français et italiens...» (1773 г., 46 с.); «Catalogue de livres français et italiens...» (1775 г., 78 с.)³.

³ В течение 1767—1793 гг. Ридигером было издано не менее 10 каталогов иностранных книг (сведения почерпнуты из картотеки составляющегося в настоящее время «Сводного каталога книг на иностранных языках, изданных на территории России в XVIII в.»).

Что касается торговли Ридигера русскими книгами, то она носила ограниченный характер. Сначала это была, видимо, торговля по договоренности с отдельными издателями; так, в объявлении в «Московских ведомостях» от 9 февраля 1767 г. говорится о продаже у Ридигера в его доме в Немецкой слободе трех новых книг; все они являются изданиями Владимира Золотницкого, автора и переводчика. Затем связи Ридигера-книгопродавца расширяются. В частности, объявление в «Московских ведомостях» от 10 августа 1767 г. содержит сведения о продаже Ридигером по комиссии книг нескольких частных лиц-издателей. Начиная с 1770 г., у Ридигера уже принимается подписка от имени Московской университетской типографии⁴. К услугам Ридигера университет обращается и в последующие два года⁵.

⁴ «Моск. вед.», 1770, 25 июня, № 51 — подписка на «Российский Целлариус» Ф. Гельтергофа (М. 1770).

⁵ «Моск. вед.» 1771, 22 Февр., № 15; 1772, 6 июля, № 54.

С 1772 г. с Ридигером начинает сотрудничать известный издатель и просветитель XVIII в. Н. И. Новиков: через «университетского переплетчика Крестьяна Ридигера, живущаго в Немецкой слободе», он объявляет подписку на свою «Древнюю российскую вивлиофику»⁶.

⁶ «Моск. вед.», 1772, 27 дек., № 104.

В следующем, 1773 г. Общество, старающееся о напечатании книг, возглавлявшееся Новиковым, объявляет о подписке в Москве на свое издание «История Китайского государства» Ж. Дю Гальда также через посредство Ридигера⁷. В № 92 «Московских ведомостей» от 17 ноября 1775 г. Ридигер предлагает вернуть деньги подписавшимся на «Сокровище российских

древностей». И в этом несостоявшемся по причинам финансового порядка начинании Н. И. Новиков пользуется услугами Ридигера.

⁷ «Моск. вед.», 1773, 17 сент., № 75.

К 1775 г. книготорговое дело Ридигера расширяется. Кроме торговли в Немецкой слободе в своем доме, он начинает торговать «в городе против Посольского двора, в нижних покоях Воскресенского подворья»⁸.

⁸ «Моск. вед.», 1775, 2 янв., № 1.

В большом объявлении «книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера» идет речь о продаже весьма значительного числа книг: это и новиковские издания (на которые сам Ридигер принимал подписку), и его собственные издания, и масса русских и иностранных книг, изданных в Москве и Петербурге⁹, что свидетельствует о широких книготорговых связях Ридигера.

⁹ Там же.

С 1775 г. Ридигер в своих объявлениях называет себя «университетским комиссионером». В это время он еще не имел контракта на содержание университетской книжной лавки, а продавал университетские издания в своих прежних лавках по комиссии. Подобная практика существовала в книготорговом деле того времени. Например, сохранился документ от 14 июля 1788 г., в котором купец Т. А. Полежаев «покорнейше просит Спб. имп. академию наук, дабы благоволено было ему называться академическим книгопродавцем и поставить в Москве над своею книжною лавкою императорский герб, поелику он Полежаев обязывается всех вновь выходящих академических российских книг, также и ежегодно печатаемых разных календарей, каждого звания по 10 экземпляров брать за наличные деньги с уступкою...»¹⁰. Очевидно, аналогичного характера условие было заключено Ридигером с университетом. Это было выгодно и Ридигеру, и университету; кроме того это была как бы реклама торгового дела Ридигера.

¹⁰ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР, ф. 3, оп. 1, № 383.

В 1775—1776 гг. в качестве университетского комиссионера Ридигер ведет обширную торговлю русскими и иностранными книгами. «Безденежно» предлагает реестры русских книг¹¹. В «Реестре российским книгам...», напечатанном в типографии Московского университета в 1776 г., Ридигер рекламирует 249 изданий (242 русских и 7 латинских названий). Видна его ориентация на вкусы широких кругов читателей: здесь представлено большое число изданий переводной и русской художественной

литературы развлекательного характера, панегирическая литература, научно-популярная литература утилитарного назначения, теологические сочинения, оракулы и т. д.

¹¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. 3. М., 1966, с. 478, 481, № 8917, 8937.

В 1777 г. Ридигер заключает контракт на содержание книжной лавки Московского университета ¹² и дает ряд объявлений о продаже книг в этой лавке ¹³. В книге Д. А. и П. А. Рахмановых «Разговоры и комедии на французском и российском языках...», напечатанной в типографии Московского университета в 1778 г., Ридигер называет себя «книгосодержателем», т. е. держателем университетской книжной лавки.

¹² Неизданный документ об аренде Н. И. Новиковым типографии Московского университета. Публ. Маштафарова А. В. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 28. 1974, с. 153.

¹³ См., напр.: «Моск. вед.», 1777, 21 июля, № 58; 1777 4 авг., № 62. Ср. также данные ЦГАДА, опубликованные в работе Н. А. Пенчко «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в.» (Т. 3. М., 1963, с. 469).

С весны 1779 г. арендатором университетской типографии и владельцем ее книжной лавки (с ноября 1779 г.) становится Н. И. Новиков. В контракте от 5 июня 1779 г. об аренде типографии Московского университета Н. И. Новиковым ¹⁴ есть специальный пункт о передаче университетской книжной лавки от Хр. Ридигера Н. И. Новикову. В нем, в частности, говорится: «От нынешнего книгопродавца Ридигера... по силе заключенного с ним в университете... контракта... принять мне и университетскую книжную лавку со всеми находящимися в ней казенными книгами по описи...» Однако это обстоятельство не подорвало книжной торговли Ридигера в его собственных книжных лавках.

¹⁴ См.: Неизданный документ... с. 152—156.

С 1784 г. он возобновляет контакты с Новиковым: возвращает себе звание университетского книгопродавца, снова фактически став комиссионером типографии Московского университета.

Ридигер был книгопродавцем, обладавшим высокой профессиональной культурой. Об этом, в частности, говорит ежегодный выход в свет его книгопродавческих росписей (их издавали в то время в России далеко не все книгопродавцы).

Фонды книжных лавок Ридигера были весьма значительны: его книготорговые каталоги насчитывали около полутора тысяч названий.

В рассматриваемый период Ридигер выступает также и в качестве

книгоиздателя. Так, в типографии Московского университета в 1768 г. вышла в свет «Комедия обманутой жених...» Л. Гольберга. В конце текста этой книги читаем: «Печатана коштом Христиана Ридигера имп. Московского университета переплетчика, у которого и продается».

Издательская, пока еще непрофессиональная, деятельность Ридигера продолжается и в последующие годы. Выходит в свет ряд книг, напечатанных в типографии Московского университета и изданных его «иждивением»: в 1770 г. «Ядро российской истории...» А. И. Манкиева и «Записки... герцога Сюлли...», в 1773—1776 г. «Спутник и собеседник веселых людей...» К. Ф. Николаи, в 1776 г. «Православие святой греческой церкви...» Д. Г. Пургольда, комедия «Испытанное постоянство» Н. П. Николева, «Геометрия» И. Ф. Вейдлера, эпистолы Исократ на латинском языке.

Весьма интересное свидетельство взаимоотношений переводчика «Записок... герцога Сюлли...» М. И. Веревкина и их издателя Хр. Ридигера содержится в письме М. И. Веревкина 1797 г.¹⁵ «Сюлиевы Записки... печатаны в Университетской типографии иждивением книгопродавца Ридигера, от которого за каждой том брал я по 500 рублей». При сопоставлении функций издателя, финансирующего выход книги в свет, и переводчика, получающего гонорар за свой труд от издателя, начинают вырисовываться черты будущей профессиональной издательской деятельности Ридигера.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 17, д. 118, л. 4.

Активное сотрудничество Ридигера с типографией Московского университета и с Н. И. Новиковым в 70-х гг. не могло не подготовить его к собственной книгоиздательской деятельности. Очень важным в плане профессионализации издательской стороны деятельности Ридигера является предпринятое им в 1778 г. издание журнала «Сельский житель», где он впервые называет себя «издателем»¹⁶.

¹⁶ «Сельский житель...». Ч. 1. М., 1778, с. [2].

Автором текста и редактором этого журнала был А. Т. Болотов, известный популяризатор научных знаний в области экономики. А. Т. Болотов в своих мемуарах подробно рассказывает о роли Ридигера в создании и последующем издании журнала «Сельский житель». Вспоминая о своей встрече с Х. Ридигером во время пребывания в Москве в 1778 г., А. Т. Болотов пишет: «Но в сей раз, при неоднократных свиданиях с знакомцем моим Ридигером, сделавшимся уже из переплетчиков университетским книгопродавцем, каким-то образом дошел у нас разговор о сем предмете. Предприимчивый немец сей не успел услышать и узнать расположение моих о том мыслей, как ухватился наижарчайшим образом за меня и не только стал одобрять мою затею, но и возможным образом меня ободрять и

побуждать пуститься на сие отважное дело, и нимало не медля приступить к произведению оногo в действо. А чтоб удобнее меня к тому преклонить, то предлагал мне собственное к тому свое вспоможение и услуги. Он *брался не только печатать журнал сей на своем иждивении и коште, но принять на себя и все хлопоты с печатанием и издаванием его сопряженные, а мне предоставлять только труды к сочинению материи потребной и пересылать к нему оные в надлежащее время: а дабы мне трудиться над ним не попусту, а получить и самому от издания сего пользу, то предлагал мне за годичный труд 200 рублей награды*¹⁷ (курсив мой. — Г. Я.).

¹⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. 3. М.—л., 1931, с. 256—257.

Из этого рассказа вырисовываются взаимоотношения Ридигера — издателя и Болотова — редактора и автора. Обращает на себя внимание четкое разделение функций между ними.

Из других источников¹⁸ нам известно также об организации Ридигером подписки на «Сельский житель».

¹⁸ «Сельский житель,..», с. 14—16.

Все это: «хлопоты, с печатанием и издаванием... сопряженные», выплата гонорара редактору, организация подписки — черты возникающего профессионализма деятельности издателя.

В рассматриваемый период Ридигером было издано не менее 17 книг. Кроме названных выше им были, изданы в типографии Московского университета в 1777 г. труды Плутарха на греческом и латинском языках, в 1778 г. «Разговоры и комедии...» Д. А. и П. А. Рахмановых, в 1779 г. «Краткая немецкая грамматика» М. И. Агентова и в 1793 г. «Abriss einer Beschreibung von Moskwa», а также в Сенатской типографии в Москве в 1781 г. «Начальные основания металлургической химии...» Х. Э. Геллерта и в 1784 г. «Ядро российской истории...» А. И. Манкиева (2-е изд.).

В годы аренды Новиковым университетской типографии Ридигер издал в ней лишь одну книгу. Видимо, Н. И. Новиков не нуждался в этот период в сотрудничестве с частными книгоиздателями. Издательской деятельности Ридигера мешало отсутствие стабильной типографской базы. Он как начинающий издатель не мог выдержать конкуренции с Новиковым, уже завоевавшим книжный рынок и приобретшим значительно больший авторитет и известность издателя.

Некоторые книги на иностранных языках, изданные Ридигером в 70—90-е гг. XVIII в., были напечатаны за границей — в частности, исторические труды А. И. Манкиева и С. И. Плещеева на немецком языке, «Tableau de l'histoire de Russie...» Ж. Ф. Вегелина и «Le livre a la mode ou le Philosophe rêveur» Des Ess art'a. Как правило, Ридигер обращался к услугам типографии Брейткопфа в Лейпциге. Подобную практику можно, видимо, рассматривать

как дополнительное свидетельство развивающейся профессионализации издательской деятельности Ридигера.

По своему характеру издания Ридигера — беллетристические, исторические и «экономические».

Деятельность в сфере книжной торговли, большие связи в этих кругах, сотрудничество с Новиковым, с типографией Московского университета — все это способствовало пониманию запросов "книжного рынка, обретению навыков профессии издателя,

Анализ начального этапа деятельности Ридигера дает возможность увидеть истоки одного из возможных путей формирования издателя-профессионала: переплетчик, книгопродавец, периодически обращающийся к издательской практике, которая постепенно обретает черты профессионализма.

Типографская, книготорговая и издательская деятельность Христофора Клаудия в 1783—1795 гг. Данные о прапорщике Христофоре Клаудии, компаньоне Ридигера по аренде университетской типографии, более скупы. Первые свидетельства о его деятельности в сфере создания и распространения книги появляются на 20 лет позже, чем о Ридигере.

Конец 70-х — начало 80-х гг. XVIII в.— весьма важный этап производства и распространения книги в России. Еще с начала 60-х гг. наметился несомненный рост выпуска книжной продукции. Он был вызван к жизни развитием частного книгоиздательства. Государственные типографии (хотя их существовало к 1780 г. десять) не обеспечивали достаточной базы для публикации обширного отечественного и переводного литературного материала. Книгопечатание оставалось монополией государства. Сначала были приняты полумеры: с 1773 г. государственные типографии стали сдаваться в аренду частным лицам; в 1771 г. иноземцу Гартунгу была дана привилегия «на заведение в С.-Петербурге вольной типографии и словолитной» для печатания книг только на иностранных языках¹⁹, в 1776 г. был издан указ Сената²⁰ «о дозволении книгопродавцам Вейтбрехту и Шнору завести собственную типографию» для печатания книг не только на иностранных, но и на русском языках. Широкое распространение получило издание книг в государственных типографиях «на иждивении» частных лиц. Все это свидетельствовало о назревшей необходимости отмены государственной монополии в книгопечатании. И, наконец, 15 января 1783 г. был издан указ Сената²¹ о позволении «во всех городах: и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках, с освидетельствованием оных от управы благочиния»,

²¹ Там же, № 15634.

С 1783 г. начинается бурный рост частных типографий в России: в 1783 г. их возникает 6, в 1784 г.— еще 4, в 1785 г.— 5 и т. д.

Именно в 1783 г. и открывает свою «Типографию при Театре» в Москве прапорщик Христофор Клаудий (типография просуществовала до

1795 г.). В типографии за эти годы было напечатано около 130 книг. По своей производственной мощности она была для своего времени небольшой, однако располагала солидным набором разнообразных шрифтов и орнаментальных украшений (среди них — 49 досок для воспроизведения виньеток, заставок, концовок и т. д.)²².

По данным неопубликованного «Альбома книжной орнаментики XVIII в.» Е. И. Кацпржак, хранящегося в отделе редких книг ГБЛ.

По своему содержанию продукция типографии неоднородна. Весьма значительную часть составляет драматургическая литература, что позволяет считать типографию Клаудия в какой-то степени специализированной (что выражено и в ее названии «при Театре»). Очень много печаталось здесь также переводной беллетристики, религиозной и нравоучительной литературы; несколько меньше — медицинской и учебной.

Такое разнообразие ассортимента продукции типографии в какой-то мере объяснимо сотрудничеством в ней ряда частных издателей. Так, «партикулярный в Москве благородного юношества учитель» Е. Д. Войтяховский издавал на свои средства в типографии Клаудия собственные учебники по математике и фортификации, врач Х. Пекен — свой «Домашний лечебник»; московский книгопродавец Никита Водопьянов — наиболее ходкий литературный товар, как-то: приключенческие переводные повести, сентиментальные романы, нравоучительные речи. Другой московский купец Яков Бибер печатал здесь и медицинскую, и учебную литературу. Семинария Троице-Сергиевой лавры напечатала у Клаудия трактат Феофана Прокоповича; библиотекарь В. Вороблевский — «Собрание любовных повестей», переведенное им самим с французского языка. Лишь в шести книгах, напечатанных в типографии Клаудия, на титульном листе указано: «Изданием Х. Клаудия». Таким образом, если доверять информации, помещенной в книгах, — лишь в 5%-продукции своей типографии Клаудий выступал как издатель. Газетные объявления о продаже типографской продукции Клаудия (просмотрены в качестве типичного примера «Московские ведомости» за 1791 и 1792 гг.) подтвердили предварительный вывод: объявления о продаже как собственно издательской, так и просто типографской продукции Клаудия помещены в рекламах самых различных лавок, здесь нет никакой закономерности в контактах с книгопродавцами, нет никаких тонкостей в формулировках объявлений, которые позволили бы воспринять их как издательские объявления Клаудия,

Таким образом, можно утверждать, что Клаудий в рассматриваемый период был прежде, всего типографом. Его издательская деятельность носила эпизодический характер.

Торговая деятельность Клаудия в эти годы была весьма скромна. Судя по объявлениям в газете, своей лавки он не имел. Торговать он или в конторе Петровского театра²³, или прямо в типографии²⁴, или в доме священника на Петровке напротив театра, где он жил²⁵.

²³ «Моск. вед.», 1785, 22 янв., с. 76; 1788, 4 ноября, № 89, с. 807.

²⁴ «Моск. вед.», 1786, 7 марта, № 19, с. 206; 1791, 24 дек., № 103.

²⁵ «Моск. вед.», 1788, 18 окт., № 84, с. 769; 1788, 4 ноября, № 89, с. 807; 1788, 11 ноября, № 91, с. 823; 1790, 8 июня, № 46, с. 694.

Таким образом, Клаудий к 1793 г. как будущий компаньон Ридигера по аренде университетской типографии был по преимуществу типографом-профессионалом (его издательская и книготорговая деятельность не несла в себе черт профессионализма).

При объединении Ридигера и Клаудия важно было, видимо, не только объединение их капиталов, но и объединение их профессий — книгопродавца у одного и типографа — у другого (при некотором опыте обоих в издательской деятельности).

Издательская и типографская деятельность Ридигера и Клаудия в период аренды типографии Московского университета (1794—1800 гг.). С 1794 г. Христиан Ридигер совместно с Христофором Клаудием становится арендатором типографии Московского университета.

К этому времени давно миновал официально санкционированный подъем русской общественной жизни, показной либерализм императрицы и ее двора. Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, революционная книга А. Н. Радищева, широко развернувшаяся просветительская деятельность Н. И. Новикова и его сподвижников, «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, содержащий обличение самодержавия, — отрезвили вольтерьянствующую аристократию России. События французской революции довершили ее возврат к реакции.

В 1790 г., после выхода в свет книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и ссылки ее автора в Сибирь «на десятилетнее безысходное пребывание», принимаются срочные меры по ограничению частного книгоиздательства и частной книжной торговли. Ведь в это время в книжных лавках Петербурга и Москвы продавалось множество изданий революционной Франции. По свидетельству московского губернатора П. Лопухина, «никогда столько ввозимо иностранных к книгопродавцам книг... не было, как ныне»²⁶.

²⁶ Цит. по: Штранге М. М. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, с. 54.

В феврале 1790 г. петербургская управа благочиния обивала книготорговцев и типографов приносить в управу до опубликования в «Санктпетербургских ведомостях» тексты объявлений о печатающихся и впервые поступающих в продажу книгах. Кроме того управа потребовала от Академии наук, чтобы «к пресечению впредь вкравшихся злоупотреблений» в «Санктпетербургских ведомостях» не печатались объявления о продаже книг, не подписанные к печати одним из членов управы благочиния²⁷.

²⁷ См.: Полонская И. М. И. г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. — Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1965, т. 8, с. 157.

Настороженно начинает относиться правительство к политическим сообщениям в периодической печати. Инструкция 1791 г., данная издателям газет, предписывает «сократительно переводить о смутах во Франции ныне царствующих, я не упускать прибавлять известие или примечание колико их колобродство им самим вредно»²⁸.

²⁸ См.: Полонская И. М. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера. — Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1965, т. 8, с. 157.

Преследования Н. И. Новикова, завершившиеся заключением его в 1792 г. в Шлиссельбургскую крепость, его физические недуги и материальное разорение привели к полному уничтожению его книгоиздательского и книготоргового дела.

В 1792 г принимаются дополнительные меры по ограничению продажи иностранной литературы в России.

И, наконец, издается указ от 8 февраля 1793 г.²⁹ «о прекращении сообщения с Францией по случаю произошедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI», производится цензура всей ввозимой из-за границы литературы в портовых и пограничных городах Российской империи, повсеместно обыскиваются книжные лавки, уничтожаются кажущиеся подозрительными книги в Москве и Петербурге.

²⁹ См.: ПСЗ, № 17101.

В условиях политической реакции важное, как никогда, значение приобретает развитие художественной литературы.

Арендаторы типографии Московского университета, имевшие в своих руках солидную типографскую базу, обладали реальной возможностью влиять на это развитие. Достаточно вспомнить слова Н. М. Карамзина из его письма к И. И. Дмитриеву от 22 июня 1793 г., выражавшего беспокойство о судьбе университетской типографии перед ее арендой Ридигером и Клаудием: «Судьба университетской типографии еще не решена. Может быть она достанется какому-нибудь Водопьянову или Пономареву — вообрази же, в каких руках будет московская литература!»³⁰

³⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примечаниями и указателем, составленными Я. Гротом и П. Пекарским. Спб., 1866, с. 40.

Деятельность Н. И. Новикова в университетской типографии JB 1779—1789 гг., в результате которой необыкновенно поднялся издательский авторитет этого учреждения в широких читательских кругах России, а

издания его стали средством пропаганды просветительских идей, стала негодна правительству. Ему было отказано в продлении срока аренды типографии. С 1 мая 1789 г. аренда ее была передана преподавателю землемерного искусства, и публичному нотариусу А. А. Светушкину. Однако через три месяца он умер, и аренда типографии перешла к его родственнику и опекуну его детей В. И. Огорокову, который был известен своей деятельностью в качестве издателя журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований» с демократической ориентацией на широкий круг читателей. В типографии Московского университета в годы его арендаторства печатались «эстампы и книги, клонящиеся к развращению нравов», а также относящиеся «к правлению, а паче к французской революции»³¹. Кроме того, В. И. Огороков являлся помощником выдающегося русского архитектора В. И. Баженова, бывшего в немилости у Екатерины II и ее двора³². Естественно, что такой арендатор также не мог быть угоден правительству Екатерины II, тем более в 1793 г.

³¹ См.: Штранге М. М. Указ, соч., с. 138.

³² См.: Тимковский И. Ф. Памятник И. И. Шувалову, основателю и первому куратору имп. Московского университета. «Москвитянин» 1851, ч. 3, отд. 1. с. 44.

Арендаторами типографии становятся лояльно настроенные по отношению к правительству, весьма умеренные в своих политических воззрениях, уже известные своей деятельностью в сфере производства и распространения книги Христиан Ридигер и Христофор Клаудий. Однако они не оказались беспринципными дельцами на этом своем поприще чего так боялся Н. М. Карамзин, тревожась за судьбы отечественной литературы.

Деятельность Ридигера и Клаудия как арендаторов одной из крупнейших типографий России своего времени и издателей-профессионалов не складывалась стихийно. Они совершенно сознательно формировали свою издательскую программу и неоднократно говорили о ней в рекламах своих изданий. В качестве примера можно привести следующие заявления: «Упомянутые содержатели типографии постараются угодить вкусу любителей чтения строгим выбором издаваемых ими книг, как сочинений, так и переводов»³³; «Университетская типография, прилагая все возможное старание к доставлению почтенной публике на отечественном языке книг во всех частях наук и сведений, полезных и нужных, тем не меньше обращает внимание и на издание переводов и сочинений, в особенности относящихся до экономии вообще, и всех отраслей ее частно...»³⁴.

³³ «Моск. вед.», 1794, 4 янв., № 1, с. 10.

³⁴ «Моск. вед.», 1797, 23 дек., № 102.

Дальнейший конкретный анализ типографской и издательской деятельности Ридигера и Клаудия в период аренды университетской

типографии покажет, как эта их издательская программа реализовалась, какого рода книжную продукцию поставляла в эти годы на книжный рынок России типография Московского университета³⁵.

³⁵ Необходимо отметить высокий профессиональный уровень деятельности Ридигеса и Клаудия в качестве типографов. Свидетельством этого, в частности, являются «Образны литер, находящихся в типографии императорского Московского Университета, во время содержания оной Христианом Ридигером и Христофором Клаудием» (М., 1796).

При исследовании деятельности любого владельца или арендатора типографии XVIII в. прежде всего встает вопрос: как выделить собственно издательскую продукцию этого типографа из общей массы продукции его типографии? Здесь не может быть Универсального решения.

Для выделения собственно издательской продукции арендаторов типографии Московского университета Ридигера и Клаудия нами была выработана специальная методика. Это было достигнуто путем сопоставления ряда фактов и явлений общественной жизни России 90-х гг. XVIII в, связанных так или иначе с практикой книгоиздательства и книжной торговли тех лет. Так, упоминавшийся выше указ управы благочиния от 26 февраля 1790 г обязывал каждого, кто намеревался продать вновь изданную книгу, опубликовать о ней сообщение в печати. Практика книжной торговли того времени показывает, что эти объявления давал или сам издатель (в том случае, если он лично занимался продажей книги), или книгопродавец, заключивший соглашение с издателем о продаже его книги. Нами было установлено, что университетская книжная лавка, продавая издания других типографий или частных лиц, подвизавшихся в университетской типографии, сопровождала свои объявления словами «по комиссии», а рекламу собственных изданий давала от своего имени.

Анализ всех объявлений в «Московских ведомостях» университетской книжной лавки за 1794—1800 гг. позволил выделить собственно издательскую продукцию арендаторов Ридигера и Клаудия из общей массы печатного материала этой типографии.

**Распределение по годам издательской продукции Ридигера
и Клаудия в период аренды типографии
Московского университета (1794—1800 гг.)**

Издательская продукция	Год						
	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800.

Книги — в томах, газеты и журналы — в годовых комплектах	44	40	32	23	24	18	17
В страницах	14881	22121	16542	11445	12292	9799	7233

Наименования изданий с пометой на титульных листах «иждивением Ридигера и Клаудия» все без исключения вошли в раздел объявлений, написанных от имени арендаторов типографии Московского университета. Это подтверждает правильность избранной нами методики. Достоверность ее доказывает также и то, что во всех случаях, когда на титульных листах значится: «иждивением» какого-либо другого лица,— объявления университетской книжной лавки даются с отметкой «по комиссии», или же подобные издания рекламируются другими книжными лавками.

С помощью разработанной методики был определен количественный состав собственно издательской продукции Ридигера и Клаудия. Это 198 единиц, что составляет 46,5% от всего типографского печатного материала Московского университета 1794—1800 гг. (426 единиц, соответствующих в свою очередь 5% всех изданных в России в 1725—1800 гг. книг гражданской печати). Издательская продукция Ридигера и Клаудия за эти годы насчитывает 80 330 страниц.

Из таблицы видно, что подъем издательской деятельности Ридигера и Клаудия совпал с 1795 г. Затем начинается постепенный спад. Он сопровождается повышением процента выпуска продукции других издателей, обращавшихся к услугам этой типографии.

В 1800 г. Христиан Ридигер умер³⁶. С 1801 по 1805 г. единоличным арендатором типографии Московского университета являлся Христофор Клаудий³⁷. Характерно, что начиная с 1798 г. в типографии Московского университета появляются книги с пометой на титульных листах: «иждивением Хр. Клаудия» (в 1798 г.— 6 единиц, в 1799 г.— 2 единицы).

³⁶ В № 99 «Моск. вед.» от 12 декабря 1800 г. (с. 2148) помещено объявление «наследников университетского книгопродавца и комиссионера Христиана Ридигера» — его сыновей Карла и Эргота Ридигеров — относительно «претензий к покойному».

³⁷ Христофор Клаудий умер в 1805 г. (см.: «Московский курьер», 1805, ч. 2, с. 151.)

Подводя итоги статистического анализа, касающегося количественных характеристик типографской и собственно издательской деятельности арендаторов типографии Московского университета Ридигера и Клаудия, можно сказать: в этот период они — уже издатели-профессионалы, а не

РОСПИСЬ
РОССІЙСКИМЪ
КНИГАМЪ,

ПРОДАЮЩИМЪ
безъ переплета и въ разныхъ переплесахъ
въ

КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

на Тверской, гдѣ была прежде Межевая
Канцелярія,

ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Уни-
верситета Типографіи у Содержателей
Христиана Ридигера

и

Христофора Клаудія.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА,

1798.

Роспись российским книгам, продающимся ... в книжной лавке ... Имп. Московского университета типографии у содержателей Христиана Ридигера и Христофора Клаудия. Москва, 1798. ГБЛ

только типографы. 46,5% продукции типографии Московского университета за эти годы — их издательская продукция.

Интересным свидетельством профессионализма издательской деятельности Ридигера и Клаудия является объявление, помещенное на обороте титульного листа «Росписи российским книгам, продающимся... в книжной лавке... имп. Московского университета типографии у содержателей Христиана Ридигера «Христофора Клаудия» (М., 1798): «Есть ли кто по сему реэстру разных книг, печатанных на иждивении Типографии, возмет в переплете на 100 руб. тому на 10 руб. сверх того дастся даром; а есть ли кто возмет на 500 руб. тому на 100 руб.». Подобное привлечение покупателей именно к этой части продукции типографии говорит о том, что арендаторы ее Ридигер и Клаудий четко разграничивали свою деятельность в качестве типографов и в качестве издателей.

Анализируя собственно издательскую продукцию Ридигера и Клаудия периода аренды типографии Московского университета, нельзя не отметить традиционного для них подбора издаваемой ими литературы. Это прежде всего переводная и отечественная художественная литература развлекательного характера (например, «Продолжение тысячи и одной ночи...» — 1794—1795 гг.; «Стеллино...» Ж. Гурбийона, «Жизнь Карла Эдуарда...», «Жизнь девицы Матильды...» Э. Инчболд — 1794 г.; «Новой спутник и собеседник веселых людей...» К. Ф. Николаи; «Письма Йорика к Элизе...» Л. Стерна — 1795 г.; «Генрих... Дельмор...» А. М. Беннет; «Пламир и Раида...» Д. П. Горчакова; «Попугай» А. Коцебу — 1796 г.; «Негр» Ж. Лавалле — 1797—1798 гг.; «Собрание трогательных повестей...» А. Ф. Прево Д Экзиля — 1798 г.; «Раздраженный муж...» А. Ф. Малиновского, «Приятное препровождение вечернего времени» — 1799 г.; «Приключения Бониквиста...» — 1800 г.). Сюда же в какой-то степени относится и панегирическая литература (в качестве примера можно назвать «Оду к российскому юношеству...» М. Л. Магницкого — 1794 г., «Оду на случай присяги московских жителей... Павлу Первому...» Н. М. Карамзина — 1796 г., «Оду... Павлу Первому...» М. М. Хераскова — 1796 г.).

Иллюстрация:

Роспись российским книгам, продающимся ... в книжной лавке .. Имп. Московского университета типографии у содержателей Христиана Ридигера и Христофора Клаудия. Москва, 1798. ГБЛ

В соответствии со своей издательской программой, предусматривающей доставку «почтенной публике на отечественном языке книг во всех частях наук и сведений, полезных и нужных», Ридигер и Клаудий выпускают в свет целый ряд научно-популярных изданий по разным отраслям знания («Известие о Пелевских островах...» Д. Кита — 1794 г.; *Icones plantarum Mosquensium...*» Ф. Стефана — 1795 г.; «Начертание знатнейших народов света...» — 1798 г.; «История насекомых...» П. Ж. Бюкоза — 1794 г.; «Физиология...» И. Ф. Блюменбаха — 1796 г.; «Всеобщая

врачебная химия...» И. Ф. Жакена — 1795 г.; «Физика истории...» Т. Ж. Пишона и «Начертание всеобщей истории...» — 1794 г.; «Картина... состояния Англии» К. Ф. Морица — 1795 г.; «Отборные плоды... умов» Б. Гербело де Моленвиль — 1794 г. и др.).

Своим подписчикам и покупателям Ридигер и Клаудий обещали также обращать внимание «на издание переводов и сочинений, относящихся до экономии вообще, и всех отраслей ее частно». Выполняя это свое намерение, они издают значительное число «экономических» книг утилитарного назначения («Школа Деревенской архитектуры...» Ф. Куантеро, «Искусный эконом...» И. Майера, «Новая для красильщиков книга...», «Руководство к познанию и врачеванию младенческих болезней...» Н. Розена фон Розенштейна — 1794 г.; «Новое земледелие...» А. В. Рознотовского — 1794—1800 г.; «Хозяйственный деревенский календарь...» — 1794 г.; «Всеобщее и полное домоводство...» В. А. Лезшина — 1795 г., его же «Словарь поваренный...» — 1795—1797 гг.; «Полный русский конской лечебник...» Л. М. Эвеста — 1795 г.; «Начальные основания повивального искусства» И. Я. Пленка — 1796 г.; «Роспись с описанием... иностранных плодов...» Ф. А. Мейера — 1800 г.).

В эти годы Ридигер и Клаудий выпускают также большое число изданий учебной литературы, что было связано с назначением арендуемой ими типографии — типографии Московского Университета, одного из крупнейших учебных заведений России. Среди этих изданий был целый ряд учебных пособий по математике (например, «Арифметика» и «Геометрия» И. Ф. Вейдлера — 1795 г., «Курс математики...» Э. Безу — 1798-1800 гг. и его «Сферическая тригонометрия...» — 1799 г.), значительное число учебников для изучения русского и иностранных языков («Учебная книга в пользу средних французских классов...» И. А. Гейма и «Начальные основания французского языка...» — 1794 г., «Аглинская грамматика...» В. С. Кряжева — 1795 г. «Краткие правила польского языка...» Я. И. Благодарова и «Сокращенный курс российского слога...» В. С. Подшивалова — 1796 г., «Этимология...» Т. И. Перелогова — 1797 г., «Новая латинская азбука...» Д. П. Тростина — 1799 г. и др.), двуязычные и многоязычные словари («Словарь простого или общенародно ныне греками употребляемого языка...» Мефодия (Смирнова М. А.) — 1794 г., «Полный латинский Геснеров лексикон...» — 1761—1798 гг., «Новый и полный словарь. Первое отделение, содержащее немецко-российско-французский словарь...» И. А. Гейма — 1796—1797 гг. — и его же «Новый российско-французско-немецкий словарь...» — 1799—1802 гг.), книги общепедагогического характера (например, «Детское училище» М. Лепренс де Бомон — 1795 г. и «Разговоры о физических и нравственных предметах» М. Н. Баккаревича — 1800 г.).

С учебной направленностью деятельности университетской типографии также связано, очевидно, и издание нравоучительной литературы: «Сто четыре священные истории...» И. Гюбнера и «Библейская нравоучительная книжка для взрослых...» Я. Ф. Феддерсена — 1795 г.,

«Основания всеобщего нравоучения...» Э. Бертрана — 1796 г., «Зритель божиих дел...» — 1796—1797 гг. и др.

Ориентируясь на вкусы широких читательских слоев того времени, Ридигер и Клаудий издавали весьма популярные в то время «ворожеи», «сонники» и т. д., например в 1795 г.— «Открытое таинство картами гадать...» и «Ворожея...», в 1796 г.— «Безвредная ворожея...» Г. Богданова.

За этот период в типографии Московского университета вышло в свет девять периодических изданий.

«Московские ведомости» издавались ими как традиционная газета Московского университета. В это время газета приобретает в какой-то мере характер занимательного чтения; в ней почти отсутствуют сообщения о революционных событиях в Западной Европе.

В «Замечании» о «Ведомостях» 1795 г. А. Т. Болотов писал, что «Ридигер вздумал для привлечения множайших читателей присовокуплять к каждому номеру и несколько мелких статей под именем „Смесей...“, но неизвестно, удастся ли ему сие намерение... тем паче, что чрез то отнималось в газетах много места для помещения иностранных новостей. Сии и в нынешний год сообщаемы были не все... самые же интереснейшие... касающиеся до польских и французских дел, и в сей год были совсем не сообщаемы... Все таковым молчанием и утаеванием были крайне недовольны, и повсюду слышны были роптания на газетира, хотя сей бедняк нимало не был тому причиною, но хотя и усердно того хотел, но не смел того делать, что не угодно было правительству»³⁸.

³⁸ Губерти Н. В. Андрей Тимофеевич Болотов как критик и рецензент литературных произведений. — «Библиограф», 1885, № 10, с. 50—51.

Под редакцией магистра «философии и свободных наук» Московского университета П. А. Сохацкого издавались Ридигером и Клаудием литературные журналы «Иппокрена» (1799—1801 гг.) и «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798 гг.; до 1796 г. редактировался В. С. Подшиваловым).

Говоря о журнале «Приятное и полезное препровождение времени», А. Т. Болотов отмечал, что «не было в нем ничего соблазнительного, а напротив того много набожного и сентиментального»³⁹.

³⁹ Болотов А. Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. [Ч. 1]. М., 1875, с. 106.

П. А. Сохацкий сотрудничал с издателями Ридигером и Клаудием и в другом редактируемом им издании — «Политическом журнале...», представлявшем собой перевод статей из гамбургского «*Politisches Journal*». Журнал посвятил немало страниц событиям в революционной Франции. Тон журнала, сначала доброжелательный по отношению к революции, становился

постепенно все более умеренным, а затем и враждебным⁴⁰.

⁴⁰ См.: Штранге М. М. Указ, соч., с. 53—54.

Большой успех у читающей публики имели «Любопытный месяцеслов...» (1794 г.) и второе издание «Сатирического вестника...», автором которого был весьма прогрессивно настроенный писатель того времени Н. И. Страхов.

И, наконец, у Ридигера и Клаудия печатались литературные альманахи Н. М. Карамзина. Придя в типографию Московского университета в качестве ее арендаторов в годы политической реакции в России, Ридигер и Клаудий ориентировались на вкусы широких читательских кругов. Выбор издаваемой ими литературы весьма строго соотносился с выработанной ими программой, которая, хотя и была отражением их умеренно-либеральных взглядов, но объективно служила целям просвещения.

Для характеристики деятельности Ридигера и Клаудия 1794—1800 гг. весьма существен также и факт активного сотрудничества с ними таких выдающихся русских писателей, как Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков.

Н. М. Карамзин, один из крупнейших писателей XVIII в., так много сделавший для развития русского литературного языка, основатель русского сентиментализма, печатает в эти годы. У Ридигера и Клаудия все свои произведения: в 1794 г. — «Мои безделки», в 1796 г. — «Бедную Лизу» («иждивением Любителя литературы») и «Юлию», в 1797 г. — второе издание «Моих безделок» и «Разговор о щастии», в 1797—1801 гг. — «Письма русского путешественника» (ч. 1—6). В 1794—1798 гг. Н. М. Карамзин сотрудничает с издателями Ридигером и Клаудием в качестве переводчика «Новых Мармонтелевых повестей», а в 1798 г. — в качестве редактора «Сочинений» Г. Р. Державина (издававшихся в типографии Московского университета у Ри-Дигера и Клаудия на средства автора).

Лучшие литературные альманахи России конца ЛУШ в. — «Аглая», «Аониды», «Пантеон иностранной словесности», редактировавшиеся Н. М. Карамзиным, печатались именно у Ридигера и Клаудия (1794—1799 гг.).

В «Московских ведомостях», издававшихся Ридигером и Клаудием в годы их арендаторства в типографии Московского университета, в 1795 г. Н. М. Карамзин вел отдел «Смесь». В рекламе своей газеты 1795 г. Ридигер к Клаудий, говоря об этом новом для газеты отделе, особо отмечают участие в нем Карамзина; «...почтенный и любезный издатель Московского журнала, Аглан и пр., принял на себя труд обрабатывания сей, по содержанию своему новой в Ведомостях, статьи»⁴¹.

⁴¹ «Моск. вед.», 1794, 28 окт., № 86.

Из писем Карамзина к его другу поэту И. И. Дмитриеву совершенно очевидно, что он получал гонорары за свою авторскую к редакторскую

работу у Ридигера и Клаудня. Интересны в этом плане слова из его письма от 8 ноября 1794 г.: «...а когда дома, то пишу письма или работаю для Ридегера»⁴².

⁴² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 51.

И. И. Дмитриев, одни из лучших поэтов своего времени, также избирает Ридигера и Клаудия в качестве издателей: в 1795 г. у них издаются «И мои безделки», в 1796 г.— «Стихи... Павлу Первому...».

Постоянно издается у Ридигера и Клаудя создатель знаменитой «Россияды», очень популярный в свое время поэт, куратор Московского университета М. М. Херасков. Так, в 1798 г. у Ридигера и Клаудия издаются его «Пилигримы...», в 1796 — 1803 гг.— «Творения...», в 1798 г.— трагедия «Освобожденная Москва», в 1800 г.— «Утешение грешных» и «Царь, или Спасенный Новгород...» и т. д.

Весьма важными для характеристики издательской деятельности Ридигера и Клаудия являются также следующие два обстоятельства. В 1794 г. у них издается сатирический памфлет Я. П. Чаадаева «Дон Педро Прокодуранте...», направленный против злоупотреблений директора экономии Казенной палаты Нижегородского наместничества П. П. Прокудина. Причем из объявления в «Московских ведомостях»⁴³ видно, что издатели знали о литературной мистификации Чаадаева⁴⁴. В 1798—1801 гг. Ридигером и Клаудием был издан сборник стихов русских поэтов «Приношение религии», составленный М. М. Вышеславцевым; здесь помещены стихотворения Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, Я. В. Княжнина, Е. И. Кострова, М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова и др.

⁴³ См.: «Моск. вед», 1794, 31 мая, № 43, с. 957.

⁴⁴ Об истории этого издания см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 3. М., 1966, с. 355; Лонгинов М. Н. О комедии Якова Петровича Чаадаева. — «Современник», 1856, т. 58, отд. 5, с. 1—5.

Из всех приведенных фактов становится очевидной роль издателей Ридигера и Клаудия в пропаганде национальной русской художественной литературы.

Ридигер и Клаудий, организуя сам издательский процесс, объединяли вокруг себя не только постоянно работающих с ними авторов и редакторов, но и технических сотрудников. Из документов, подававшихся в московскую цензуру в конце 90-х гг. XVIII в.⁴⁵, можно установить с большой долей достоверности их имена: это — «канцелярист» Илья Антролов и «подканцелярист» Александр Пахорский. Нередко к технической работе в типографии Московского университета привлекались его студенты и преподаватели: «университетский учитель» Григорий Яценко, «адъюнкт»

Михаил Баккаревич, «Московского университета студент» Степан Петровский, «Университетского благородного пенсионера пансионера» Василий Жуковский. Часто технические поручения брал на себя сын Христиана Ридигера — Карл Ридигер. В тех случаях, если книги печатались в типографии у Ридигера и Клаудия «иждивением» других лиц, часто эти последние брали на себя выполнение различных процедур при выходе книги из печати.

⁴⁵ См.: Рогожин В. Н. Дела «Московской цензуры» в царствование Павла I. Пг., 1922, вып. 2, с. 1—71.

* * *

Резюмируя все сказанное, можно констатировать следующее.

Во-первых, на проанализированных примерах ясно прослеживается во времени типичный путь формирования издателя-профессионала в среде книгопродавцев и типографов.

Путь Ридигера: *переплетчик* —> *книгопродавец* (+*издатель-непрофессионал*) —> *типограф-профессионал* —> *издатель-профессионал*.

Путь Клаудия: *типограф-профессионал* (+ *издатель-непрофессионал*) —> *издатель-профессионал*.

Во-вторых исследование конкретной деятельности Ридигера и Клаудия позволяет внести некоторую ясность в содержание понятия «издатель-профессионал» применительно к условиям XVIII в. (причем, это должно делаться в данном случае абстрагированно от употребления термина «издатель» в языке XVIII в.) Издатель профессионал в XVIII в. в процессе создания книги руководствуется вполне определенной издательской программой. Кроме того, он вкладывает в издательский процесс свои собственные средства или мобилизует их (например, с помощью подписки). Выступает в качестве организатора издательского процесса (формируя собственный коллектив авторов, редакторов и технических работников). И, наконец, осуществляет сбыт изданного им печатного материала.

Е.Л. НЕМИРОВСКИЙ,
заведующий отделом,
доктор исторических наук

«АПОСТОЛ» 1525 ГОДА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ Опыт книговедческого описания

В 1522 г. знаменитый белорусский просветитель Франциск Скорина основал в Вильне первую типографию на территории нашей страны¹. Здесь им была напечатана «Малая подорожная книжица», включавшая 21 отдельное издание с собственной пагинацией и титульными листами, и

«Апостол». Ни одно из сохранившихся изданий «Малой подорожной книжицы» не датировано. Условно считается, что «Книжица» была выпущена в 1522 г., ибо она содержит пасхалию на период, начинающийся 1523 г.² В «Апостоле» указана точная дата выпуска в свет: «Доконана ест сия книга зовемая Апостол, еже замыкает в себе наипервей Деания апостольская. Потом Послание св[я]тых апостоль, соборных седмь. Тажь Епистоль св[я]т[о]го Павла 14. Лѣта по нароженіи нашего спасителя Ис[ус]а Хр[и]ста, сына божия. Тысещнаго, пятьсотаго, И двадесеть пятого, Месеца марта. При держаніи налааскавшего господаря Жикгымонта Канторовича, Короля полскаго. И Великого князя Литовьскаго, и Рускаго, И жомоитьскаго И иныхъ. Во славном мѣсте Биленском выложена, и вытиснена. Працею и великою пильностию, Доктора Франциска Скорины с Полоцка. Богу во Троици единому. И преч[и]стой матери его Маріи, со всеми светыми ко чьти, И людей посполитымъ к доброму навчению»³.

¹ См.: Владимировас Л. И. Франциск Скорина — первопечатник вильнюсский. Вильнюс, 1975.

² См.: Nadson A. Skaryna's Prayer book,— «The Journal of Byelorussian Studies», 1972, vol. 2, N 4, p. 339—358.

³ Апостол. Вильна, 1625, л. 187 об. 3-го счета. Публикация: Скарына. Ф. Прадмовы і пасляслоуі. Мінск, 1969, с. 152.

Таким образом, именно «Апостол» Ф. Скорины, выпущенный в свет в марте 1525 г. в Вильне, должен быть признан первой точно датированной книгой кирилловского шрифта, напечатанной на территории нашей страны.

Старейшие упоминания об «Апостоле» мы находим в описях древнерусских, украинских и белорусских библиотек. В 1532 т. архимандрит Супрасльскаго монастыря приобрел для обители ряд книг. Опись, составленная в 1557 г., упоминает среди них: «Псалтырку... битую» и «Апостолов 3, а четвертый битый»⁴. Слово «битый» в белорусской книжности того времени — синоним «друкованный», т. е. «печатный». «Апостол» мог быть лишь виленским изданием, ибо других восточнославянских «Апостолов», выпущенных в свет до московского «Апостола» 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца, кроме скорининского, мы не знаем.

⁴ Археограф. сборник документов, относящихся к история Северо-Западной Руси Т. 9. Вильно, 1870, с. 54.

Два печатных «Апостола» упомянуты и в описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной в 1545 г.: «Апостол в десть печатной дал владыка Крутицкой Галактион. Апостол в десть печатной Родиона Лысцова»⁵. Видимо, речь идет о более поздней приписке, ибо Галактион был епископом Сарским или Крутицким с 1565 по 1568 г. «Апостолом в десть» мог быть и «Апостол» 1564 г. Ивана Федорова. Однако

в описи монастырской библиотеки, составленной в 1573 г., названа «Книга в четверть, печать литовская, а в ней Псалмы Давыдовы да... Апостол»⁶. Это мог быть и «Апостол» Ф. Скорины.

⁵ См. Описание Иосифова Волоколамского монастыря 1545—7053 (??? так в оригинале) года. — В кн.: Георгиевский Г. П. Фрески Ферапонтова монастыря. Спб., 1911, с. 10 (2-й счет).

⁶ См.: Казанский П. Описание книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. — «Чтения в О-ве истории и древностей рос.», 1847, кн. 7, Смесь, с. 2. Подпись: К. П.

«Апостол Литовской» назван и в описи имущества торговых людей Строгановых, составленной 5 июля 1578 г. в Соли Вычегодской⁷.

⁷ См.: Богданова Н. Г. Книжные богатства Строгановых в 1578 г. — В кн.: *Septum bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 281.

Книги Скорины находили читателей и в XVII в., через 100 с лишним лет после их опубликования. И в этот период их упоминания в описях нередки.

В завещании Гурына Федоровича, составленном в Берестье 24 мая 1624 г., упомянуты два экземпляра «Апостола» 1525 г.: «Грицку Фесеви, апостол, псалтырь друку Скоринина» и «Апостол друку Скоринина — Грицку Поповичу»⁸. «*Apostol Skoruny in 8°*», оцененный в 10 грошей, назван и в описи имущества виленского бургомистра Степана Лебедича, составленной 27 октября 1649 г.⁹

⁸ Акты издаваемые Виленской археограф. комиссией. Т. 6. Вильна, 1872, с. 243; Белоруссия в эпоху феодализма. Т. 2. Минск, 1960, с. 442—443.

⁹ См.: Описание имущества, оставшегося по смерти виленского бургомистра Степана Лебедича. — В кн.: Акты, издаваемые Виленской археограф. комиссией. Т. 9. Акты Вилемского земского суда. Вильна, 1878, с. 483.

О широком распространении «Апостола» Франциска Скорины в XVI—XVII вв. — особенно на территории Белоруссия и Украины — говорит сравнительно большое число известных нам рукописных копий этого издания. Старейшая из них была изготовлена в 1568 г. «у доме Семиона Борщевского»¹⁰.

¹⁰ См.: Перетц В. Отчет о работах акад. В. Н. Перетца во время командировки в Москву и в Киев.— «Известия Рос. Акад. наук, VI серия», 1924, т. 18, № 12—18, ч. 2, с. 625—626.

В 60-х гг. XVI в. был написан и Крехивский Апостол, в основу текста которого положена протестантская брестская Библия 1563 г. Однако переводчик пользовался текстом и «Апостола» Скорины, на который он неоднократно ссылается¹¹.

¹¹ См.: Студії до української граматики. Т. 7. Варшава, 1930, с. 57, 91, 93, 129 и др.

В 1593—1594 гг. «Апостол» 1525 г. был переписан в селе Теслугови на Волыни попом Гермогеном, «родичем з Торчина, прозвищем Тихоненя Яцкович»¹². Рукопись была найдена в 1895 г. Г. И. Исаевичем на хорах церкви села Верби Дубенского повета на Ровенщине¹³.

¹² См.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. Киев, 1911, с. 125.

¹³ См.: Исаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 25.

Издание Скорины несомненно было в руках книжника, написавшего во второй половине XVI в. «Толковый Апостол», происходящий из собрания Ф. Толстого¹⁴ и в настоящее время хранящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, 1.83).

¹⁴ См.: Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825, с. 12.

К концу XVI в., по-видимому, можно отнести и три списка «Апостола» Скорины, в свое время находившихся в библиотеке Перемышльского униатского капитула¹⁵.

¹⁵ См.: Возняк М. Історія української літератури. Т. 2. Львів, 1921, с. 11.

Копией скорининского издания, по мнению П. В. Владимирова, был и «Толковый Апостол» с подложной записью 1500 г., который находился в собрании И. П. Силина¹⁶.

¹⁶ См.: Владимиров П. В. Рукопись «Апостола Толкового» 1500 г., принадлежащая И. Л. Силину. — В. кн.: Труды Девятого Археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1897, с. 323—324.

Начало изучения «Апостола» 1525 г. положил Петр Алексеевич Алексеев (1727—1801), протоиерей Архангельского собора, преподаватель Московского университета, автор многочисленных трудов по истории

религии. В 1783 г. он опубликовал статью «Рассмотрение славенской старопечатной книги Апостола, которая справлена доктором Франциском Скориною из Полоцка, напечатана в Вильне 1525 г. в четверть листа»¹⁷. Алексеев дал подробное описание состава книги, привел тексты предисловий и послесловий к ее отдельным разделам. Среди них очень редкий текст об использовании в книге красного цвета. Сегодня мы можем назвать всего один экземпляр, в котором этот текст сохранился.

¹⁷ См.: «Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Моск. ун-те», 1783, ч. 6, с. 195—204.

С «Апостолом» 1525 г. П. А. Алексеев познакомился по экземпляру, который в ту пору хранился в библиотеке Петра Петровича Курбатова (ум. 1786 г.). Экземпляр впоследствии поступил в собрание Федора Григорьевича Баузе (1752—1812), профессора Московского университета.

У Баузе имелись и два других издания Скорины — Книга Иова из пражской Библии 1517—1519 гг. и акафисты и каноны из виленской «Малой подорожной книжицы»¹⁸.

¹⁸ См.: Калайдович К. Ф. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, с. 18.

В 1813 г. подробное описание скорининского «Апостола» появляется на страницах «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова¹⁹. Кроме предисловий и послесловий здесь воспроизведены характерные выписки из текста. Сопикову были известны экземпляры, находившиеся в собраниях Ф. Г. Баузе и Л. Я. Чаадаева (1794—1855), Эти же экземпляры в 1525 г. упомянул П. И. Кеппен в «Хронологической росписи первопечатным словенским книгам»²⁰. Вскоре, однако, он пояснил, что «находящийся ныне в библиотеке... Ф. А. Толстова экземпляр сего Апостола вероятно один из тех двух, о коих тут упомянуто»²¹.

¹⁹ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 1. Спб., 1813, с. 9—18, № 72.

²⁰ См. «Библиографические листы», 1826, № 6, с. 83.

²¹ Кеппен П. И. Дополнения и поправки к хронологической росписи первопечатным словенским книгам. — Библиографические листы», 1825, № 39, стб. 577.

Библиотека Ф. Г. Баузе, как известно, погибла в 1812 г. Что же касается собрания П. Я. Чаадаева, то оно попало к его племяннику — М. И. Жихареву, который в 1866 г. подарил около 3000 книг Московскому Румянцевскому музею. «Апостола» 1525 г. среди этих книг не было. Остается предположить, что именно чаадаевский экземпляр и попал к Ф. А. Толстому.

Экземпляр этот был в 1829 г. подробно описан П. М. Строевым²². В

«Палеографических снимках шрифтов», приложенных к описанию, археограф воспроизвел титульный лист издания²³. В 1830 г. собрание Толстого поступило в Петербургскую публичную библиотеку. Один из двух экземпляров «Апостола» 1525 г., находящихся ныне в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, видимо, можно отождествить с тем, который когда-то принадлежал Ф. А. Толстому²⁴. Недавно, он был подробно описан В. И. Лукьяненко²⁵.

²² Строев П. М. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1829, с. 19—21, № 12.

²³ Строев П. М. Палеографические снимки шрифтов с XV века по XVIII (числом 24), принадлежащие к обстоятельному описанию старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829, табл. V, № 7.

²⁴ ГПБ, 1.5.7 а, № 253.

²⁵ Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Л., 1973, с. 28—32, № 2.

В. М. Ундольский (1815—1864) в 1848 г. описал экземпляр скорининского «Апостола», принадлежавший петербургскому собирателю А. И. Кастерину²⁶. Составленный Ундольским каталог собрания вышел уже после смерти библиофила. «Собравши до 600 книг,— писал Ундольский в предисловии,— Кастерин чувствовал необходимость печатного каталога своей библиотеки как для себя, так и для своих комиссионеров, закупавших в разных местах по его поручению книги. Исполнить это желание взялся один петербургский ученый. Дело было начато, и первый лист краткого реестра был набран; но владельцу книгохранилища не суждено было дожидаться до издания каталога...»²⁷

²⁶ Ундольский В. М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, с. 1.

²⁷ Там же, с. IV.

Ученым, о котором шла речь, был И. П. Сахаров (1808—1863). Сфальцованный и переплетенный в картонаж первый корректурный лист начатого им каталога, озаглавленного «Библиотека славяно-русских книг, собранная А. И. Кастериным», а также рукопись каталога, доведенного до 1610 г., в настоящее время находятся в отделе рукописей ГБЛ. Здесь мы встречаем и описание «Апостола» 1525 г.²⁸ «Наш экземпляр полон и хорошо сбережен»,— утверждал И. П. Сахаров. Приведены сведения о числе листов в отдельных разделах книги. Но по этим сведениям нельзя судить о

комплектности экземпляра, ибо они относятся к счету листов в разделах — указана пагинация последнего листа раздела. «Апостол» 1525 г. А. И. Кастерин получил от московского книготорговца Ширяева в обмен на изданные на средства А. И. Кастерина «Песни русского народа» И. П. Сахарова. Сахаров рассказывал об этом в письме к М. П. Погодину: «Из моих книг он (т. е. Кастерин.— Е. Н.) издал только «Песни» и тотчас выменил на старопечатные книги с Ширяевым. Тут ему за «Песни» достались Апостол Скорины, Слободская Псалтырь, Виленская Псалтырь и Статут Литовской»²⁹.

²⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 268, № 964, л. 4 корректурного листа.

²⁹ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. Спб., 1859, с. 210—211.

Экземпляр в дальнейшем неоднократно упоминался³⁰. Собрание Кастерина поступило в Петербургскую Публичную библиотеку. Однако в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина интересующего нас экземпляра нет. Судьба его нам не известна. Быть может (об этом еще пойдет речь), экземпляр этот попал впоследствии в коллекцию А. И. Хлудова.

³⁰ См.: Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. Т. 1, кн. 2. Спб., 1849, с. 6—7, № 13; Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Вып. 1. Спб 1878 с 50—53, №. 15. (Каратаев указывает, что книга была куплена Кастериньш за 170 рублей).

Отметим, что всего в Петербургской публичной библиотеке было четыре экземпляра «Апостола» 1525 г. Мы знаем об этом по записи в рукописном «Каталоге книг церковной печати ИПБ», составленном В. М. Ундольским³¹. Помечено, что экземпляры происходят из собраний Толстого, Погодина, Кастерина и Каратаева.

³¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 310, № 1381 (№ 12 каталога).

О книге, принадлежавшей Толстому, речь уже шла. С «Апостолом» из Собрания Каратаева мы еще познакомимся.

Что же касается погодинского экземпляра, то о кем, как и о кастеринском, никаких сведений нет.

Очень неопределенны сведения об «Апостоле» 1525 г., который в свое время принадлежал известному славяноведа, профессору Казанского университета В. И. Григоровичу (1786— 1865). Последний, переезжая из Казани в Москву, задумал продать свое собрание с помощью нижегородских книжников. Об этом 27 августа 1849 г. написал Погодину его комиссионер Д. В. Пискарев. По его словам, Григоровичем были проданы «...из печатных Апостол Скоринин, еще Псалтырь Венецейская, тож, говорят, очень

хорошие»³².

³² Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10, Спб., 1896, с. 436—464.

Однако была ли приобретена эта книга Погодиным или нет, мы не знаем. Пискарев в своем письме просил Погодина «попенять» Григоровичу — «для чего ево понудило продавать кулакам, следовательно, он сорт и порядок мало знает, а профессор».

Не исключена и ошибка, ибо ни ранее, ни позднее об «Апостоле», принадлежавшем Григоровичу, источники ничего не сообщают.

В 1861 г. впервые упомянут экземпляр «Апостола», принадлежавший знатоку и библиографу старопечатных изданий И. П. Каратаеву (1817—1886)³³. Книга была куплена им за 100 руб. Подробное описание ее появилось в 1878 г. на страницах известного труда И. П. Каратаева³⁴. Коллекция собирателя была куплена Петербургской Публичной библиотекой. Экземпляр «Апостола» 1525 г. находился там до конца 60-х гг. XIX в. и потом был передан недавно основанному Румянцевскому музею³⁵. В Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина книга находится по сей день³⁶.

³³ См.: Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб., 1861, с. 3, № 34.

³⁴ Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Цып. 1. Спб., 1878, с. 50-53, № 15.

³⁵ См.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871, с. 56.

³⁶ ГБЛ, № 1348.

В том же 1861 г. был упомянут в печати экземпляр «Апостола» 1525 г., переданный в Петербургскую публичную библиотеку департаментом Генерального штаба³⁷. Книга теперь находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³⁸.

³⁷ См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1860 г. Спб., 1861, с. 26.

³⁸ ГПБ, 1.5.76.

В 1872 г. А. Н. Попов описал экземпляр «Апостола» 1525 г. из собрания А. И. Хлудова (1818—1882)³⁹. После смерти коллекционера его библиотека поступила в Никольский единоверческий монастырь, а оттуда — в 1917 г. — в Государственный исторический музей, где в настоящее время и находится скорининский «Апостол», самый полный из всех сохранившихся экземпляров⁴⁰.

³⁹ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, Каталог книг, с. 2, № 6.

⁴⁰ ГИМ, Хлуд. 6.

И. П. Каратаеву в 1878 г. было известно шесть экземпляров «Апостола» 1525 г.⁴¹ Лишь один из них до того времени не упоминался — экземпляр из собрания П. В. Щапова. После смерти коллекционера в 1888 г. большая часть его библиотеки поступила в Исторический музей⁴². Здесь книга находится и сейчас.⁴³ На первых листах ее — плохо сохранившаяся белорусская вкладная запись XVII в. Козьмы Александрова (?), который «с малжонкою своею и потомством» дал книгу «до церкви Рождества».

⁴¹ См.: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730. Вып. 1. С 1491 по 1600 г. Спб 1878, с. 50—53, № 15.

⁴² См.: Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. М., 1958, с. 75—76.

Во втором издании «Описания славяно-русских книг» (Спб., 1883) И. П. Каратаев зарегистрировал семь экземпляров «Апостола» 1525 г.— был прибавлен экземпляр Виленской публичной библиотеки.

Впервые он был описан в 1879 г. Ф. Добрянским, который указал, что в книге сохранилось 288 листов; по мнению исследователя, «должно быть 351»⁴⁴. Добрянский знал лишь о четырех экземплярах «Апостола»; он отметил, что книга «по своей редкости ценится чрезвычайно высоко: от 100 до 170 руб. сер.» Виленский экземпляр неоднократно упоминался в библиографических справочниках и специальной литературе⁴⁵. В 1908 г. он был подробно описан А. И. Миловидовым⁴⁶. В годы первой мировой войны библиотека была эвакуирована; «Апостол» Скорины попал в Румянцевский музей и в течение долгих лет находился в Москве. Уже после Великой Отечественной войны он передан Научной библиотеке Вильнюсского университета им. В. Капсу-каса. Здесь книга находится по сей день⁴⁷.

⁴³ ГИМ, Щап.115.

⁴⁴ Добрянский Ф. Путеводитель по Виленской публичной библиотеке. Вильна, 1879, с. 28.

⁴⁵ См.: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. 1. Спб., 1883, с. 59; Виленская публичная библиотека.— «Рос. библиография», 1880, № 56(4), с. 122.

⁴⁶ Миловидов А. И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки (1491—1899). Вильна, 1908, с. 13.

⁴⁷ ВГУ, № 1323570.

Упоминания об интересующем нас издании мы находим, начиная с 1895 г., на страницах многочисленных описаний библиотеки известного собирателя А. Е. Бурцева (1863—1937), выпускавшихся небольшими тиражами⁴⁸. У коллекции Бурцева, как известно, печальная судьба — она была распылена. Где находится «Апостол» 1525 г. из этого собрания, нам не известно.

⁴⁸ См.: Бурцев А. Е. Русские книжные редкости. Библиографический список редких книг. Спб., 1895, с. 6; его же. Описание редких российских книг. Ч. 1. Спб., 1897, с. 47—48; его же. обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг, брошюр, художественных изданий, старых и новых рукописей, гравюр, грамот, портретов, лубочных картинок, указов и разных летучих листов, с пояснительными замечаниями и полными перепечатками более редких книг и др. библиографических материалов. Т. 1. Спб 1901 с 29—30; № 61; его же. Полное собрание библиографических трудов Александра Евгеньевича Бурцева. Т. 1. Спб., 1908 с 23 3-го счета.

К 1899 г. относится первое упоминание об экземпляре Британского музея в Лондоне: в дальнейшем он регистрировался неоднократно⁴⁹.

⁴⁹ British museum. Catalogue of printed books. Bible. Part 3. New Testament. London, 1899, p. 1144; British museum. General catalogue of printed books. Photolith. ed. to 1955. Vol. 18. Bible. New Testament. London, 1965, p. 1894.

В 1905 г. «Апостол» 1525 г. был подарен украинским историком и библиографом А. С. Петрушевичем Церковному музею во Львове. Экземпляр был описан в 1908 г. И. С. Свенцицким⁵⁰. В дальнейшем он неоднократно упоминался исследователями⁵¹. Ныне книга находится в Музее украинского искусства во Львове⁵².

⁵⁰ Свенцицкий И. С. Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1908 с. 8 № 18 (419).

⁵¹ См напр.: Максименко Ф. П. Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574—1800). Львів, 1975, с. 107, № 750.

⁵² МУИ Q 419

Лишь в самое последнее время в научный оборот введены сведения еще о двух экземплярах⁵³. Первый из них — из собрания Библиотеки главного архива Министерства иностранных дел; в настоящее время он находится в Центральном государственном архиве древних актов. Как известно, книги кирилловского шрифта этой библиотеки описаны И. Ф. Токмаковым⁵⁴. Однако в каталоге Токмакова сведений об «Апостоле» 1525 г.

нет. Видимо, он поступил в библиотеку позднее 1879 г., когда этот каталог уже вышел в свет. Второй из недавно описанных экземпляров происходит из собрания И. Л. Силина; ныне он находится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁵⁵. На переплетных листах книги запись: «№ 4. Апостол, напечатанный в Вильне доктором Франц. Скориною в 1525 г. Дан в дар Старообр. Рогожское кладбище Иваном Лукичем Силиным 1889 г.».

⁵³ См.: Немировский Е. Л. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. — Сов. славяноведение», 1968. № 1, с. 24 (№60).

⁵⁴ Токмаков И Ф. Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г. библиотеки Моск. главного архива Министерства иностранных дел. Спб. 1879.

⁵⁵ ЛБ № 4356.

В польской газете «Край», выходившей в Петербурге, в заметке об Археологическом съезде в Вильне сказано о докладе П. В. Владимиров, который будто бы упоминал о силинском экземпляре «Апостола», напечатанном Ф. Скориной, но не в 1525 г., а в 1500 г.⁵⁶ Это очевидная ошибка, ибо Владимиров говорил о принадлежавшем Силину рукописном «Апостоле» с записью 1500 г. (Владимиров считал эту запись подложной)⁵⁷.

⁵⁷ См.: Владимиров П. В. Рукопись «Апостола Толкового» 1500 г., принадлежащая И. Л. Силину. — В кн.: Труды Девятого Археологического съезда в Вильне 1893 г. Т. 2. М., 1897, с. 323—324.

В литературе, таким образом, описано 15 экз. «Апостола» 1525 г.— первого точно датированного печатного издания, вышедшего на территории нашей страны. Из этих 15 экз. мы можем указать местонахождение лишь 10 экз. Неизвестно, где находятся первенцы виленского книгопечатания, принадлежавшие Курбатову-Баузе, Кастерину, Погодину, Григоровичу, Бурцеву. Не исключено, что некоторые из этих экземпляров переходили из одной коллекции в другую, и общее число экземпляров должно быть сокращено.

Так, можно, по-видимому, отождествить экземпляры Курбатова, Баузе, Кастерина с экземпляром ГИМ, Хлуд. 6 — единственным, в котором есть л. 188 3-го счета: мы знаем, что этот лист был в перечисленных выше экземплярах.

По два экземпляра «Апостола» находится в настоящее время в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (№ 1348, № 4356), Государственном историческом музее (Щап. 115, Хлуд. 6), Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1.5.7^a. 1.5.7^b), по одному — в Научной библиотеке Вильнюсского государственного университета (№ 1323570), Музее украинского искусства во Львове (№

419/070307), Центральном государственном архиве древних актов (ф. 1250, № 821) и Британском музее в Лондоне (с.51.в.6). Формальное описание «Апостола» 1525 г. логично начать с указания объема книги. Большинство библиографов, писавших об этом издании (П. М. Строев, И. П. Каратаев и др.), считают, что в книге 351 лист. И. П. Сахаров говорил о 352 листах, А. И. Миловидов и Л. Е. Махновец — о 315⁵⁸.

⁵⁸ См.: Махновец Л. Е. Українськи письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Київ, 1960, с. 536.

Чтобы разобраться в этих противоречивых указаниях, познакомимся с листовым составом книги. Печатая «Апостол», Ф. Скорина применил полистную пагинацию, проставленную в правом верхнем углу лицевой стороны каждого листа. Сигнатуры в книге нет. Пагинация проставлена в четыре счета. Отдельно пронумерованы Деяния апостолов (1-й счет), соборные послания апостолов (2-й счет), послания апостола Павла (3-й счет) и Сборник (4-й счет).

Отметим попутно, что в пагинации есть ошибки. На л. 92 3-го счета проставлена колонцифра «91», на л. 114 — «104», на л. 116 — «106», на л. 43 4-го счета — «40». На трех листах 1-го счета (74, 75, 77) буквы кириллицы, составляющие число, поставлены в ошибочном порядке — в результате совокупность букв нельзя прочесть как число.

В первом счете пронумерованы листы 2—4, 9—80. Первый нумерованный лист — титул книги. Листов с пагинацией 5—8 нет ни в одном из просмотренных нами девяти экземпляров книги.

Во втором счете пронумерованы листы 1—36. В третьем счете пронумерованы листы 2—187. На первом нумерованном листе — титул к посланиям Апостола Павла. На нумерованном листе после л. 187 — текст о применении красного цвета в издании.

В четвертом счете пронумерованы листы 5—48. Листов с пагинацией 1—4 нет ни в одном из просмотренных нами экземпляров.

Чтобы определить общий объем книги, необходимо решить вопрос о том, существовали ли когда-либо листы 5—8 1-го счета и листы 1—4 4-го счета.

Текст Деяний апостолов начинается с л. 9 1-го счета. Листы 1 об.—4 об. занимает предисловие Ф. Скорины «Деания светых апостол книг предмова богу ко чти починаетсе». Из предисловия явствует, что Скорина предполагал предпослать тексту Деяний выписки из Евангелия: «В сей пакъ книзе Деаний апостольскихъ на початку их великую часть светого Евангелия Хр[и]сто[о]ва выписуеть. [...] Затымъ починаеть жития или деания св[я]тых апостоль...»⁵⁹.

⁵⁹ Апостол. Вильна, 1525, л. 2 об. — 3 1-го счета.

Для этих выписок возможно и была оставлена вакантной пагинация

листов 5—8. Так как этих листов ни в одном из сохранившихся экземпляров книги нет, остается предположить, что они и не были напечатаны.

Не исключено, что Скорина первоначально предполагал напечатать весь Новый завет. Характерно, что в «Соборнике» имеются отсылки не только к «Апостолу», но и к «Евангелию». Это подчеркнуто в названии раздела и в кратком послесловии: «Доконанъ есть Соборникъ всемъ презъ цалый годъ днемъ и праздникомъ. Зачала, епистолам. И еувангелиемъ. Собраны во единомъ месте Докторомъ Францискомъ Скориною, изъ града Полоцька»⁶⁰.

⁶⁰ Апостол. Вильна, 1525, л. 48, 4-го счета. 196

Сказать что-либо, определенное относительно листов 1—4 4-го счета мы сейчас не можем; представляется, что их также не существовало.

Чтобы определить общее число листов книги, необходимо суммировать число листов 1-, 2-, 3- и 4-го счетов и вычесть четыре листа 1-го счета и четыре листа 4-го счета, отсутствующие во всех сохранившихся экземплярах и, видимо, никогда не существовавшие. Итог определяется числом 344.

Книга составлена из 45 тетрадей, не имеющих нумерации (сигнатуры). Четыре тетради — четырехлистные, остальные — восьмилистные.

Формула листового состава книги выглядит следующим образом:

$[1]^4 [2]^8 - [14]^8 [15]^4 [16]^8 - [38]^8 [39]^4 [40]^8 - [44]^8 [45]^4 = [1], 2-4, 9-73, Д0, € 0$ [ошибки!], 76; Z 0, 78—80, 1—36, [1], 2—91, 91 [ошибка], 93—113, 104 [ошибка], 115, 106 [ошибка], 117—187, [188], 5—48 = 344 л.

Сведения о комплектности доступных нам девяти экземпляров «Апостола» 1525 г. приведены в таблице (см. с. 197).

Наиболее комплектным является экземпляр ГИМ, Хлуд. 6, в котором не хватает всего двух листов (общего титула и л. 156 3-го счета). Сравнительно хорошо сохранились экземпляры ГПБ, 1.5.7^a (отсутствует пять листов) и МУИ (отсутствует 9 листов). Подлинный титульный лист книги можно видеть лишь в двух экземплярах (ГПВ, 1.5.7^a, и ЛБ, № 1348). Последний нумерованный лист (л; 188) 3-го счета, на котором киноварью напечатано пояснение Скорины о применении в книге красного и черного цветов, имеется лишь в экземпляре ГИМ, Хлуд. 6. Лист сохранился и в экземпляре ГПБ, 1.5.7^a, но здесь он не пропечатан, красная краска в этом экземпляре — только в «Соборнике» — на листах 4-го счета.

Титульный лист книги, а также последний нумерованный лист 3-го счета были и в экземпляре А. И. Кастерина, судьба которого нам не известна. Это явствует из следующего замечания И. П. Сахарова из подготовленного им к печати, но не вышедшего в свет каталога собрания А. И. Кастерина: «Первый заглавный лист и послесловие отпечатаны киноварью»⁶¹.

⁶¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 268, № 964, л. 4 корректурного оттиска. Ор. л. 3 об. рукописи.

Комплектность сохранившихся экземпляров «Апостола» 1525 г.

Экземпляр	1-й счет: 1—4, 9—80	2-й счет: 1—36	3-й счет: 1— 188	4-й счет: 5—48	Число отсутств
ВГУ	10, 49—80	1—36	5—107, 109— 187	6-16, 18—20, 24—27, 33— 36, 42	74
ГПБ					
1.5.7 а	1—4, 9—80	1—36	5—187	6-48	5
ГПБ					
1.5.7 б	9—80	1—36	5—20, 22—187	5—16, 18-48	11
МУИ	9—80	1—36	1—187	5—40, 42—43, 45—46	9
ЛБ, № 1348	1—3, 10, 11, 13—80	1—36	5—165, 168— 187	6—9, 12—21, 24, 25, 28—47	16
ЛБ № 4356	57—60, 66, 67, 69—73	1—5, 13—20, 25—32	1—16, 21—27, 30, 31, 33—43, 45—116, 118—33, 136— 164, 74—183, 185—187	6—40	106
ГИМ. Хлуд. 6	2—4, 9—80	1—36	1—156, 157— 188	5—48 (л. 10— 48 в фрагментах)	2
ГИМ Щап. 115					
ЦГАДА	2—4, 9—80	1—36	5—164, 166— 87	5—32, 34, 35, 37—42, 44, 45, 48	12

«Апостол» 1525 г. напечатан в 8-ю долю листа. Размеры страницы можно определить лишь приблизительно, так как большинство экземпляров сильно обрезано. В сравнительно хорошо сохранившемся экземпляре ЛБ № 1348 размер страниц 140X90 мм. Другой экземпляр Ленинской библиотеки (ЛБ № 4356) обрезан сильнее — его формат 122x82 мм.

Формат полосы набора (без красных подстрочных отсылок и индексации на боковых полях, но с черными колонтитулами) — 110x64—65 мм.

Число черных строк на полосе — 20. К этому следует добавить одну «красную» строку, вынесенную на нижнее поле. Строки эти, о чем еще пойдет речь, имеются лишь в немногих экземплярах.

Строки выключены с большим мастерством — все они — в пределах одной полосы — имеют одинаковую длину. Исключение — концевые

полосы отдельных посланий. Здесь текст организован в виде усеченного опрокинутого треугольника (л. 86, 161 и 177 3-го счета), в виде опрокинутого треугольника, переходящего в ромб (л. 86 об. 3-го счета), в виде двух соприкасающихся вершинами треугольников (л. 98 об. 3-го счета) и др.

Говоря о составе «Апостола» 1525 г., надо отметить, что в издании нет многих вступительных текстов, которые стали традиционными еще в рукописании, а впоследствии перешли в печатные издания. Речь идет о всевозможных предисловиях, «поучениях», оглавлениях и «сказаниях». Вместо них помещено предисловие самого Скорины — «Деания светых апостоль книгъ предмова» (л. 1 об.— 4об. 1-го счета). Вслед за ним идет сам текст — «Книги деания светыхъ ап[ос]т[ол]ь, еже пописаль св[я]тый Лука еувангелисть» (л. 9—80). Текст разделен на 28 глав и 51 зачало. За «Деаниями» помещены соборные послания (л. 1—36 2-го счета) и послания апостола Павла (л. 1—187 3-го счета). Соборным посланиям и посланиям апостола Павла предпосланы предисловия Ф. Скорины (л. 1—1 об. 2-го счета; л. 1 об.— 4об. 3-го счета). В конце посланий апостола Павла помещено общее послесловие к «Деаниям» и посланиям (л. 177об. 3-го счета), а также текст о применении в книге красного цвета (л. 178).

Вслед за каноническим текстом идут служебные разделы, а именно: «Соборникъ дванадесять месецъ» (л. 5—24 об. 4-го счета), «Пятдесятница», «Четырдесятница» и указатели чтений (л. 25—48 4-го счета).

Типографская организация текстового материала в «Апостоле» 1525 г. тщательно продумана. Книгу открывает общий титульный лист с воспроизведенным киноварью текстом «Починається книга Деания. И посылания апостольская зовемая Апостоль, з божию помочью справлена докторомъ Франциском Скориною с Полоцька». В книге имеется второй титул, предвещающий послания апостола Павла (л. 1 3-го счета).

Основные разделы — соборные послания, послания апостола Павла и «Соборник» начинаются спусковой полосой, расположенной на лицевой стороне листа. С этой целью оставлены пустыми полосы 80 об. 1-го счета, 36 об. 2-го счета 188 об. 3-го счета. Пустой оставлена и полоса л. 48 об. 4-го счета — последняя страница книги.

Рубрикация выявляется главным образом орнаментальными средствами. Титульный шрифт одного кегля используется для набора заголовков на титульных листах и заголовков отдельных посланий на спусковых полосах. Спусков в полном смысле слова нет. Но начало каждого послания акцентируется виньеткой и большой буквицей.

Каждая новая глава в «Деаниях» начата виньеткой, вслед за которой помещена краткая аннотация, излагающая основные события, описанные далее.

Обозначения порядковых номеров глав и зачал выключены по центру. Текст начинается гравированным инициалом. Меньшими по размеру инициалами выделены зачала внутри глав. Порядковый номер зачала в этом случае предшествует буквице и набран в подбор к последней строке предыдущего зачала.

«Апостол» 1525 г. напечатан четким красивым шрифтом, высота 10 строк равна 53 мм, т. е. размеры шрифта примерно соответствуют современному кеглю.

У Окормы был и другой шрифт — с высотой очка 4 мм. Им набраны названия на титульных листах и спусковых полосах, а также колонтитулы.

Надстрочные знаки и титла отлиты вместе с литерами, о чем свидетельствует большое число начертаний одноименных литер. В качестве характерного примера назовем «д» без надстрочных знаков с нижними выносными элементами и «д» с титлом «с» — без выносных элементов. «Т» без титл имеет три вертикальных штриха, а с титлами — один вертикальный штрих. В качестве знаков препинания типограф «Апостола» 1525 г. применял точку, запятую и стишицу. Последний знак широко использовался для обозначения абзацев.

Художественное убранство «Апостола» — 280 виньеток и 427 инициалов-буквиц, воспроизведенных в технике гравюры на дереве. Фигурных гравюр в книге нет.

Виньетки выполнены в трех размерах. Первая из них, самая большая (15X63 мм), встречается в 11 отпечатках с одной и той же доски. В центре ее изображена ваза с исходящей из нее стилизованной акантовой листвой, а по краям — два гербовых щита. На щитах эмблемы, встречающиеся во многих изданиях Скорины, — слева «затмение солнца», справа — монограмма, похожая на виселицу. О смысле этих эмблем в литературе идет давний спор, касаться которого мы не будем.

Заставки-виньетки размером 10X63 мм встречаются на страницах издания в 42 оттисках с 10 досок. Число оттисков, сделанных с отдельных досок, различно. Два сюжета встречаются в 10 оттисках каждый, один — в семи, два — в четырех, один — в трех. С четырех досок сделано всего по одному оттиску. На первой из досок (10 оттисков), отпечаток с которой мы видим уже на титульном листе, в центре изображен шарообразный, как бы составленный из двух половин, сосуд с ветвями, оканчивающимися трехлепестковыми цветами. На второй виньетке (7 оттисков) — низкая ваза с травами, оканчивающимися трехлепестковыми цветами. Мотив третьей виньетки (1 оттиск) — ветвь, исходящая из левого верхнего края, опускающаяся вниз, поднимающаяся к центру виньетки, затем опять опускающаяся и поднимающаяся к верхнему правому углу доски. В центре ее изображены два трехлепестковых цветка. Четвертая виньетка (10 оттисков) варьирует мотив пучка перехваченных кольцом трав с четырехлепестковыми цветами в левом и правом концах доски. На пятой виньетке (4 оттиска) мы видим два завивающихся кверху «рога», а между ними — смешную рожицу с шапочкой из листьев. В центре шестой виньетки (1 оттиск) — перечеркнутый по вертикали шестилепестковый цветок, а по краям — трехлепестковые цветки. Сюжет седьмой виньетки (4 оттиска) аналогичен четвертой, но цветы здесь другие. Дельфины, перехваченные кольцом у хвостовых плавников, — таков сюжет восьмой виньетки (3 оттиска). Пасти дельфинов открыты, из них исходят ветви, оканчивающиеся

трехлепестковыми цветками. На девятой виньетке (1 оттиск) мы видим перехваченный пучок трав с четырехлепестковыми цветами, причем один из лепестков удлинен. Наконец, на десятой виньетке (1 оттиск) изображена ваза, как бы состоящая из двух частей.

Достаточно большим числом досок представлены в «Апостоле» 1525 г. виньетки 3-го размера — 5X63 мм. Они используются для отделения названий разделов от текста (л. 1 об. 1-го счета), ставятся перед главами «Деяний» (л. 9, 11, 14, 16 и мн. др. 1-го счета) и «Посланий» (л. 2, 3 об. и мн. др. 2-го счета), используются в качестве концовок (л. 161, 163, 164 об. 3-го счета и мн. др.), ставятся перед отдельными месяцами «Соборника» (л. 5, 10 и др. 4-го счета) и т. д.

Инициалы-буквицы представлены большим числом досок, выполненных в трех размерах: 20X13 мм (33 оттиска), 15X11 (135 оттисков) и Юхб-г-8 мм (259 оттисков).

«Апостол» 1525 г. напечатан в две краски. Вторая краска — киноварь — применяется для того, чтобы выявить рубрикацию и облегчить пользование книгой. В этом отличие изданий Скорины, а впоследствии и русских первотипографов от южнославянских изданий, в которых киноварь используется с чисто декоративной целью.

В основном тексте «Апостола» 1525 г. красным цветом воспроизведены:

1. Общий заголовок книги на титульном листе и название первого раздела — «Деяний» — на обороте титула Второй титульный лист — перед «Посланиями» — напечатан черным.

2. Указания на боковых полях дней недели, к которым приурочено чтение тех или иных текстов, а также указания на конец чтения очередных текстов.

3. Указания «под строкой» (в нижней части полосы) на порядок чтения отдельных зачал.

Надо сказать, что несовершенство двухкрасочной печати, о чем пойдет речь, заставило типографа отказаться от второго цвета в основном тексте большей части тиража «Апостола»

1525 г. Из девяти доступных нам экземпляров книги киноварь в основном тексте есть лишь в трех (ЛБ № 4356; ГИМ, Щап. По; ГИМ, Хлуд. б). Во всех остальных экземплярах красный цвет использован только в справочном разделе — в «Соборнике Дванадцать месец». Здесь киноварью напечатаны общий и отдельные заголовки, названия месяцев, колонтитулы и колонцифры, отсылки в тексте к определенным зачалам, индексы на боковых полях, текст послесловия и др.

В основной части текста на л. 188 3-го счета киноварью напечатан любопытный текст, поясняющий использование красного цвета в книге. Лист этот сохранился лишь в двух экземплярах, но в экземпляре ГПБ 1.5.7^a он не пропечатан — красного цвета в основном тексте здесь нет.

Текст о красном цвете, сохранившийся лишь в единственном экземпляре, остался неизвестным составителям сборника предисловий и

послесловий Ф. Скорины. Поэтому мы считаем целесообразным воспроизвести его здесь полностью: «Имать паки в сей книзе, мой любимы приятелю, хто жъ будеши ея чести. Зачала каждого послания чорнымъ вызнаменованы. Початки и конци всякому апостолу яко во церкви божиі чтется. К тому и Дни месяцев, в них же причитаются. На празняки божие и светых его знайдешь положено червенымъ. Главы же яко и во всехъ книгахъ Библии, Ветхаго и новаго закона мною на русьми языкъ выложенныхъ што которая въ собѣ кратче замыкаетъ ко знаидению скоро всякое речи потребное во бож[е]ственныхъ писаниехъ к тому и светки до стороницахъ яко одно письмо на другое тведетелствуетъ и воединося эгожаютъ, чорньшъ исправлены розделне узриши.

Совершился в доме почтивого мужа Ян[уба] Бабича наистаршего бурмиистра [сла]внаго и великаго мѣста Виленск[аго]».

В книге красным цветом воспроизведен и ряд элементов художественного убранства. Это инициалы на титульном листе и его обороте и виньетки-концовки на л. 112, 187 и 187 об. 3-го счета. Концовки пропечатаны только в тех экземплярах, где есть красный цвет.

Приемы двухкрасочной печати, используемые в изданиях Ф. Скорины, имеют ряд характерных особенностей. Мы реконструируем эти приемы, используя наблюдения над различными экземплярами книги.

Лист 29 4-го счета экземпляра ЛБ № 1348 напечатан со сдвигом красного цвета относительно черного. Такой сдвиг сравнительно часто можно встретить в старопечатных изданиях. Он свидетельствует о том, что двухкрасочная печать осуществлялась в два прогона. При печати в один прогон с избирательным нанесением на одну форму черной и красной красок сдвига строк не наблюдается. Лист 29 указанного экземпляра замечателен тем, что кроме сдвига мы наблюдаем здесь дублирование красным цветом «черных» строк. Это свидетельствует, что печать осуществлялась с одной формы: при печати «красного» «черные» строки «присутствуют». Характер дублирования (прямая линия «среза» дублированных знаков) говорит о том, что киноарь наносили через маску — лист с прорезями на участках красного цвета. Иногда прорези делали ошибочно. В этом случае часть красной строки не пропечатывалась совсем (см. строку 6 снизу на л. 29 4-го счета экземпляра Л Б № 1348) или же «черная» строка полностью либо частично дублировалась красным (см. строку 7 сверху на л. 6 об. 4-го счета того же экземпляра)

Таким образом, двухкрасочная печать в типографии Франциска Скорины производилась в два прогона с одной формы, причем красная краска наносилась на форму через маску. Печатался первоначально красный оттиск (для всего тиража), после чего «красные» литеры удалялись из формы, а их место заполняли пробельным материалом.

Предпринятое нами формальное описание «Апостола» 1525 г.— первой точно датированной книги, выпущенной на территории нашей страны, — не может быть признано полным. За его пределами осталось, в частности, изучение бумаги, на которой напечатано издание.

Мы надеемся, что тщательное изучение «Апостола» 1525 г, будет продолжено в самое ближайшее время.

*Ю. А. ЛАБЫНЦЕВ,
младший научный сотрудник*

НОВЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «АКАФИСТНИКА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ*

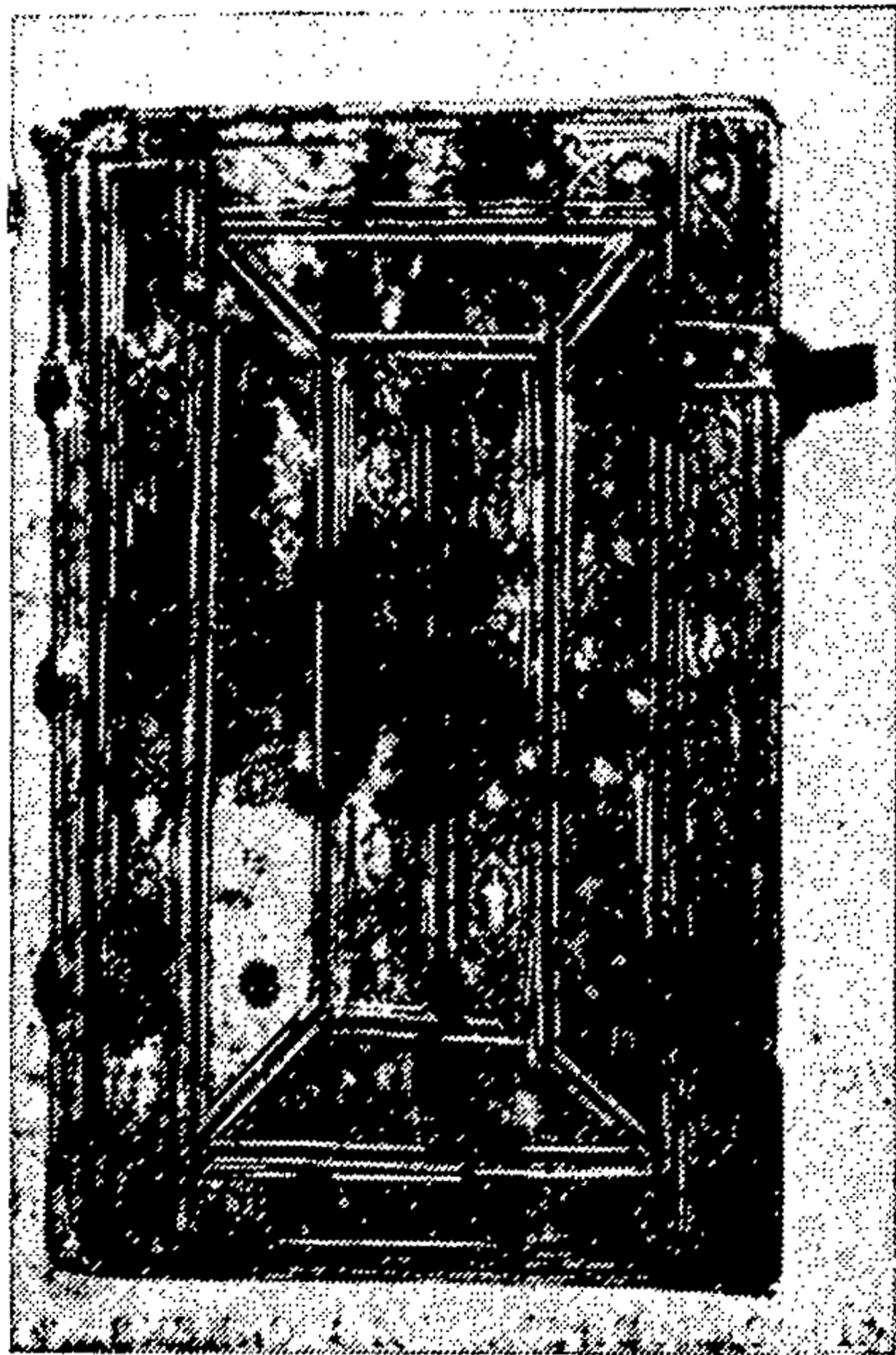
* Автор приносит искреннюю благодарность директору Института библиотековедения Вроцлавского университета профессору доктору Брониславу Коцовскому заведующему отделом редких книг Университетской библиотеки во Вроцлаве магистру Адаму Скуре, старшему научному сотруднику отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина К. А. Майковой, оказавшим ему помощь в уточнении некоторых обстоятельств, связанных с историей описанного в статье экземпляра «Акафистника» Ф. Скорины.

По данным «Предварительного списка старопечатных изданий кирилловского шрифта XV — первой доли XV вв.»¹, в настоящее время в СССР и за рубежом известно не более девяти библиотек, в которых находятся те или иные разделы (или выпуски) «Малой подорожной книжицы» белорусского издателя Франциска Скорины. Акафистов из «Малой подорожной книжицы», описываемых составителями «Предварительного списка...» каждый как отдельное издание, насчитывается от 4 до 7 экз. Чаще других встречается «Акафист Николаю Чудотворцу» (7 экз.), реже «Акафист гробу господню» (4 экз.).

¹ См.: В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания. Вып. 1. М., 1976, с. 37—39 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел редких книг).

В фонде кирилловских старопечатных изданий отдела редких книг ГБЛ находятся сейчас следующие разделы «Малой подорожной книжицы» — «Псалтырь» (№ 2044), «Часословец» (2 экз.—№ 2044, № 2045), «Канон гробу господню» (№ 2045), «Акафист архангелу Михаилу» (№ 2045), «Канон архангелу Михаилу» (№ 2045), «Акафист Иоанну Крестителю» (№ 2045), «Акафист Петру и Павлу» (№ 2045), «Акафист Николаю Чудотворцу» (№ 2045), «Канон Николаю Чудотворцу» (№ 2045), «Акафист Иисусу» (№ 2044). Все экземпляры не слишком хорошей сохранности и в целом не могут составить и половины содержания «Малой подорожной книжицы».

Описываемый нами экземпляр «Акафистника», содержащий все восемь акафистов, напечатанных Ф. Скориной для «Малой подорожной книжицы», принадлежит собранию отдела редких книг Университетской библиотеки во

Верхняя крышка переплета «Ака-
фистника» Ф. Скорины. Библиотека
Вроцлавского университета

Вроцлаве² и не был никем изучен и описан.

² Инвентарный номер 305071. Экземпляр попал в собрание университетской библиотеки во Вроцлаве, видимо, в конце XIX — начале XX в. До конца 80-х гг. XIX столетия его в составе собрания университетской библиотеки не было. См.: Paul Karge. *Slavische Denkmaler aus älterer Zeit in Breslau.*— «Archiv für slavische Philologie», Berlin, 1890, t. 12, s. 132—139.

Иллюстрация:

Верхняя крышка переплета «Акафистника» Ф. Скорины. Библиотека Вроцлавского университета.

Экземпляр в отличном состоянии. Этому в немалой степени способствовал переплет работы немецкого мастера XVI в. Он сделан из свиной кожи с блинтовым тиснением. Переплет типичен для переплетов немецкого Возрождения³. Орнамент тиснения растительный: основной его сюжет — желудь, вокруг которого сплетаются ветви⁴. Тиснение выполнено с применением всего двух видов накаток. В оформлении переплета использованы небольшие накладные кусочки кожи (бывшие ранее золочеными) в форме небольшого цветка с шестью лепестками. По рисунку орнамента верхняя и нижняя крышки переплета идентичны. На них закреплены две медные застёжки: часть одной из них (нижней) утрачена.

³ См.: Helwig H. *Einführung in die Einbandkunde.* Stuttgart, 1970, s. 108—112.

⁴ Рисунок орнамента на переплете этого экземпляра напоминает рисунок воспроизведенный в книге: Kyriß E. *Verzierte Gotische Einbände im alten deutschen Sprachgebiet.* III Tafelband, Stuttgart, 1958, Taf. 333.

На верхней крышке имеется глубоко вдавленная монограмма Августинского монашеского ордена «AR» и наклеенный знак с буквой «R» (*Raritat* — редкость). На нижней крышке аналогичная монограмма монашеского ордена.

К корешку книги в верхней его части приклеен ярлычок с чернильной подписью «Akafisty», а внизу — ярлычок с инвентарным номером «Ascet. V Oct. 66».

На оборотной стороне верхней крышки карандашом воспроизведены инвентарный номер «Ascet. V Oct. 66» и знак «R». Здесь приклеен экслибрис библиотеки вроцлавских каноников-августинцев со следующей надписью «Aus der Bibliothek der Augustiner Chorherrn zu Breslau» («Из библиотеки каноников-августинцев во Вроцлаве»). Книжный блок «Акафистника» укреплен пергаментной вставкой, соединенной с корешком книги и имеющей выходы на 2,5 см со стороны верхней и нижней крышки.

На каждом выходе вставки — по одной кирилловской записи, которые

Титульный лист «Акафистника»
Ф. Скорины. Библиотека Броцлав-
ского университета

можно датировать XVII в. Запись со стороны верхней крышки переплета гласит: «Сия книга (далее три буквы неразборчиво.— Ю. Л.)...», запись не продолжена — ее пытались стереть. Запись со стороны нижней крышки переплета — «Сия книга написана принад...» — не продолжена, ее также пытались стереть.

Иллюстрация:

Титульный лист «Акафистника» Ф. Скорины. Библиотека Вроцлавского университета

Размер книги в переплете 16,5X10,8 см, размер листов 15,4X10 см, это позволяет предположить, что экземпляр обрезан незначительно.

В книге имеются две гравюры — «Благовествование» и «Радости», относящиеся к акафисту Богородице и к акафисту Иисусу. Состав книги следующий: «Акафист гробу господню», л. 1—12; «Акафист Иоанну Крестителю», л. 1-12; «Акафист Петру и Павлу» л. 1—16; «Акафист Николаю Чудотворцу», л. 1—12; «Акафист архангелу Михаилу», л. 1-12; «Акафист животворящему кресту», л. 1—16; «Акафист Богородице», 1—12; «Акафист Иисусу», л. 1—12.

На титульном листе — небольшая запись на латинском языке о принадлежности книги Урбану Максимилиану. К сожалению, полный текст записи прочесть невозможно, так как его закрывает монограмма «AR».

Здесь же запись на латинском языке сделанная в XVIII в.: «*Bibliothecae Can. Regul. Lat. S. August. Wratis. ad Divam Virg. in Arena inscriptus*» («подписана в библиотеке каноников латеранской конгрегации чина св. Августина во Вроцлаве при костеле Девы Марии на Песках») ⁵.

⁵ Костел Масии Панны на Пяску существует и поныне, рядом с ты — здания бывшего монастыря августинцев (секуляризованного в 1810 г.), в которых была размещена университетская библиотека. В отделе редких книг Вроцлавской университетской библиотеки в настоящее время есть немало книг из библиотеки монастыря августинцев на Пяску. Об инкунабулах, хранящихся в отделе редких книг университетской библиотеки во Вроцлаве, см.: В, Kocowski. *Catalogus inkunabulorum typographicorum bibliothecae Universitatis Wratislaviensis, Pars 1—2. Wratislaviae, 1959—1962.*

На титуле помещена также монограмма ордена августинцев — «AR», точно такая же, как на обеих крышках переплета. Видимо, это оттиски с одного и того же клейма. Здесь же штамп Вроцлавской университетской библиотеки с надписью «*Ex Bibl. Univ. Viad. Vrat.*» («Из библиотеки университета во Вроцлаве»).

На пергаменной вставке — обрывок записи на латинском языке, а в первом стихе «Акафиста гробу господню» над словом «бессмертный» указан латинский его синоним.

Опираясь на приведенные данные, можно в общих чертах воссоздать

судьбу этого экземпляра «Акафистника» Ф. Скорины. Экземпляр рано оказался на Западе. Здесь он был переплетен немецким мастером. Перейдя в руки лиц православного вероисповедания, он затем попал в собрание Урбана Максимилиана, откуда перешел в библиотеку каноников-августинцев во Вроцлаве и из нее — в Университетскую библиотеку.

*Н. П. ЧЕРКАШИЦА,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

КОЛЛЕКЦИЯ ИНКУНАБУЛОВ В. А. ДЕСНИЦКОГО

В 1963 г. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина приобрела великолепное собрание книг советского ученого-литературоведа, профессора Василия Алексеевича Десницкого (1878—1958), включающее как русские, так и иностранные издания от начала книгопечатания до середины XX, в., а также изобразительные материалы и рукописи¹. По предварительным подсчетам отдела комплектования, в собрании около 12 825 единиц хранения², из них — 6020 томов книг, 3708 номеров периодических изданий, 500 единиц изобразительного материала, 37 рукописных книг отечественного происхождения, иностранные издания представлены 2560 томами.

¹ См.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина в 1963 году. М., 1963. с. 75—78.

² П. Н. Берков говорит, что — «около» 11 тысяч томов, эту же цифру приводит Л. Н. Петрова. См.: Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1971, с. 172; Петрова Л. Н. Обзор нелегальных и запрещенных изданий, поступивших в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина из коллекции В. А. Десницкого. — Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. 9, с. 95.

Наиболее ценная часть собрания Десницкого (3648 томов) вошла в состав фонда редких и особо ценных изданий отдела редких книг³. 1151 том составляет коллекцию иностранных книг XV—XX вв. Среди них 301 старопечатное издание XV—XVII вв., в том числе 41 том первенцев западноевропейской печати XV века — инкунабулов, 85 палеотипов, книг первой половины XVI в., 50 изданий второй половины XVI в., 125 книг XVII в. Остальная часть коллекции представлена книгами XVIII в. (около 250 томов) и XIX—XX вв. (около 600 томов); это первые и прижизненные издания классиков мировой литературы, книги с автографами, книги, оформленные выдающимися художниками, библиофильские издания и др.

³ См.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина в 1963 году. М., 1963, с. 75—77.

К сожалению, библиотека Десницкого, как и многие частные библиотеки, не имеет каталога, и поэтому до сих пор не нашла должной оценки в истории советской культуры. П. Н. Берков в своей «Истории советского библиофильства» вынужден был ограничиться весьма общей характеристикой собрания Десницкого, поставив его библиотеку на второе место после библиотеки Д. Бедного среди личных книжных собраний СССР⁴.

⁴ См.: Берков П. Н. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1971, с. 176—179.

О ценнейшей части-библиотеки Десницкого, которая хранится в отделе редких книг, опубликована только статья Л. Н. Петровой «Обзор нелегальных и запрещенных изданий, поступивших в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина из коллекции В. А. Десницкого»⁵.

⁵ См.: «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1966, т. 9, с. 95—107.

Настоящий обзор коллекции инкунабулов Десницкого — продолжение работы по раскрытию наиболее интересной части его собрания.

Коллекция инкунабулов В. А. Десницкого включает 41 издание, составляющее 35 томов, три из которых являются конволютами.

Один конволют содержит пять книг, остальные — по две.

По количественному составу собрание стоит на четвертом месте среди коллекций, вошедших в фонд инкунабулов отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — после коллекций А. С. Норова (155 томов)⁶, Н. П. Румянцева (103 тома)⁷ и А. И. Маркушевича (75 книг и 61 фрагмент).

⁶ См.: Киселев Н. П. Каталог инкунабулов Московского Публичного и Румяниевского музеев. Вып. 2. Инкунабулы из собрания Норова. М., 1913.

⁷ См.: Там же. Вып. 1. Инкунабулы Румянцевского музеума. М., 1912.

В силу целого ряда причин первые русские коллекции иностранных первопечатных изданий XV в. появились значительно позднее "европейских — только в XVIII в.⁸ В многочисленных библиотеках русских собирателей число инкунабулов, как правило, было невелико. Так, из поступивших в фонд Румянцевской библиотеки собрание И. Я. Лукашевича, состоявшее почти из 4000 томов, включало 14 инкунабулов, собрание М. Ю. Виельгорского — 8663 тома — имело лишь шесть инкунабулов⁹. В фондах многих библиотек русских академиков, профессоров, библиофилов, что вошли затем в состав Библиотеки АН СССР, Научной библиотеки им. М. Горького

Ленинградского университета, инкунабулов было от одного до девяти¹⁰. Из немногочисленных отечественных крупных коллекций инкунабулов следует прежде всего назвать коллекцию русского посланника в Швеции П. К. Сухтелена, включавшую 957 инкунабулов и поступившую в 1836 г. в Петербургскую публичную библиотеку¹¹. Затем следует назвать коллекцию Ф. А. Толстого (295 томов), вошедшую в состав Библиотеки АН СССР¹², упоминавшиеся уже коллекции А. С. Норова и Н. П. Румянцева.

⁸ См.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 199—225.

⁹ См.: Путеводитель. М.—П., 1923, с. 118, 114 (Гос. Румянцевский музей. Б-ка).

¹⁰ См.: Боброва Е. И. История собрания инкунабулов Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Каталог инкунабулов. М.—Л., 1963, с. 41—50. (АН СССР. Б-ка); Горфункель А. Х. Собрание инкунабулов Ленинградского университета.— В кн.: Каталог инкунабулов Л., 1967, с. 6—8 (ЛГУ. Науч. б-ка им. М. Горького).

¹¹ Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 212.

¹² Каталог инкунабулов. М.—Л., 1963, с. 45. (АН СССР. Б-ка).

Из коллекций послеоктябрьского периода заслуживает упоминания поступившая в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина после 1917 г. коллекция Б. В. Никольского (около 100 томов)¹³, названная уже коллекция А. И. Маркушевича и влившаяся в Библиотеку АН СССР в 1938 г. коллекция академика Н. П. Лихачева (64 тома)¹⁴.

¹³ Путеводитель по фондам отдела редкой книги. Л., 1961, с. 71. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

¹⁴ Каталог инкунабулов. М.—Л., 1963, с. 49. (АН СССР. Б-ка).

Коллекция инкунабулов Десницкого не уступает собраниям многих публичных библиотек Советского Союза. Из восемнадцати библиотек, опубликовавших каталоги инкунабулов, только семь библиотек имеют коллекции инкунабулов, превышающие 41 том¹⁵.

¹⁵ Б-ка АН СССР — 814 томов; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина — 896; Центр, науч. б-ка АН УССР — 516; Науч. б-ка Вильнюс, ун-та им. В. Капсукаса — 307; Науч. б-ка им. М. Горького Ленингр. ун-та им. А. А. Жданова — 96; Центр, б-ка АН ЛитССР — 63; Гос. респ. б-ка ЛитССР — 46; Львов, науч. б-ка им. В. Стефаника АН УССР — 39; Одес. гос. науч. б-ка им. А. М. Горького — 35; Б-ка Ужгор. ун-та — 24; Науч. б-ка Львов, ун-та им. И. Франко — 40; Центр, науч. б-ка Харьк. ун-та им. А. М. Горького — 18; Б-ка Каунас, политехн. ин-та им. А. Снечкуса — 18; Науч. б-ка им. Н. И.

Лобачевского Казан, ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина — 14; Книжная палата ЛитССР — 12; Науч. б-ка им. А. М. Горького Саратов. ун-та им. Н. Г. Чернышевского — 10; ГПНТБ СО АН СССР — 9; Каунас, публ. б-ка — 3.

При комплектовании В. А. Десницкий руководствовался исключительно библиофильскими интересами. Он использовал любой случай для пополнения своей коллекции — предложения частных лиц и букинистических магазинов¹⁶. При этом он отбирал только хорошо сохранившиеся экземпляры. В его коллекции нет книг с истлевшими, рваными или подмоченными листами.

¹⁶ На девяти книгах имеются штампы или торговые марки букинистических магазинов. На остальных 32 книгах нет никаких сведений о характере поступления.

Коллекция содержит книги различной тематики. Книг естественнонаучного содержания немного, их всего семь. Особого внимания заслуживают три трактата по астрономии. Два из них (№ 3, 2) — «Введение в астрономию» (Аугсбург, 1489) и «О великих связях» (Аугсбург, 1489) — принадлежат перу арабского ученого IX в. Альбумазара, третий (№ 1) — «О рождении» (Венеция, 1484/1485) — еврейскому астрологу и астроному XII в. Абрахаму Бей-Эзре.

Медицинская наука представлена вышедшим в Страсбурге в 1500 г. трактатом «О чуме» (№ 9) немецкого врача XV в. Иеронима Бруншвига, предназначенной для практических лечебных целей «Кладовой медицины» (или «Книгой лекарств»); напечатанной в Магдебурге в 1483 г. (№ 28), а также медико-астрологическим сочинением итальянского врача и астролога XV в. Иеронима де Манфредиса «Сто рассуждений о врачах и больных», вышедшим в Болонье в 1489 г. (№ 22).

Есть одна книга по географии (№ 20): «Краткое описание земли» (Флоренция, 1493) итальянского ученого XV в. Захария Лилиуса.

Гуманитарные науки представлены восемью книгами (№ 5, 19, 25, 27, 29, 31) 32, 41). В первую очередь следует назвать исторические работы: первое издание труда Беды Достопочтенного (ок. 673—ок. 735) «Церковная история Англии» (Страсбург, ок. 1475 г., № 5), которая до сих пор является ценнейшим источником для изучения древнейшей истории Англии; одно из ранних изданий популярной в XV в. работы Вернера Ролевинка «Связка времен» (Венеция, 1480, № 29); первое издание в немецком переводе «Хроники» Гартмана Шеделя, вышедшее в 1493 г. в Нюрнберге (№ 32), и второе латинское издание этого произведения, появившееся в Аугсбурге в 1497 г. (№ 31).

Художественную литературу представляют «Сатиры» Ювенала (Виченца, 1480, № 19) и «Письма к друзьям» Франческо Петрарки (Венеция, 1492, № 25); философию — «Застольные беседы» Плутарха (Венеция, ок. 1477, № 27); педагогику — трактат немецкого гуманиста и педагога XV—

Liber pestilentialis de venenis epidimie.
Das buch der vergift der
pestilētz das da genat ist der gemeyn sterben
der Trüsen Blatten. von Hieronimo brunswig.

XVI вв. Якоба Вимфелинга «О том, как следует обучать юношей» (Страсбург, после 22 августа 1497, № 41). Одной книгой представлена военная наука (№ 33): это сборник трактатов античных авторов «Писатели о военном деле» (Рим, 1494).

Большую часть коллекции составляют книги религиозного содержания, среди них 16 теологических трактатов, одна богослужебная книга («Служба Пресвятой Деве Марии». Антверпен, 1487, № 24), восемь брошюр чисто практического назначения, напечатанные в Риме у разных печатников по заказу Ватикана: это речи по случаю посвящения в сан, погребения кардиналов и др.

Итак, из 41 книги, составляющей коллекцию, около 40% (16 книг) — светского и около 60% (25 книг) — религиозного содержания. Примерно такое же соотношение светской и религиозной литературы характерно для всей книжной продукции XV в.

Иллюстрация:

Brunschwig, Hieronymus, Pestbuch. [Stassburg], Johann Grüninger, 19.VIII. 1500, л. 1a (№ 9)

В коллекции 15 иллюстрированных изданий (№ 1, 2, 3, 7, 8, 9, 20, 24, 28, 29, 31, 32, 33, 39, 41).

Наиболее интересное среди них — упоминавшаяся уже «Хроника» Гартмана Шеделя (№ 32). Она украшена великолепными гравюрами на дереве немецких художников М. Вольгемута и В. Плейденwurфа (около 2000 гравюр). Интересны гравюры в книге «О чуме» И. Бруншвига (№ 9), вышедшей из мастерской страсбургского печатника и гравера Иоганна Грюнингера. Богато иллюстрирована «Хроника» Г. Шеделя (№ 31), созданная в мастерской Иоганна Шёнпшергера в 1497г. в Аугебурге, а также «Связка времен» В. Ролевинка, напечатанная в Венеции знаменитым Эрхардом Ратдольтом. Изображениями созвездий украсил два астрономических трактата Альбумазара «О великих связях» (№ 2) и «Введение в астрономию» (№ 3), вышедших в Аугебурге, тот же Эрхард Ратдольт.

В коллекции нет книг начального периода книгопечатания. Самая ранняя книга — около 1471 г. — это «Поучительная речь против турок» Бернарда Юстиниануса (№ 18), вышедшая из типографии Ульриха Гана в Риме. Шесть инкунабулов напечатаны в 70-е гг. XV в., 18 — в 80-е гг. и 17 — в 90-е гг.

Половина всего собрания — итальянские инкунабулы, их 21. Они представляют искусство 16 типографий пяти городов. Немецких инкунабулов в коллекции 15. Они напечатаны в семи городах 12 печатниками. Французское книгопечатание представлено тремя инкунабулами, вышедшими из мастерских трех типографов Парижа. Одним базельским изданием представлено книгопечатание Швейцарии и одним антверпенским — книгопечатание Бельгии.

Всего в коллекции собраны книги 33 типографов из 15 городов пяти стран. Из выдающихся мастеров XV в., известных своим высоким искусством, представлены такие типографы, как Эрхард Ратдольт, Антон Кобергер, Иоганн Шёншпергер, Иоганн Грюнингер, Герард Леу, Ги Маршан.

Особую ценность коллекции Десницкого придают редчайшие экземпляры инкунабулов.

Уникальной является «Служба Пресвятой Деве Марии», напечатанная в 1487 г. в Антверпене Герардом Леу (№ 24). Впервые это издание было описано в 1859 г. Ф. Л. Гофманом¹⁷. В библиографии нидерландских изданий М.-Ф.-А.-Г. Кампбелла, вышедшей в 1874—1890 гг., зарегистрирован единственный экземпляр из Гамбургской публичной библиотеки со ссылкой на статью Гофмана¹⁸. В 1898 г. этот же экземпляр регистрирует В. А. Копинджер со ссылкой на «Анналы» Кампбелла¹⁹. Последние известные нам упоминания «Службы» имеются в «Библиографии часословов, служб, розариев и т. д.», вышедшей в 1924 г. составленной Гансом Бохаттой²⁰, и в книге: Hellinga, Wytze and Lotte. *The Fifteenth-century Printing Types of the Low Countries* Vol. 1—2. Amsterdam, 1966.

¹⁷ См.: Hoffmann F. L. *Trois éditions rares de Gerard Leeu, d Anvers. (Conservees dans La Bibliotheque publique de la ville de Hamburg.)* — «Bulletin du bibliophile Beige», 1859, t. 15, p. 183—184, № 3.

¹⁸ Campbell M -F.-A.-G. *Annales de la typographie neerlandaise au XV-e siecle.* La Haye, 1874, № 1328.

¹⁹ Copinger W. A. *Supplement to Hain's Repertorium bibliographicum.* P. 2, vol. 1. London, 1898, № 4469.

²⁰ Bohatta H. *Bibliographie der Livres d'heures (Horae B. M. V.), Officia Hortuli animae, Coronae B. M. V., Rosaria und Cursus B. M. V. des XV. und XVI. Jahrhunderts.* 2-te Auflage. Wien, 1924, Officia — 54.

Полное библиографическое описание этого издания приведено Гофманом и Кампбеллой.

Однако оба описания страдают неточностью воспроизведения текста, а также расходятся в определении формулы коллации.

В вышедших позднее работах Копинджера и Бохатты уточнена только колляция.

Мы приводим библиографическое описание этого инкунабула: *Officium Beatae Mariae Virginis secundum consuetudinem Romanae curiae.* Antwerpen, Gerard Leeu, 1487. 32°.

176 л. Сигнатура: A⁸—B⁸, a⁸—v⁸; 14 строк; шрифт: 3: 63G, 5: 82 G; 5 грав. Нет л. 1—2.

С 4469; Са 1328; Hoffmann 3; Bohatta: *Horae* II—54. Гравюры расположены на обороте л. 16, 82, 90, 112, 174, раскрашены от руки. На л. 17а красно-синий рукописный инициал «D» с орнаментом. Десять красных рукописных инициалов на л. 38, 42, 46, 48, 51, 58, 83, 86, 91, 113. Рубрики рукописные.

Ne Petri & pauli apof.
f

KL Julij h3 dies xxxj
luna xxx. nox h3b3
horas. viij

xij s **Q**uod ioh. baptiste
viij **H**ilustatio marie

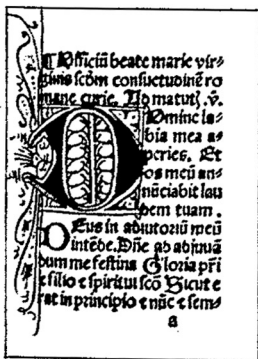
xvij c
v d
e **Q**uod petri & pauli
xliij f
ij s

36

л. 9a

f
fj s
xij **H**ilustatio marie
viij c **S**tephani pthom.
d **L**oanis euageliste.
xvij e **S**coy innocetij
v f **T**home martyris
s
xliij **H**ilustatio pape

л. 16a

л. 17a

Dne tecum **S**emini et. **I**nbe-
dne bndicere. **P**er virginez
matre pcedat nobis omis sa-
lutē et pacē. **A**me. **V**. **L**. **E**. **C**. **I**. **C**. **I**. **A**.
Quasi cecidit exaltata su-
in libano: et quasi cypri-
sus in mōde syō. **Q**uasi pal-
ma exaltata sum in cedeb. et
quasi plātatio rose in iheris-
co. **Q**uasi oliua speciosa in
cāpis: et quasi platan⁹ exalta-
ta sum iuxta aquas. **I**n pla-
teis sicut cinamomū et balsa-
num aromatisas oboōe de
b

л. 25a

Deus: vt sancta dei genitrix
maria sanctiq; tui apostoli
martyres cōfessoroz virgines
nos atq; omes sancti patroc-
ijis nos vbicq; adiuuet: quas
etius hic in alloy p̄sentij sus-
fragio trāquilla pace in tua
laude letemur. **P**er dñm no-
strum ih̄esum. **et.**

Berardus Leeu me
fieri fecit in antwerpia
āno **M**.ccc. lxxxvij.

л. 168b

Incipit rosarius bte ma-
rie virginis gloriosc.

Ave maria gratia plena
hōis tecuz bndicta tu in
mulieribus et bñdicit⁹ fruct⁹
ventris tui ih̄esus christus
Que de spu sco angelo nū-
ciante pcepisti. **A**ve maria.
Quo pcepto in mōtana p-
recessisti. **A**ve mā. **Q**ue vgo
purissimā mēte et corpe pma-
rens cū gaudio genuisti. **A**
ve mā. **Q**ue p̄anis inuoluti-
sti et in p̄scpio posuisti. **A**ve
v

л. 169a

Officium beate ma-
rie virginis scdm p̄sue-
tudine rōne curie cum
missa eiusde: et septem
psalmis p̄nialib⁹: et of-
ficiū defūctor⁹: scē cru-
cis: et sancti spūs: rosa-
riū bte marie cū nōmul-
tis scōy scārumq; sus-
fragijs

л. 176b

Переплет конца XV — начала XVI вв., на досках, с медной застежкой. Переплетая, срезали верхнюю часть орнамента инициала «D» на л. 17.

«Служба Пресвятой Деве Марии» — миниатюрное издание инкунабульного периода книгопечатания. Она напечатана в формате in-32, размер полосы набора: 44X31 мм, размер книжечки в переплете: 74X51 мм.

Книги-малютки, как образцы искусства печати появились уже в 60-е гг. XV в. В течение XV в. книги маленького формата выходили в Германии, Италии, Франции, Англии и Бельгии ²¹. Герард Леу напечатал свыше 200 книг, из них книг маленького формата — около 15, среди которых есть книги in-16° in-24° и in-32°. Эта последняя, самая маленькая по формату книга, изданная Г. Леу, и есть «Служба Пресвятой Деве Марии». «Служба», очевидно, относится к числу самых маленьких книг, напечатанных в XV в. ²²

²¹ См.: Немцовский Е. Л. Миниатюрные книги в истории книжного дела. — «Книга. Исследования и материалы». Сб. 32. 1976, с. 159—161.

²² О миниатюрных западноевропейских изданиях см.: Me Murtie D. C. *Miniature Incunabula. Some preliminary notes on small books primed during the fifteenth century.* Chicago, 1929; Goff, Fr. R. *Miniature incunabula in the Library of Congress.* — «Gutenberg Jahrbuch», 1958, S. 108—117.

Иллюстрация:

Officium Beatae Mariae Virginis. Antwerpen, Gerard Leeu 1487 л. 9а, 16а, 17а, 25а, 168b, 169а, 176b (№ 24).

Среди редчайших книг собрания Десницкого — два французских инкунабула и прежде всего трактат, приписываемый богослову XIII в. Бонавентуре «О целомудрии и воздержании священников», напечатанный между 1495 и 1498 гг. в Париже Этьеном Жеанно для книгопродавца Дени Рос (№ 7). В «Сводном каталоге инкунабулов» зарегистрировано три экземпляра, из которых два — в библиотеках Франции, а один — в Англии ²³. Четвертый экземпляр зарегистрирован М.-Л. Полей в «Каталоге книг XV в. в библиотеках Бельгии» ²⁴. Таким образом, экземпляр Десницкого можно считать пятым известным экземпляром.

²³ См.: *Gesamtkatalog der Wiegendrucke.* Bd. 4., Leipzig, 1930, N° 4713. (Ниже GW) См также: Pellechet M. *Catalogue generale des incunables des bibliothèques publiques de France.* T. 2. Paris, 1905, № 2607.

²⁴ См.: Polain M.-L. *Catalogue des livres imprimés au quinzième siècle des bibliothèques de Belgique.* T. I. Bruxelles, 1932, № 788.

Инкунабул отличается хорошей сохранностью. Записей в нем нет, за исключением пометы «гаге», сделанной на обороте форзацного листа карандашом рукой Десницкого. Книга в светло-коричневом переплете XIX в. с золотым тиснением.

Редким является парижское издание книги «Цветник с

комментариями», авторство которой приписывается французскому теологу и проповеднику XII в. Бернарду Клервоскому. Книга вышла между 1490 и 1495 г. у печатника Антуана Кайо (№ 6): В «Сводном каталоге инкунабулов» зарегистрировано пять экземпляров²⁵: два французских из муниципальных библиотек Бордо и Суассона²⁶, один экземпляр из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде, один — из Мюнхенской библиотеки, а также экземпляр из библиотеки Десницкого.

²⁵ См.: GW, Т. 3, № 4005.

²⁶ Pellechet M. Catalogue ... Т. 1, № 2165.

Книга отличается искусным оформлением и великолепно сохранилась. Она украшена красными и голубыми рукописными инициалами, красными, голубыми и желтыми рубриками, На полях имеются записи; на форзаце — запись библиографического характера, сделанная в XIX в.

В собрании В. А. Десницкого не было ни одного инкунабула с воспроизведенными от руки миниатюрами. В коллекции есть несколько экземпляров с красными, голубыми или синими рукописными инициалами, многоцветными (красными, голубыми, желтыми) рубриками. Есть инкунабулы с раскрашенными от руки гравюрами («Служба Пресвятой Деве Марии», № 24; аугсбургское издание «Хроники» Г. Шеделя, № 31, «Связка времен» В. Ролевинка, № 29). Многокрасочный инициал и рамка с растительным орнаментом украшают первую страницу текста книги Антонина Флорентийского «Наставление об исповеди...» (№ 4). Красно-синий инициал с орнаментом вписан на первой странице текста «Службы» (№ 24).

Большинство книг заключено в серые обложки, картонные или кожаные переплеты XVIII—XIX вв. Два инкунабула сохранили переплеты конца XV—XVI вв. из коричневой кожи со слепым тиснением на досках. Это: «Служба» (№ 24) и «Розарий защиты от слез» Фомы Кемпийского (№ 38). Переплет последнего был сделан не ранее 1499 г., года выхода книги, и не позднее 1568 г., даты, записанной на обороте верхней крышки переплета: Anno Do-i 1568. Для переплета инкунабула «Изложение логики» Псевдо-Фомы Аквинского (№ 37) использованы листы пергамента с рукописным текстом и нотами. Есть подписной переплет начала XX в., выполненный известным русским переплетчиком Н. В. Раевским (Antoninus Florentinus. Confessionale... Venezia, 1474, № 4). Переплет картонный, обклеенный форзацной бумагой, со светло-желтыми кожаными уголками и корешком с красной и синей наклейками из кожи. На корешке золотом вытиснены имя автора, заглавие и дата выхода книги. На обороте нижней крышки наклеена фирменная марка Н. В. Раевского.

На 38 инкунабулах (из 41) имеются владельческие записи. Записи и пометы на полях, в тексте, а также подчеркивания наиболее интересного для владельца текста свидетельствуют о связи книги с читателями разных эпох. В некоторых экземплярах для удобства пользования книгой выносились на

поля заглавия отдельных глав (Antoninus Florentinus. Confessionale... Venezia, 1474, N 4), комментируемые слова текста (Juvenalis. Satirae... Vieceza, 1480, № 19). По рукописным пометам на полях в книге «Кладовая медицины» (№ 28) можно узнать, что ею активно пользовались по крайней мере три владельца.

Несколько записей свидетельствует о том, что книги находились в XV—XVIII вв. в монастырских библиотеках. Есть книги с именами лиц, владевших ими в XVI—XIX вв. Инкунабул «Писатели о военном деле» (№ 33) в 1593 г. находился в библиотеке некоего Иоанна Агриколы из Силезии, о чем имеется соответствующая запись: *Ex libris Joannis Agricolaе Silesij An 1593*. Эта книга перешла к некоему Варфоломею Гонелиусу (Bartholomaeus Radziejwiensis Gonelius), который оставил автограф, а запись предыдущего владельца зачеркнул.

Небольшая книжка Б. Юстиниануса «Поучительная речь против турок» (№ 18) имеет владельческую запись польского политического деятеля Александра Сапеги (1773—1812): *Ex libris Alexandri Sapieha... principis Societatis Regiae Varsaviensi 1810*. На книге «Изложение логики» Псевдо-Фомы Аквинского (№ 37) — экслибрис франкфуртского врача и библиофила Георга Буркхарда Клосса (1787—1854), изучавшего ранний период книгопечатания и собравшего великолепную коллекцию инкунабулов л палеотипов.

Интересны записи библиографического характера. Встречаются также наклеенные на форзаце вырезки из книгопродавческих каталогов. Чаще всего в записях указывается год издания, отмечается библиографическая ценность книги. Например: «Весьма редкая книга 1493 года» (Lilius, Z. Orbis brevianum. Firenze, 1493, № 20). Реже попадаются подробные описания книги с указанием автора, заглавия, выходных данных. Достоверность этих библиографических сведений определяется прежде всего наличием колофона, а также степенью компетентности владельцев в области библиографии и истории книги XV в., в вопросах методики описания этих изданий. Поэтому относиться к ним следует критически. Вот несколько примеров. На форзаце книги: Псевдо-Бернардус. Цветник с комментариями. Париж, Антуан Кайо, 1490/1495 (№ 6) имеется владельческая запись XIX в. на латинском языке: «Titulus hujus libri est iste: „Incipit Floretus Bernardi Clarevallis, tractans de virtutibus et vitiis, seeundum praecepta Dei et Ecclesiae, versibus hexametri cum commento magistri Johannis Jarson (Gerson) Cancellarii ecclesiae cathedralis parisiensis. Lugduni, per Magistrum Johannem Fabri, alemanum, anno D-ni 1494"»²⁷. В. А. Десницкий ставит под этой записью пометку карандашом: «Справка не верна ВД.» И, действительно, в этом библиографическом описании достоверно лишь заглавие. Чем же объясняется такая неточность? Из самой книги можно почерпнуть сведения лишь о заглавии произведения, которое помещено на шмуцтитуле (Floretus cum commento), и об упомянутом в предисловии авторе, Бернарде Клервоском, которому это произведение приписывалось в XV в.²⁸ Из-за отсутствия колофона для определения выходных данных, а также для

установления фамилии комментатора следовало обратиться к библиографическим источникам. Автор записи неверно идентифицировал по библиографическим справочникам данное издание с лионским изданием 1494 г., вышедшим с комментариями И. Герсона²⁹.

²⁷ «Название этой книги таково: Начинается Цветник Бернарда Клервоского в котором речь идет о добродетели и пороках согласно учению бога и церкви в стихах гекзаметром с комментариями магистра Иоганна Герсона канцлера парижской кафедральной церкви. [Напечатанный] в Лионе, магистром Иоганном Фабри, германцем, в году господнем 1494».

²⁸ См текст предисловия на л. а² (b): «Titulus vero huius libri est iste. Incipit floretus bernardi clarevallis... tractans de virtutibus et viciis seeundum praescepta dei et ecclesiae...».

²⁹ Hain L Repertorium bibliographicum, in quo libri omnes ab arte typographica inventa usque ad annum MD... Vol. 1, P. 2. Stuttgartiae, Lutetiae Parisiorum, 1827, p. 394—395; Panzer G. W. Annales typographici ab artis inventae origine ad annum MD... Norimbergae, 1793, Vol. 1, № 127.

Интересны пометы на книге Псевдо-Фомы Аквинского «Изложение логики». (Лейпциг), Мартин Ландсберг [не позднее 1491], (№ 37). Этот инкунабул некогда принадлежал Г. Б. Клоссу.

В книге колофона нет, но есть марка печатника, по которой и установлено место печати.

На титуле имеется ранняя владельческая запись: вензель, дата, а также имя владельца. Та же дата вписана в марку печатника.

На форзаце помещена помета библиографического характера, сделанная уже в XIX в.: «La note manuscrite contemporaine qu'on voit au dessous du titre fixe ladate de ce rare volume pour le moins a 1470»³⁰.

³⁰ «Рукописные пометки, современные [книге], которые можно видеть под заглавием, определяют дату [выхода] этого редкого тома не позднее 1470 [г.]».

Запись чрезвычайно интересна — особенно для определения даты выхода книги.

Однако при тщательном изучении старой владельческой записи на титуле обнаруживается дата 1510. Эта же дата четко просматривается и в марке печатника,

О неверном прочтении записи XVI в. владельцем книги XIX в. говорит также история книгопечатания в Лейпциге, где первые типографии возникли лишь в середине 70-х гг., а первая книга М. Ландсберга появилась лишь в 1486 г.³¹

³¹ См.: Geldner F. Die deutschen Inkunabeldrucker. Bd. 1. Stuttgart, 1968, S. 240—246.

Примеры владельческих помет XIX в. свидетельствуют о безусловном историко-книжном интересе их владельцев, об уровне знания библиографической литературы по инкунабулам в XIX в. и служат примером необходимости критического подхода при изучении этих интересных сведений.

Мы рассмотрели далеко не все пометы на инкунабулах из коллекции Десницкого, многие записи XV—XVII вв. ждут своих исследователей.

При сопоставлении состава собрания инкунабулов Десницкого с собраниями инкунабулов советских библиотек обнаруживается, что из 41 инкунабула 16 имеются в собраниях семи библиотек СССР.

Двадцать пять изданий из коллекции инкунабулов Десницкого по сей день среди инкунабулов, хранящихся в советских собраниях, зарегистрированы не были.

В результате приобретения коллекции Десницкого собрание инкунабулов отдела редких книг Ленинской библиотеки пополнилось 33 новыми изданиями, из которых 14 вышли из типографий 11 печатников, ранее совсем не представленных в коллекции ГБЛ.

Это печатники: из Антверпена — Gerard Leeu, из Болоньи — Bazalerius de Bazaleriis, из Венеции — Bernardinus de Choris, Dominicus de Siliprandis, из Магдебурга — Bartholomäus Gothan, (Из Парижа — Etienne Jehannot (pro Denis Rose), из Рима — Johannes Francigena, Johannes Gensberg, Bartholomäus Guldinbeck, Georg Lauer, Johannes Schoemberger.

Коллекция инкунабулов В. А. Десницкого — ценнейший вклад в фонд инкунабулов отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

КАТАЛОГ ИНКУНАБУЛОВ КОЛЛЕКЦИИ В. А. ДЕСНИЦКОГО

1. ABRAHAM BEN — EZRA. De nativitatibus. Lat. — Bäte, Henricus. Magistralis compositio astrolabii. Venezia, Erhard Ratdolt, «IX. Kai. Jan. 1485» [24.XII.1484]. 4°.
2. ALBUMASAR. De magnis coniunctionibus. Lat. Ed. Johannes Angélus. Augsburg, Erhard Ratdolt, 31.II.1489. 4°.
3. ALBUMASAR. Introductorium in astronomiam. Lat. trad. Hermannus Dalmata. Augsburg, Erhard Ratdolt, 7.II.1489. 4°.
4. ANTONINUS FLORENTINUS. Confessionale «Defecerunt». Lat. Titulus de restitutionibus. Venezia, Johann von Köln et Johann Manthen, 1474. 4°.
5. BEDA. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. [Strassburg, Heinrich Eggestein, n. p. 1475]. 2°.
6. Pseudo-BERNARDUS. Floretus cum commento. [Paris, Antoine Caillaut, c. 1490/1495]. 4°.
7. Pseudo-BONAVENTURA. De castitate et munditia sacerdotum. [Paris, Etienne Jehannot pro Denis Roce, c. 1495/1498]. 8°.
8. Pseudo-BONAVENTURA. Sermones de morte. Add.: Publius Faustus Andrelinus. Ed. Petrus Pasqualicus. Paris, Guy Marchant, 6.II.1494/1495. 4°.
9. BRUNSCHWIG, HIERONYMUS. Pestbuch. [Strassburg], Johann Grüninger, 19.VIII.1500. 2°.
10. CADRATUS, PETRUS. Oratio ad Innocentium VIII. papam d. XI. Februarii 1485. habita. (Roma, Bartholomäus Guldinbeck, p. 11.11.1485). 4°.
11. CAOURSIN, GUILLELMUS. Ad Innocentium papam VIII. oratio. [Roma, Bartholomäus Guldinbeck, p. 28.1.1485], 4°.
12. CHEVRERIUS, PHILIPPUS. Ad Innocentium papam VIII. oratio. [Roma, Bartholomäus Guldinbeck, p. 4.II.1485]. 4°.
13. CONRADUS, EUSEBIUS. De dignitate canonicorum regularium. Ed. Constantius Mediolanensis. Roma, Johannes Francigena, 20.XII.1481. 4°.
14. GRESEMUNDUS, THEODORICUS. Lucubratiunculae. Mainz, Peter von Friedberg, 1494. 4°.
15. GUILLELMUS DE GOUDA. Expositio mysteriorum missae. [Leipzig, Konrad Kachelofen, 1489/1495]. 4°.
16. JACOBUS DE GRUYTRODE. Lavacrum conscientiae. Leipzig, Konrad Kachelofen, 1497. 4°.
17. JOHANNES DE HILDESHEIM. Liber de gestis et translatione trium regum.— Albertus Magnus. De festp die epiphaniae.— Augustinus, Aurelius. Sermones duo de epiphania domini. [Köln], Johann Guldenschaff, 1486. 4°.
18. JUSTINIANUS, BERNARDUS. Oratio exhortatoria contra Turcos. [Roma, Ulrich Han, p. 2.XII.1471]. 8°.
19. JUVENALIS, DECIMUS JUNIUS. Satirae. Comm. Domitius Calderinus.— Calderinus, Domitius. Defensio adversus Brotheum. Vicenza, Rigo di Ca Zeno, 1480. 2°.
20. LILIUS, ZACHARIAS. Orbis breviarium. Firenze, Antonio Miscomini, 5.VI.1493. 4°.

21. LUDOVICUS IMOLENSIS. Oratio in funere cardinalis Petri Ferrici. — Crottus, Paulus. Relatio vitae cardinalis Petri Ferrici. [Roma, Georg Lauer, n. a. 1479]. 4°.
22. MANFREDIS, HIERONYMUS DE. Centiloquium de medicis et infirmis. Bologna, Bazalerius de Bazaleriis, 20.XI.1489. 4°.
23. MASSARIUS DE CORA, AMBROSIUS. Oratio de conceptione Virginis. [Roma, Johannes Gensberg, c. 1474]. 4°.
24. OFFICIUM Beatae Mariae Virginis secundum consuetudinem Romanae Curiae. Antwerpen, Gerard Leeu, 1487. 32°.
25. PETRARCA, FRANCESCO. Epistolae familiäres. Ed. Sebastianus Manilius. Venezia, Johannes et Gregorius de Gregorüs, 13.IX.1492. 4°.
26. PETRUS RAVENNAS. Phoenix, seu De artificiosa memoria. Venezia, Bernardinus de Choris, 10.1.1491/1492. 4°.
27. PLUTARCHUS. Problemata. Lat. trad. Johannes Petri Lucensts. Ed. Johannes Calphurnius. [Venezia], Dominicus de Siliprandis, [c. 1477]. 4°.
28. PROMPTUARIUM medicinae. In dialecto Germaniae inferioris. (Arstedyge boeck). [Magdeburg, Bartholomäus Ghotan], 31.VII.1483. 2°.
29. ROLEWINCK, WERNER. Fasciculus temporum. Venezia, Erhard Ratdolt, 24.XI.1480. 2°.
30. SANCTO GEORGIO, JOHANNES ANTONIUS DE. Oratio in exequiis cardinalis Tornacensis habita 16.X.1483. [Roma, Bartholomäus Guldinbeck, p. 16.X. 1483]. 4°.
31. SCHEDEL, HARTMANN. Liber chronicarum. Augsburg, Johann Schönsperger, 1.II.1497. 2°.
32. SCHEDEL, HARTMANN. Liber chronicarum. Germ. trad. Georg Alt. (Das Buch der Chroniken und Geschichten). Nürnberg, Anton Koberger, 23.XII.1493. 2°.
33. SCRIPTORES rei militaris. Ed. Johannes Sulpicius. Roma, Eucharms Silber, 24.X., 3.XI. 1494. 4°.
34. SHINUCCIIS, ANDREOCCHIUS DE. Oratio pro Senensibus ad Innocentium VIII. [Roma, Johannes Schoemberger, p. 30.X.1484]. 4°.
35. STROZZA, TITUS VESPASIANUS. Oratio ad Innocentium VIII. [Roma, Stephan Planck, p. 28.VI.1485. 4°.
36. THEOBALDUS subprior. Pharetra fidei catholicae contra Judaeos. Leipzig, Melchior Lotter, 1499. 4°.
37. Pseudo-THOMAS DE AQUINO. Summa totius logicae. [Leipzig], Martin Landsberg, [n. p. 1491]. 8°.
38. THOMAS A KEMPIS. Hortulus rosarum de valle lacinarum-Hugo de Sancto Victore. De studio orandi et De tribus diebus. Add.: Sebastian Brant.
39. TURCI. De futuris Christianorum triumphis in Turcos et Saracenos. Augsburg, Johann Froschauer, 1499. 4°.
40. TURRECREMATA, JOHANNES DE. Summa de ecclesia contra impugnatores potestatis summi pontificis. Add.: Hieronymus Scotus. Ed. Johannes Monissart. Roma, Eucharius Silber, 27.IV.1489. 2°.
41. WIMPFELING, JAKOB. Isidoneus. Gertnanicus de erudienda iuventute.

Add. Janobus Han. [Strassburg, Johann Grüninger, p. 22.VIII.1497]. 4°.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Я. И. Бабурина.

Массовые издания портретов В. И. Ленина в 1918—1924 гг.

Т. А. Подмазова.

Об основных направлениях издательской деятельности народных комиссариатов в первые годы Советской власти

С. С. Ишкова.

К истории издания Детской книги в первые годы Советской власти (1917—1921)

Е. В. Батхина.

Архивные материалы по истории книги и книжного дела в центральных районах РСФСР. 1917—1929 гг.

З. А. Покровская.

Типография газеты «Начало». (Из истории нелегальной печати в России конца 70-х годов XIX в.)

С. С. Левина.

Проблема народного читателя нелегальной революционной литературы в период «хождения в народ» (1873—1876)

И. М. Полонская.

Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании отдела редких книг

Т. И. Кондакова.

К вопросу о формировании профессии издателя в России в XVIII в.

Е. Л. Немировский.

«Апостол» 1525 года Франциска Скорины. Опыт книговедческого описания

Ю. А. Лабынцев.

Новый экземпляр «Акафистника» Франциска Скорины

Я. Я. Черкашина.

Коллекция инкунабулов В. А. Десницкого

Труды. Том 14
ИСТОРИЯ КНИГИ
Работы отдела редких книг
ИБ 551

Редактор В. Ф. Ларина
Художественный редактор Н. Д. Карандашов
Технический редактор Н. И. Аврутис
Корректор Е. Д. Серегина

Сдано в набор 6.02.78 г. Подписано в печать 21.06.78 г.
А. 02166 Формат бум. 60X90¹/₁₆ Типографская № 1
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,0.
Уч.-изд. л. 15,2 Тираж 3000 экз. Заказ № 142. Изд. № 2541.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.
Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.